

УДК 94:093(477)

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КРЫМСКИХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ПЕРИОДОВ

Хапаев В.В.

*Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе
Севастополе, Севастополь, Украина
E-mail: khapaev007@mail.ru*

В статье анализируется достоверность письменных источников по сейсмической истории Крыма античного и средневекового периодов. Автор приходит к выводу, что только сообщения о землетрясениях 1292 г., XV в. и 1615 г. (с афтершоками) могут быть признаны полностью достоверными. Информация о землетрясениях 63 г. до н.э. и 1751 г. нуждается в проверке. Сведения о разрушительном воздействии на Крым Константинопольского землетрясения 1341 г. недостоверны.

Ключевые слова: Крым, землетрясение, античность, средневековье, источники, историография.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о роли землетрясений в истории Крымского полуострова является несколько актуальным, настолько же и малоизученным. В литературе существует устойчивое представление о повторяемости разрушительных землетрясений на полуострове один раз в 150 лет [1, с. 160-161; 2, с. 39; 3, с. 754 (прим. 268)]. С XVIII в. по настоящее время является популярной гипотеза о разрушительном воздействии на Крым землетрясений с эпицентрами в районе Мраморного моря [4, с. 81-82; 5, с. 257; 6, с. 125; 7, с. 65; 8, с. 61; 9, с. 140; 10, с. 134; 3, с. 754 (прим. 269)]. Методология сейсмоисторических исследований в отечественной науке на сегодняшний день не создана, поэтому, составить достоверный каталог исторических землетрясений Крыма не представляется возможным.

В связи с этим, необходимо проанализировать источниковую базу истории крымских землетрясений античной и средневековой эпохи. Под таковыми традиционно понимаются сейсмические события, произошедшие до присоединения полуострова к России. Целью настоящей статьи является проверка достоверности информации письменных источников об исторических землетрясениях Крыма и сопоставление полученных данных с существующими историографическими концепциями.

1. Сообщения в письменных источниках о крымских землетрясениях

1.1. Сообщения античных авторов о землетрясениях в Крыму

Первое из сохранившихся к настоящему времени сообщений о землетрясении в Крыму представляет собой фрагмент текста недошедшего до нас сочинения Феопомпа из Синопы (ок. 377-320 до н. э.) «О землетрясениях», процитированный Флегонтом из Тралл (II в. н.э.) в трактате «Об удивительных явлениях». Сообщение краткое, малопонятное и курьезное: «...В Киммерийском Боспоре при внезапном землетрясении расселся один холм и выбросил кости огромных размеров, так что

сложенный скелет оказался в двадцать четыре локтя длиной, и что окрестные варвары бросили эти кости в Меотическое озеро» [11, с. 24].

Ввиду того, что информация в приведенном отрывке носит более палеонтологический, нежели сейсмологический характер, серьезного внимания ученых она никогда не привлекала. Из приведенного текста непонятно даже, идет ли речь о реальном сейсмическом событии или, к примеру, о взрыве грязевого вулкана [12, с. 9-12].

Известно, что грязевулканическая деятельность может вызывать локальные землетрясения небольшой силы. А.А. Никонов приводит, в частности, описание похожего явления, сделанное П.С. Палласом на основе собранных им устных сообщений кубанских казаков: «... уверяют, что в 1782 г. взорвало одну из тех гор в виду всех жителей города Тамана, с превеликим шумом и треском» [13, с. 38].

Второе (по времени написания) сообщение о землетрясении, которое традиционно привыкли относить к Крыму, датируют 63 г. до н.э. Долгое время оно считалось бесспорным и наиболее надежным [14; 15; 16]. Это событие, описанное в источниках как катастрофическое, в XX в. было включено как в региональные, так и в общесоюзные сейсмоисторические каталоги.

Авторами дошедших до нас сообщений были не очевидцы событий, а позднеантичные авторы, пользовавшиеся не сохранившимися на сегодняшний день источниками. Один из них – Дион Кассий (Cassius Dio Cocceianus. ок. 155 – ок. 235 гг. н.э.), автор «Римской истории» в 80 книгах; другой – Павел Орозий (Orosius. ок. 380 — ок. 420 гг. н.э.), автор «Истории против язычников» в 7 книгах, написанной по указанию Блаженного Августина.

Текст Диона Кассия, повествующий о землетрясении, выглядит следующим образом (Dio Cassius, 37.11.4): «Οἱ δ' ἄλλοι οἱ συνότες αὐτῶ, ὡς τὰ τε τῶν Ῥωμαίων ἰσχυρότερα καὶ τὰ τοῦ Μιθριδάτου σθενέστερα αἰεὶ ἐγίγνετο (τὰ τε γὰρ ἄλλα καὶ ὁ σεισμός μέγιστος διὰ τῶν πόλεων συνενεχθεὶς αὐτοῖς πολλὰς τῶν πόλεων ἐφθειρεν), ἡλλοιοῦντο, καὶ τὰ τε στρατιωτικά ἐκινεῖτο, καὶ παῖδας τινὰς αὐτοῦ συναρπάσαντες τίνες πρὸς τὸν Πομπηίου ἐκόμισαν». («Так как римские силы неуклонно увеличивали свою хватку и силы Митридата постоянно становились слабее, и также частично потому что одно из величайших землетрясений, когда либо описанных, произошло и разрушило многие из их городов [Митридата], союзники уходили (вар. отклонялись – В.Х.) и армия развалилась, и были те, кто похитил некоторых из его сыновей и отвез их к Помпею») [17, р. 481].

В труде Павла Орозия читаем следующий текст (Orosius 6.5.1): «In Bosphoro Mithridate Cerealia sacra celebrante terrae motus adeo gravis repente exortus est, ut magna clades ex eo urbium atque agrorum secuta narretur» («Когда Митридат находился на Боспоре чтобы отметить праздник Цереры, внезапно произошло землетрясение настолько сильное, что это, как говорят, имело катастрофические последствия в городе и сельской округе») [17, р. 480-481].

Ученые, как отечественные, так и зарубежные, вплоть до конца XX в., однозначно относили это событие к Крыму, точнее – к Боспорскому царству. Разрушения в городах и на поселениях Керченского и Таманского полуостровов, фиксируемые археологически с 1945 г. и относящиеся к I в. до н.э., традиционно

связывали именно с этим землетрясением [18, с. 171; 19; 20]. В зарубежных сейсмоисторических обзорах оно также отмечалось, хотя и «предположительно», с выражением определенного недоверия [36].

Впервые истинность локализации данного события была поставлена под сомнение группой итальянских сейсмоисториков, изучавших сообщения о землетрясениях прошлого в Крыму в ходе борьбы против пуска в эксплуатацию Крымской АЭС. В обновленный каталог исторических землетрясений Большого Средиземноморья это событие было помещено как сомнительное [22]. В 1995 г. вышла статья итальянского исследователя Джуиusto Трайна (Giusto Traina), целиком посвященная этому землетрясению [17]. На основании тщательного изучения письменных источников (уже упоминавшихся выше трудов Кассия и Орозия, а также «Истории» Помпея Трога и «Хроники» Иоанна Малалы), автор приходит к выводу, что локализация землетрясения, связанного с событиями Третьей Митридатовой войны, была осуществлена неверно.

Дж. Трайна указывает: в процитированных выше отрывках из сочинений Диона Кассия и Павла Орозия не говорится о том, что землетрясение произошло на Боспоре, когда там находился Митридат; а сказано, что землетрясение случилось, когда Митридат пребывал на Боспоре. А где оно произошло, из указанных источников понять нельзя [17, р. 481-483].

Опираясь на данные Помпея Трога, сообщавшего в связи с событиями последнего этапа войны о разрушительном землетрясении, случившемся в Сирии, автор статьи настаивает на том, что и Кассий с Орозием говорили о сирийском событии, во время которого Митридат действительно находился на Боспоре. Из «Истории» Помпея Трога автор цитирует следующий пассаж (Pomp. Trog. apud Iust. Epit. 40.2.1): «Sed sicut ab hostibus tuta Syria fuit, ita terrae motu vastata est, quo centum septuaginta milia hominum et multae urbes perierunt. Quod prodigium mutationem rerum portendere aruspices responderunt» («Хотя Сирия была защищена от вражеских атак, она была опустошена землетрясением, которое убило 170 тысяч человек и разрушило многие города. Гаруспики объявили, что это знамение предсказывает изменение положения вещей») [17, р. 486].

В труде Малалы автор статьи обнаружил сообщение о том, что Гней Помпей, находившийся в то время в Сирии, организовал восстановление антиохийского бульвартерия, разрушенного, по мнению автора статьи, тем самым землетрясением [17, р. 488].

Датировка сирийского землетрясения в источниках отсутствует, поэтому автор, сопоставляя источники по истории Митридатовых войн, датирует его 65 г. до н.э.

Археологические свидетельства, обнаруженные на Боспоре, Дж. Трайна не комментирует, предпочитая сразу формулировать жесткие выводы: «That is, of course, a possible hypothesis; yet we doubt it can be supported without proper enquiries based on the methodology of seismic archaeology» («Конечно, такая гипотеза имеет право на существование, но она остается сомнительной и не может быть поддержана без надлежащих исследований, основанных на методологии сейсмической археологии») [17, р. 483], или (в конце публикации): «We therefore reject the Crimean hypothesis, as the result of a «provincial» interpretation of the

evidence. This example confirms the need to reject a strict regional perspective in historical seismology, at least as far as A.D. 1500» («Мы отклоняем крымскую гипотезу как результат «провинциальной» интерпретации реальности. Этот пример подтверждает необходимость признать отсутствие сугубо региональных перспектив у исторической сейсмологии, по крайней мере, для событий ранее 1500 г. н.э.») [17, p. 488].

Таким образом, событие, казавшееся «константой», на которой строились как датировки археологов, так и выводы историков, поставлено под сомнение. Для того чтобы согласиться с мнением Дж. Трайны или опровергнуть его, потребуются новые исследования специалистов в области истории и археологии Боспора.

1.2. Средневековые письменные источники о крымских землетрясениях

Третье сообщение нарративного источника о Крымском землетрясении абсолютно бесспорно, т.к. его автором был очевидец события. Речь идет о заметке на полях греческого синаксаря из Судака (Сугдеи, Солдайи), датированной 1292 г. Заметка – следующего содержания: «В лето 6800. В тот же день в третий час ночи тряслась земля» [23, с. 601]. Заметка сделана на поле книги возле минеи, относящейся к 28 января. Летосчисление – по Константинопольской эре.

Несколько слов о самом источнике [23]. Приписки к минеям, написанным уставным письмом XII в. на пергамене, делались в Судаке чернилами на протяжении нескольких столетий (вплоть до 1418 г.). Сохранность приписок различная. На некоторых не читается год, день или часть фразы. Однако большинство записей поддаются прочтению. Подавляющее большинство приписок являются констатациями естественных смертей горожан: мужчин и женщин, черного и белого духовенства. Таких записей (среди читаемых) – 151. Причина смерти в большинстве случаев не указывается. Лишь однажды (19 декабря 6927 (1419) г.) автор рассказывает в нескольких строках трагическую историю гибели человека от холода: «В эту ночь лишился жизни, скончавшись от холода, в 9-м часу ночи, не знаю, каким образом, бедный отец наш Иоанникий, эконоом, сын попа Ильи» [23, с. 597].

Случаи насильственной смерти упоминаются крайне редко, фактически – один раз, в записи от 28 мая 1278 г., когда многих горожан убили татары.

Записи иного содержания можно разделить на следующие тематические рубрики. Рукоположение священнослужителей – 2 записи. Поминование святых (в основном – местночтимых, архиепископов Сугдеи, но есть и другие. Например – русских святых Бориса и Глеба) – 13 записей. Освящение храмов или их частей – 4 записи. Приход татар (видимо, под стены города) – 5 записей (не считая упомянутого массового убийства, учиненного татарами в 1278 г.). Уход татар (источник называет это «очищением») – 2 записи (одна датирована 1249 г., другая, связанная со снятием осады города ханом Узбеком, не датирована). Осквернение христианских святынь мусульманами – 1 запись. Констатация политических событий в византийском мире – 2 записи (1254 г. о взятии Синопа императором Трапезунда Мануилом Комнином, и 1261 г. о взятии Константинополя императором Никеей Михаилом Палеологом).

Есть несколько записей молитвенного и нравоучительного характера, говорится о праздновании некоторых религиозных праздников с неподвижной хронологией.

Среди всех вышеперечисленных заметок особую тематическую группу составляют сведения, датированные 1291-1292 гг. Они явно сделаны одним автором. Причем, этот человек не просто любознателен, он – настоящий средневековый ученый. Дважды (в 1291 и 30 июня 1292 г.) он упоминает лунное затмение; в другой записи, относящейся к 1292 г., рассказывает о юбилее Сугдеи (1080 лет), основанной, по его словам, в 212 г. В ряду этих же записей стоит и вышеприведенное упоминание о землетрясении. Чувствуется, что автор целенаправленно фиксирует удивительные природные явления, а заодно и интересные даты. Именно 1292 г. датирована единственная запись о праздновании Пасхи, пришедшейся на такое-то число. Известно, что вычисление пасхалий – также непростая научная задача. Любопытно, что в иные периоды времени природное явление упомянуто в приписках лишь однажды – затмение (видимо, солнечное), в 1261 г.

Из всего вышесказанного следует обратить внимание на следующее. Во-первых, сообщение о землетрясении сделал человек, интересующийся природными явлениями. Во вторых, на протяжении трех столетий составления приписок лишь однажды, в конце XIII в., появляется несколько записей естественнонаучного характера. Возможно, что и сообщение о затмении 1261 г. сделано тем же автором в более молодые годы.

Изучив сообщения о землетрясении 1292 г., можно прийти к следующим выводам.

1. Поскольку приписок в синаксаре очень много, и подавляющее их большинство сообщает о смерти людей (около 80%), а в сообщении о землетрясении чья-либо смерть не упоминается, жертв в Судаке и его ближайшей округе, скорее всего, не было.

2. Спокойный тон сообщения указывает на то, что каких-либо разрушений тоже, скорее всего, не было. Природное явление заинтересовало автора как таковое, наряду с затмениями Луны.

3. Указание на время события (третий час ночи) позволяет предположить, что землетрясение было достаточно сильным, чтобы разбудить и напугать людей. Поэтому силу сейсмического воздействия на район Судака можно оценить примерно в 5 ± 1 баллов по шкале MSK-64.

4. Это сообщение является единичным. У нас нет иных сведений о землетрясении 28 января 1292 г. Поэтому, мы не имеем возможности говорить ни о его эпицентре, ни о магнитуде, ни о разрушительной силе. Возможно, что землетрясение было небольшой силы, и его эпицентр находился близ Судака. Возможно, оно оказалось более сильным, даже разрушительным, и его эпицентр находился к западу или востоку от Судака. Однако, учитывая любознательность автора сообщения, вряд ли он не упомянул бы об этом.

Четвертое упоминание Крымского полуострова в связи с землетрясением приведено в труде Н.М. Мурзакевича «История генуэзских поселений в Крыму» [24] со ссылкой на византийского историка Георгия Кедрина. В примечании на страницах 26 и 27, вне связи с основным текстом, Н.М. Мурзакевич пишет

следующее: «Кедрин III, 91 под 1341 г. упоминает следующее происшествие: “в продолжение сего (т.е. 1341 года – Н.М.) Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое доязало самого Крыма. В то же время случился там необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять вёрст и причинило вред неописанный”. – Вот эпоха естественных переворотов южного берега Крыма» [24, с. 26-27].

Данную цитату автор приводит со ссылкой на третью часть издания (на сегодняшний день исключительно редкого) «Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриным и другими...» [25, с. 81]. Эта информация, воспринимаемая многими историками и сейсмологами на веру, при внимательном изучении, вызывает множество недоумённых вопросов.

Во-первых, как мог Георгий Кедрин, живший на рубеже XI-XII вв., описывать события XIV в.? Во-вторых, почему под 1341 г. «страшного и долговременного» землетрясения не упоминают реально жившие тогда авторы? В третьих, как мог Георгий Кедрин называть Таврический полуостров Крымом, если этого слова тогда еще не существовало?

Ответить на эти и множество других вопросов, порождаемых сообщением «псевдо-Кедрина», можно лишь тщательно изучив источник информации – оригинал «Деяний церковных...». До наших дней это издание дошло в единичных экземплярах. Представленный в нем текст не является переводом. Это – вольный пересказ ромейской истории, выполненный на основе ряда византийских исторических сочинений. Источников информации «переводчик» И. Иванов не указывает, какими изданиями или рукописями он пользовался для перевода, также не сообщает. Рубрикация выполнена по столетиям. Интересующий нас текст о землетрясении помещен в раздел «столетие четвертонадесять» в контексте событий, связанных со смертью Андроника III Палеолога в 1341 г. и начавшейся борьбой за власть между Иоанном VI Кантакузином и сторонниками Иоанна V Палеолога.

Поскольку автор «Деяний церковных...» пишет о Кантакузине исключительно в комплиментарном ключе, ясно, что именно «История» [26] этого императорамемуариста легла в основу данного раздела «Деяний...» [27, с. 9]. Сообщение о землетрясении в контексте событий 1341 г. автор приводит в отдельном абзаце, отделенном широкими пробелами. Этот абзац плохо соотносится по смыслу с содержанием текста, расположенного выше и ниже. Поэтому, при чтении возникает ощущение, что данный отрывок опирается на иной источник информации. Известно, что о землетрясении как знамении, предвещавшем смерть Андроника III, пишет современник Кантакузина Никифор Григора. Сравним текст из «Деяний...» и «Римской истории» Григоры.

Текст о землетрясении 1341 г. из «Деяний церковных...»: «В продолжение сего Византия подвержена была страшному и долговременному землетрясению, которое доязало самого Крыма. В то же время случился там (где – в Крыму или Византии? – В.Х.) необыкновенный потоп, при коем свирепствующее море выступило из своих берегов на десять вёрст и причинило вред неописанный» [25, с. 81].

Текст о землетрясении 1341 г. из «Римской истории» Н. Григоры: «IX. 14.: Но пора нам сказать и о смерти старика-царя, которую предвестили многие предзнаменования. Они были следующие. Во-первых - затмение солнца, предупредившее его кончину на столько дней, сколько лет протекло всей его жизни. Затмение солнца было сменено затмением луны; а это затмение - землетрясением, случившимся в тот самый вечер, в который христиане, по древнему обычаю, совершали память соименного царю Антония. Потом, двенадцатого февраля, в тот самый день, который вечером имела последовать его неожиданная кончина (Андроника III – В.Х.), подул сильнейший южный ветер, и море так разъярилось, что, выступив из своих границ, оно разбило волнами во многих местах восточные стены Византии, обращенные к морю, расшибло на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, точно неприятель, затопило здесь много домов. Тогда же попадало много железных крестов, водруженных на храмах,— так были сильны порывы ветра. В тоже время упала и колонна, с давних пор стоявшая пред храмом сорока мучеников; будучи от пожара повреждена у основания, она заставляла проходящих бояться, что вот-вот упадет, и наводила на них страх недаром» [28, с. 454-455].

Приведенный отрывок из трактата Григоры повествует о землетрясении в ряду нескольких природных явлений, из которых первые были просто «зловещими» (лунное и солнечное затмения), а последние (буря и наводнение) оказались по-настоящему разрушительными. К какой категории причислить землетрясение? Принесло ли оно реальные бедствия или только напугало? Вероятнее второе предположение, т.к. о разрушениях в связи с подземным толчком автор не сообщает. Кроме того, землетрясение и буря были не одновременными. Сейсмический толчок произошел 17 января («в день св. Антония»), а буря – 12 февраля. Падение храмовых крестов и колонны также произошло из-за порывов ветра, а не от подземных толчков.

Таким образом, можно констатировать следующее.

1. Достоверных сведений из надежных источников о разрушительном характере землетрясения 1341 г. в Византии у нас нет.

2. Информация о «страшном долговременном землетрясении, досязавшем самого Крыма», является следствием некачественного перевода или, точнее, недобросовестного пересказа И. Ивановым информации из труда Никифора Григоры «Римская история», ничего общего с «Обзрением истории» Георгия Кедрина не имеющего. «Переводчик» механически соединил информацию о разных природных явлениях (землетрясении и буре) в одно событие. При этом он явно не имел в виду, что потоп «в то же время» случился в Крыму. Слово «там» в тексте «Деяний...» относится к Византии (т.е. Константинополю), что согласуется с информацией подлинного источника.

3. Откуда И. Иванов почерпнул сведения о том, что землетрясение достигло Крыма, неизвестно. Вероятнее всего, он это придумал, т.к. писать о Тавриде, присоединенной к России за 11 лет до издания «Деяний...», было тогда модно. А аккуратностью и добросовестностью «переводчик» И. Иванов, приписавший Георгию Кедрину труды множества других византийских историков, явно не отличался.

Из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод. Информация о том, что Константинопольское землетрясение 1341 г. было «страшным и долговременным», достигло Крыма и вызвало на полуострове потоп, является следствием неверного прочтения источника и должна быть признана полностью недостоверной.

Пятое сообщение о крымском землетрясении для нашего полуострова уникально. Оно написано современником событий, подробно и эмоционально, с точным указанием дат и, кроме того – в развитии, что позволяет проследить сейсмическое событие во всей его продолжительности, включая многочисленные афтершоки.

Речь идет о дневниковых записях первой половины XVII в., составленных жителем Каффы (точнее, турецкого Кефе) Хачатуром Кафаеци. Этот дневник хранится в настоящее время в Матенадаране (Ереван), и на языке оригинала был впервые опубликован в 1951 г. Переложение его фрагментов, содержащих сведения о землетрясениях на русский язык (в переводе Л.А. Ханларян) впервые опубликовал и прокомментировал с сейсмологической точки зрения А.А. Никонов в 1986 г. [29]. Ранее феодосийские землетрясения XVII в. упоминал В.А. Степанян [30], но в официальном каталоге было опубликовано лишь одно из этих землетрясений – самое сильное, произошедшее 5 июня 1615 г. [15]. Приоритет полной публикации и оценки события принадлежит А.А. Никонову.

В дневнике Хачатура Кафаеци говорится о 9 землетрясениях, произошедших в период с 1615 по 1656 г. Главным было событие 5 июня 1615 г. По оценке А.А. Никонова, его магнитуда составила $6,0 \pm 0,5$, разрушительная сила (по MSK-64) – 8 баллов. Очаг землетрясения, по мнению исследователя, находился под дном Черного моря на глубине 10-20 или 30-40 километров [29, с.81].

Х. Кафаеци так описывает это, одно из самых мощных в крымской истории землетрясений: «В 1064 году ... в мае месяце, 26, было землетрясение в городе Каффа: развалилась стена (городская), затряслась земля, развалились дома, заколебалась земля, изумились твари, плакали женщины, кричали дети, поднялось море, заколыхалось и пошло обратно» [29, с. 79]. Год в источнике приведен по армянскому календарю. Его эра, провозглашенная в 584 г., отсчитывается от 11 июля 552 г. Чтобы перевести дату в источнике в эру «от Рождества Христова», учитывая, что событие произошло до армянского нового года, к 1064 нужно прибавить 551. Получается 1615. День месяца в источнике приводится по юлианскому календарю. Его разница с Григорианским календарем в XVII в. составляла 10 суток. Отсюда – дата по Григорианскому календарю: 5 июня.

Последующие толчки, судя по описаниям, меньшей силы, были, по мнению А.А. Никонова, афтершоками основного землетрясения и фиксировались на протяжении более чем 40 лет. При этом А.А. Никонов справедливо замечает, что сведений об этом землетрясении в других источниках у нас нет, как нет и информации о том, что оно имело разрушительные последствия в других населенных пунктах Крыма. Поэтому автор характеризует землетрясение как местное событие [29, с. 80].

Шестое сообщение о землетрясении в Крыму, очень краткое и невнятное, содержится в написанной между 1623 и 1640 гг. турецким историком Абдуллахом ибн Ризваном «Летописи кипчакской степи» [31]. Этот труд посвящен истории Крымского ханства. Во второй части рукописи изложены географические сведения о территории, которую автор называет «кипчакской степью». В частности, на лицевой части 4 листа сообщается о «голоде и землетрясении (зелзеле), постигнувших Крым» [10, с. 16]. Это сообщение не датировано, но из контекста источника можно понять, что вышеуказанные бедствия произошли в то время, когда писалась рукопись, т.е. между 1623 и 1640 гг. Поскольку в труде Хачатура Кафаеци упоминается 3 землетрясения в указанный период (в 1626, 1640 и 1656 гг.), возможно, что и ибн Ризван имел в виду одно из этих событий. Причем, одно из землетрясений (1626 г.) Кафаеци описывает как настоящую катастрофу: «В 1075 (1626) году было чудо: в мае месяце земля разверзлась, горы и скалы столкнулись друг с другом и сползли вниз» [29, с. 80]. Стоит обратить внимание, что в случае неурожая и голода, самыми трудными оказываются последние месяцы следующей за недородом весны, накануне новой жатвы. Поэтому, совмещение голода и землетрясения в заметке ибн Ризвана может указывать именно на сейсмическое событие 1626 г., случившееся в мае. Говорить что-либо определенное о силе и параметрах землетрясения ни информация Хачатура Кафаеци, ни сообщение ибн Ризвана не позволяют. Не делал предположений на этот счет и А.А. Никонов [29, с. 80-81].

«Летопись кипчакской степи», как исторический источник, остается малоизученной. Единственный доступный ее перевод на европейский язык (французский) опубликовал польский историк А. Зайончковский [32]. На русском языке вышла его же статья «Летопись кипчакской степи... как источник по истории Крыма». В ней рукопись подвергнута источниковедческому анализу и приведены некоторые цитаты из источника на языке оригинала, причем зачастую без перевода. Фрагмент, повествующий о землетрясении и голоде, на старотурецком языке выглядит следующим образом (точный перевод этой части текста публикатором не приводится, она дается в пересказе)[31, с. 16]:

اول سال انده قحط رجال وبنالري زلزله دن يقلوب پامال اولدى.

Возможно, что тщательное исследование «Летописи кипчакской степи» позволит извлечь более точную информацию из краткого сообщения Абдуллаха ибн Ризвана.

На этом перечень древних и средневековых источников по истории крымских землетрясений исчерпывается.

2. ЗАПИСИ УСТНЫХ ПРЕДАНИЙ О ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯХ, СДЕЛАННЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ XVIII-XIX ВВ.

Следующий блок информации о крымских землетрясениях прошлого связан с сообщениями русских и европейских путешественников конца XVIII – начала XIX вв. Первое из них находим в записках П.И. Сумарокова: «Ялта в 20 минутах езды от Аутки, стоит при самом море, и одна к одному пологость, без всякого возвышения, составляет всю красоту. Она, именуясь в древности Ялитою, была у греков, потом у генуэзцев городом с каменной крепостью и несколькими церквями. По покорении Крыма татарами Ялта, поступая с большею частью приморских селений во владение

турок, всегда оставалась значащим и укрепленным местечком, и имела несколько лавок, кофейных домов, цирюлен и проч. Случившееся в Ялте в исходе XV в. землетрясение обрушило крепость, гору и уstraшенные жители разошлись из оной в другие селения» [33, с. 202-203].

Упоминает это событие и В.Б. Броневский [34, с. 68-69]. Он тоже сообщает об обрушении крепости над Ялтой, говорит об обвале скал на юге Аю-Дага в результате землетрясения XV в. Причем, говорит он об этом как об общеизвестном факте: «Невозможно верить, чтобы столь небольшая деревня была некогда Ялита, известная в древности обширную торговлею и многолюдством. На крутой горе, у подножия которой расположена Ялта, видны развалины крепости, разрушенной бывшим в XV в. землетрясением. Вот что осталось от богатого и великолепного города!» [6, с. 68]. Нельзя, правда, утверждать, что В.Б. Броневский получил сведения о землетрясении от местных жителей, а не прочитал в вышедшем ранее сочинении П.И. Сумарокова. Из текста его заметок этого понять нельзя.

Еще одно упоминание о землетрясении XV в., со ссылкой на местные предания и хроники (ни те, ни другие конкретно не названы), встречаем в записках польского путешественника Э. Хоецкого, посетившего Крым в 1843 г. Автор сообщает, что землетрясение, разрушившее крепость в Ялте, произошло во время войны между греками и генуэзцами в XV в. [35, р. 40-43; 36, с. 31-34] Вышеупомянутые сообщения находят многочисленные археологические подтверждения. Это позволило В.П. Кирилко и В.Л. Мыцу выдвинуть и обосновать гипотезу о том, что упоминаемое в легендах сейсмическое событие произошло в октябре-декабре 1423 г. и стало причиной прекращения войны между княжеством Феодоро и генуэзцами [37, с. 49-59; 38, с. 263-264]. А.А. Никонов высказал предположение, что легенда о Медведь-горе также была создана под впечатлением от природной катастрофы XV в. [39, с. 72].

Последнее перед присоединением Крыма к России сообщение о землетрясении в Крыму отыскал А.И. Маркевич в Деле Канцелярии Таврического губернатора № 37 за 1786 г. «О падении горы при деревне Кучук-Кой» [5].

Информация о природной катастрофе 1786 г. очень подробна и содержит сведения не только о ней, но и о предшествовавшем ей землетрясении. В период с декабря 1785 по февраль 1786 г. в районе деревни Кучук-Кой действительно произошла активизация крупного оползня, приведшая к фактическому уничтожению этой деревни и ее сельскохозяйственной округи. Данная катастрофа вызвала такой резонанс, что наместник Новороссии князь Г.А. Потемкин лично докладывал о ней императрице Екатерине II. Самодержица пожаловала жителям разрушенной деревни 2000 рублей. 16 июля 1786 г. их раздавал в Бахчисарае пострадавшим правитель Таврической области В.В. Каховский [5, с. 256].

Масштаб явления так впечатлил современников, что доклады о нем составляли не только специально посланные в зону бедствия чиновники (прапорщик Абдулла Мемешев и майор О.М. де Рибас), но и П.И. Сумароков, и П.С. Паллас (сообщение П.С. Палласа изложено П.И. Сумароковым в «Досугах Крымского судьи» [33, с. 189-193]). Данные известия основаны на опросах местных жителей, которые утверждали, что оползень напугал их еще и потому, что относительно недавно в этих местах произошло разрушительное землетрясение. Но вот когда оно

случилось, точно установить не удалось. Одни старожилы называли конкретную дату - 1751 г., другие говорили, что землетрясение было «назад тому лет с пятьдесят», т.е. примерно в 1735 г. [5, с. 255].

Из собранной Мемешевым и де Рибасом информации следует, что во время оползня в 1786 г. землетрясения не было, как не было и подземного гула. Правда, в рапорте де Рибаса об этом сказано предположительно: «никто же из жителей тамошних за страхом не мог приметить, было ли подлинно трясение земли в то время, когда сие разрушение учинилось» [5, с. 256]. В своем рассказе об оползне, повторяющем донесения Мемешева и де Рибаса, П.С. Паллас делает интереснейшую ремарку: «... замечательно, что во время последнего обвала здесь, произошло землетрясение в Шлезвиге и особенно в Венгрии» [5, с. 257]. Так рождалась гипотеза о разрушительном воздействии на Крым землетрясений, случившихся в весьма отдаленных местностях (даже в северной части Германии).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенная информация позволяет сделать следующие выводы.

1. Сведения о разрушительном землетрясении 1341 г. в Крыму недостоверны.
2. Информация, полученная из вторичных источников, о землетрясении 63 г. до н.э., нуждается в дополнительной проверке, а возражения Дж. Трайны – в тщательном анализе специалистов по истории и археологии Боспора.
3. Информация о разрушительном характере землетрясения 1292 г. отсутствует.
4. Датировка землетрясения в деревне Кучук-Кой 1751 г. не может быть признана полностью достоверной. Сведения о его эпицентре и масштабах отсутствуют.
5. Только два крымских землетрясения изучаемой эпохи были, без сомнения, разрушительными: XV в. на Южном берегу Крыма и 1615 г. (с афтершоками) в Каффе.
6. Гипотеза о повторяемости разрушительных землетрясений в Крыму 1 раз в 150 лет не подтверждается данными исторических источников.
7. Информации о разрушительном воздействии на Крым сейсмических событий с эпицентром в регионе Мраморного моря источники не содержат.

Список литературы

1. Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического / Л. В. Фирсов. – Новосибирск : Наука, 1976. – 224 с.
2. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона / А. И. Романчук. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – 169 с.
3. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1-2. [Отв. ред. Г. Ю. Ивакин] / С. Б. Сорочан. – Харьков : Майдан, 2005. – 1648 с.
4. Бертье-Делагард А. Л. Надпись времени императора Зенона / Бертье-Делагард А. // ЗООИД - 1888. - Т.16. - С. 55-88.
5. Маркевич А. И. К появлению оползней Яйлы близ дер. Кучук-Кой, Ялтинского уезда, в марте 1915 года (архивная справка) / А. И. Маркевич // ИТУАК - 1915. - № 52. - С. 254-259.
6. Двойченко П. А. Черноморские землетрясения в Крыму / П. А. Двойченко. – Симферополь : Крымгосиздат, 1928. – 26 с.

7. Маркевич А.И. Летопись землетрясений в Крыму / А.И. Маркевич // Черноморские землетрясения 1927 года и судьбы Крыма. – Симферополь : Крымгосиздат, 1928. - С. 64-73.
8. Суворов Е. Г. Херсонес Таврический / Е. Г. Суворов. – Свердловск: изд-во УрГУ, 1961. – 156 с.
9. Сорочан С.Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко – Харьков : Майдан, 2000. - 828 с.
10. Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона / А. И. Романчук. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, - 2000. – 390 с.
11. Смирнов М.В. Каталог землетрясений в Крыму / М.В. Смирнов. – Симферополь : Изд-во общества по изучению Крыма, 1931. - 48 с.
12. Шнюков Е. Ф. Катастрофы в Черном море / Е. Ф. Шнюков, Л. И. Митин, В. П. Цемко - К. : МАНУСКРИПТ, 1994. – 296 с.
13. Никонов А. В поисках неизвестного землетрясения / А. Никонов // Знание-сила. - 1987. - № 10. - С.32-39.
14. Ананьин И. В. Сейсмичность Северного Кавказа / И. В. Ананьин. - М. : Наука, 1977. - 148 с.
15. Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. / [Отв. ред. Н. В. Кондорская, Н. В. Шебалин]. - М. : Наука, 1977. - 535 с.
16. Попов И. И. Землетрясения в Крыму и прилегающих к нему частях Черного моря / И. И. Попов // Геология СССР. – VIII, Крым. – М. : Недра, 1969. – С. 447–459.
17. Traina G. From Crimea to Syria. Re-defining the alleged historical earthquake of 63 B.C. / Giusto Traina // Annali di geofisica. - 1995. - Vol. XXXVIII. - № 5-6. – P. 479-489.
18. Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея : по материалам раскопок 1945-1949 гг. / В. Д. Блаватский // СА. – 1953. - Т. 17. - С. 163-182.
19. Аракелян П. О. Изучение раскопок древних памятников на Керченском полуострове для возможного определения интенсивности разрушительных землетрясений / П. О. Аракелян // Изв. АН Армянской ССР. – 1983. - № 36 (4). - С. 40-49.
20. Голенко В. К. Исследования на поселении Полянка / В. К. Голенко // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. - Новочеркасск, 1989. - С. 72.
21. Erremoti prima del Mille in Italia e nell'area Mediterranea. Storia archeologia sismologia / [Editor E. Guidoboni]. - Bologna : ING-SGA, 1989. – 765 p.
22. guidoboni, E. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to 10th Century / E. Guidoboni, A. Comastri, G. Traina. – Bologna : Istituto Nazionale di Geofisica e Vulcanologia, 1994. – 504 p.
23. Заметки XII-XV века, относящиеся к Крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре / [публикатор – архимандрит Антонин] // ЗООИД - 1863. - Т. 5. – С.595-628.
24. Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму / Николай Мурзакевич. – Одесса: гор. типография, 1837. - 100 с.
25. Деяний церковных и гражданских от Рождества Христова до половины пятагонадесять столетия, собранных Георгием Кедриним и другими / [перев. И. Иванов]. – СПб., 1794. – 256 с. – (в 3 кн., кн. 3).
26. Ioannis Cantacuzeni eximperatoris historiarum libri quattuor / Ioannis Cantacuzeni ; [ed. L. Schopen]. - Bonn, 1828–32. - 3 vols.
27. История Византии : в 3 т. / [отв. ред. С. Д. Сказкин]. – М. : Наука, 1967 - Т. 3. - 1967. - 508 с.
28. Никифор Григора. Римская история / Никифор Григора ; [пер. под ред. бакалавра П. Шалфеева]. – СПб. : Тип. департамента уделов, 1862. – 564 с. – (Византийские историки, переведенные с греческого при С. Петербургской духовной академии).
29. Никонов А. А. Землетрясения XVII века в Восточном Крыму / А. А. Никонов // Известия АН СССР. Физика Земли. - 1986. - № 6. - С.79-85.
30. Степанян В. А. Краткая хронология наиболее значительных землетрясений в исторической Армении и прилегающих районах / В. А. Степанян // Закавказская конференция по антисейсмическому строительству. - Ереван, 1942. - С. 59-72.
31. Зайончковский А. «Летопись кипчакской степи» (теварих-и дешт-и кипчак) как источник по истории Крыма / А. Зайончковский // Восточные источники по истории народов Юго-восточной Европы. Вып. II. - М. : Наука, 1969. - С. 10-24.

32. Zajaczkowski A. La chronique des steppes kiptchak Tevârikh-i des I Qipcaq du XVIIe s. Éd. critique avec la trad. française du XVIIIe s. / A. Zajaczkowski. – Warszawa : Polska Akademia Nauk, 1966. - 180 p.
33. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду / Павел Сумароков. – СПб. : Императорская тип., 1803– . – Ч.1. – 1803. – 226 с.
34. Броневский В.Б. Обозрение Южного берега Тавриды в 1815 г. / Владимир Броневский. - Тула : тип. Губернского правления, 1822. – 192 с.
35. Chojecki E. Wspomnienia z podróży po Krymie /Edmund Chojecki. - Warszawa : w Drukarni Stanisława Strabskiego, 1845. – 313 s.
36. Хоецкий Е. Спогади з подорожі по Криму / Едмунд Хоецкий. – Сімферополь : ВАТ „Сімферопольська міська друкарня”, 2008. – 384 с.
37. Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны 1423-1475 гг. / Кирилко В. П. – Киев : СтилоС, 2005. – 269 с.
38. Мыц В. Л. Начальный этап правления господина Готии Алексея и первый вооруженный конфликт меду Кафгой и Феодоро в 1422-1423 гг. / В. Л. Мыц // ХСб. – 2005. - Вып. XIV. – С. 257-268.
39. Никонов А. А. Землетрясения в легендах и сказаниях / Никонов А. А. // Природа. - 1983. - № 11. - С.73-78.

Хапаєв В. В. Письмові джерела з історії кримських землетрусів античного та середньовічного періодів / В. В. Хапаєв // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 3-15 .

В статті аналізується достовірність письмових джерел з сейсмічної історії Криму античного та середньовічного періодів. Автор дійшов висновку, що лише звістки про землетруси 1292 р., XV ст. та 1615 р. (з афтершоками) можуть бути визнані як повністю достовірні. Інформація про землетруси 63 р. до н.е. та 1751 р. потребує перевірки. Відомості про руйнівний вплив на Крим Константинопольського землетрусу 1341 р. є недостовірними.

Ключові слова: Крим, землетрус, античність, середньовіччя, джерело, історіографія.

Khapaev V. V. Written sources on history of the Crimean earthquakes of the antique and medieval periods / V. V. Khapaev // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 3-15.

The article deals with the analysis of reliability of written sources on seismic history of Crimea of the antique and medieval periods. The author comes to conclusion, that only information about earthquakes of 1292, XV century and 1615 (with aftershocks) can be recognised as completely authentic. The information on earthquakes of 63 BC and 1751 requires check. Data on destructive influence of Constantinople earthquake of 1341 to the Crimea are doubtful.

Keywords: Crimea, earthquake, antiquity, Middle Ages, source, historiography.

Использованные сокращения

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.

ХСб – Херсонесский сборник.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 930.9 (Р 477.22): 371.97

**ПУТЕШЕСТВИЕ В КРЫМ АКАДЕМИКА В. Ф. ЗУЕВА
В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИИ НАУК
ПО ИЗУЧЕНИЮ НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Каушлиев Г. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: genasimf@mail.ru*

Путешествие в Крым академика В.Ф.Зуева в контексте деятельности Академии наук по изучению новых территорий.

На основе различных трудов рассмотрен вклад ученого в изучение Крыма.

Ключевые слова: краеведение; библиография; научная деятельность; крымоведение; научный труд; историк; Зуев В.Ф.

Весной 1781 года, по инициативе директора Академии наук Сергея Герасимовича Домашнева была организована экспедиция в Северное Причерноморье. 3 мая 1781 года руководителем становится адъютант Василий Федорович Зуев (1752–1794). Позже он одним из первых предложил очерк прошлого и настоящего Тавриды с описанием населенных пунктов, обычаев народов и памятников истории и культуры.

Родился ученый, как принято, было считать на протяжении длительного периода 1 января 1754 года. Эта дата была внесена во все энциклопедические словари.[1] Впервые она была приведена академиком В. М. Севергиным (1765–1826) в единственном из известных некрологов В. Ф. Зуеву [2]. Но более достоверными следует считать данные «Генерального списка учеников, принятых в гимназию Санкт-Петербургской Академии наук по 1765 год», где указано, что 16 января 1764 года поступил в гимназию Василий Зуев 12 лет от роду. Отец ученого был выходцем из крестьян Тверской губернии, служил солдатом в Семеновском полку. Поэтому Василий учился за казенный счет[3]. После окончания гимназии в 1764 году В. Ф. Зуев был назначен в экспедицию по России (1768–1774), которой руководил П. С. Паллас. Она охватывала Восточную Россию и Сибирь до китайской границы. По мнению М. Сухомлинова, именно В. Ф. Зуеву принадлежит авторство многих страниц записок П. С. Палласа об этой экспедиции[4]. Зуева посылают в Лейден и Страсбург для совершенствования в теоретических науках. С 12 октября 1779 года он был произведен в адъютанты Академии наук по физическому классу и поручен для дальнейшей ученой подготовки академику П. С. Палласу [5].

20 мая 1781 года В. Ф. Зуев и три помощника выехали из Санкт-Петербурга[6]. Был утвержден и маршрут их экспедиции: из Санкт-Петербурга на Москву, затем через Калугу, Тулу, Орел, Курск, Харьков, Полтаву, Кременчуг до крепости Херсон, куда планировалось прибыть осенью и остаться там на зимовку[7]. В поездке участники руководствовались – «Наставлением, по силе которого поступать надлежит отправленному от императорской Академии наук в путешествие по России в разные места, на юге лежащие, для исследования натуральных вещей

адъонкту Зуеву», состоящим из более чем 70 пунктов. В том числе – о необходимости сбора сведений о развалинах и древних городищах и захоронениях, находимых в них костях, курганах и древностях. В инструкции также содержались требования записывать предания, приобретать древние вещи для кунсткамеры [8].

В самой Академии наук отношение к данной исследовательской поездке было неоднозначным. В 1782 году изменилось положение С. Г. Домашнева и в руководстве Академии верх взяли люди, отрицательно относившиеся к идее экспедиции на юг (Я. Я. Штелин, С. Я. Румовский). По этой причине ещё до прибытия экспедиции в Херсон начинаются перебои с финансированием, а чуть позже поступление денег прекратилось. Из сложного положения Василий Федорович вышел лишь благодаря помощи, которую ему оказал строитель Херсона Иван Абрамович Ганнибал. Не имея желания надолго оставаться в Херсоне, В. Ф. Зуев «за благо рассудил учинить путешествие Черным морем в Константинополь»[9], хотя это и не предусматривалось инструкцией Академии наук. Есть версия, что посещение Турции, а затем и Крыма было личной инициативой ученого [7, С. 91–92.].

Тогда же Академия наук по просьбе и на средства крымского хана Шагин-Гирея снаряжает экспедицию адъонкту по химии и минералогии Федора Петровича Моисеенкова (1754–1781), с целью исследовать полезные ископаемые Крыма. Однако Ф. П. Моисеенков скончался по пути в Крым. По предположению В. Ф. Гнучевой, объехать Крым было поручено В. Ф. Зуеву [10]. Скорее всего, после приезда в Херсон, В. Ф. Зуев из-за прекращения финансирования поездки перестал считаться с указаниями Академии наук и начал действовать самостоятельно. Заметим, что в Конференции Академии наук постоянно зачитывались письма В. Ф. Зуева из экспедиции. Так, 19 ноября 1781 года было зачитано его послание из Херсона с описанием земель и имеющихся там древних захоронений. Был также «зачитан указ императрицы – не задерживать деньги Зуеву»[11].

Из Херсона ученый на фрегате добирается до Константинополя, а обратно возвращался через Румынию, Валахию, Молдавию и Бессарабию. Через месяц после возвращения выезжает в Крым. В одном из писем Зуев представлял свой маршрут путешествия: морем до Кафы, оттуда в Керчь и Еникале; переправившись через Босфор Киммерийский, посетить Тамань; затем опять Керчь – Арабат – Судак; переехав через горы Кавасбазар – Бахчисарай – Инкерман – Кезлев – Перекоп – Херсон[12]. Учёный рассчитывал выехать в январе 1782 года, провести в Крыму весну и лето и осенью вернуться в Санкт-Петербург. Он писал П. С. Палласу: «Чем больше я слышу разговоров о Крыме, тем более я загораюсь желанием ехать туда»[12 д.65,л.234]. Однако В. Ф. Зуеву не удалось полностью осуществить задуманное. Он смог выехать только 12 апреля 1782 года, взяв с собой рисовальщика Степана Бородулина. Средствами его обеспечил И. А. Ганнибал. К сожалению, пришлось отступить от первоначального плана, и частично ученый сделал описание по рассказам других людей или литературным источникам, которые, к сожалению, не указал. Во время поездки в Крым В. Ф. Зуев интересуется возможностями развития здесь сельского хозяйства, садоводства, табаководства; изучение состояния скотоводства, рыбного и звериного промыслов; возможности

развития фабричной и мануфактурной отрасли хозяйства[13]. Эти интересы легко объяснить необходимостью определить экономические возможности южных районов, освоение которых входило в ближайшие планы правительства.

В. Ф. Зуев полностью опубликовал лишь описание своего путешествия из столицы до Херсона[14]. О крымской части этого путешествия мы узнаём только благодаря напечатанным отдельным материалам. Одним из важных источников о Крыме в 80-х годах XVIII века является «Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года», опубликованная им после поездки[15]. В ней представлено общее географическое описание края, экономическое состояние полуострова, описание крупных городов. Он знакомит с изменениями во внутренней жизни Крымского ханства, вызванными реформами Шагин-Гирея[15 С. 149-151]. Подробно изложены основные моменты истории Крымского ханства, начиная с появления монголов («татар») в Крыму. В научной литературе справедливо отмечается большая разносторонность собранных В. Ф. Зуевым сведений[16]. Учёный старался обозреть и собрать материалы об этнографическом разнообразии посещаемых им земель. Зуевым подробно описаны жилища крымских татар, их вид, убранство, одежда, местные обычаи, процедура разбора судебных дел.

Эта работа явилась значительным вкладом в изучение полуострова. Отчеты о пребывании в Крыму В. Ф. Зуева и его «Размышления о Таврическом крае и его окрестностях» были сразу же опубликованы в изданиях Академии наук. Статьи В. Ф. Зуева можно рассматривать как инструкции для последующего изучения Крыма. Так, в числе прочего при дальнейших исследованиях края рекомендовалось проводить археологические раскопки, собирать монеты и древности. Весьма интересны рассуждения путешественника по истории российской торговли на Черном море и ее перспективах[17]. По мнению учёного, значительную часть товаров, вывозимых по Балтийскому морю, можно было вывозить за границу через Черное море. В. Ф. Зуев привел статистические данные о российско-турецкой торговле, которая тогда только начиналась, для подтверждения перспектив, которые сулила торговля по Черному морю

Уже в середине лета ученый вынуждено покидает полуостров. Ему помешало восстание против Шагин-Гирея в 1782 году. Через Азовское море, он добрался до Херсона. Ученый вернулся в Санкт-Петербург 30 сентября 1782 года.

Путешествия в Константинополь и Крым весьма повысили значение путешествия. Несмотря на это новый директор Петербургской Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743(4)–1810), враждовавшая с учителем Зуева П. С. Палласом, была возмущена «нелепой его цареградской экспедицией». По ее требованию В. Ф. Зуев был исключен из Академии наук так как, для руководства Академии наук главным критерием оценки стал перерасход выделенных денежных сумм. П. С. Паллас охарактеризовал этот поступок Е. Р. Дашковой как «оскорбление всей ученой корпорации и произвол власти, для которого нельзя найти оправдания»[9 С.30]. Только благодаря дипломатичному заступничеству П. С. Палласа, приведшему к личному вмешательству в этот инцидент императрицы Екатерины II, В. Ф. Зуев был восстановлен в числе

сотрудников Академии наук, а в 1784 году – избран академиком по натуральной истории.

В январе 1794 года В. Ф. Зуев скончался после двух лет тяжелой болезни, сопровождавшейся постепенной утратой умственных способностей[18]. Изображений В. Ф. Зуева не сохранилось.

Список литературы

1. Продолжение Нового опыта исторического словаря о российских писателях // Друг просвещения.– Москва, 1806.– № 10.– С. 55–59.
2. Severguine. *Precis de la vie de Monsieur Basile Zouyeff* // *Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*.– St.-Petersbourg, 1801.– Т. 12, отд. «Histoire».– S. 4–7.
3. Кулябко Е. С. Замечательные питомцы Академического университета.– Ленинград: Наука, 1977.– С. 67.
4. Сухомлинов М. Академик Зуев и его путешествие по России // *Древняя и новая Россия*.– Санкт-Петербург, 1879.– Т. 1, № 2.– С. 96–111.
5. Болховитинов Е. А. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России.– Москва, 1845.– Т. 1.– С. 234.
6. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. – Симферополь: СГТ, 2008. - Т. 2. - С. 19.
7. Райков Б. Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды: К двухсотлетию со дня его рождения.– Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1955.– С. 91.
8. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.).– Санкт-Петербург: Наука, 2002.– С. 43.
9. Соловьев М. М. Академик В. Ф. Зуев (1754–1794) // *Вестник Академии наук СССР*.– Ленинград, 1933.– № 7.– С. 26–30.
10. Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов // *Труды Архива АН СССР*.– Москва; Ленинград, 1940.– Вып. 4.– С. 19.
11. *Летопись Российской Академии наук* / Отв. ред. И. И. Невская.– Санкт-Петербург: Наука, 2000.– Т. 1.– С. 683.
12. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения.– Симферополь: СГТ, 2008.- Т. 2.- С. 22.
13. Степанов Н. Н. Этнографические исследования Василия Федоровича Зуева // *Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая сер.*– Москва, 1956.– Т. 30, вып. 1.– С. 181–182.
14. Зуев В. Путешественные записки Василья Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году / Академия наук.– Санкт-Петербург, 1787.– 275 с.
15. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // *Месяцеслов исторический и географический на 1783 год* / Академии наук.– Санкт-Петербург, б/г.– С. 122–169.
16. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения.– Симферополь: СГТ, 2008.- Т. 2.- С. 24.
17. Зуев В. О российской торговле по Черному морю // *Месяцеслов исторический и географический на 1784 год* / Академия наук.– Санкт-Петербург, б/г.– С. 9–33.
18. Непомнящий А. А. К вопросу о начале научного изучения Крыма: Экспедиция В. Ф. Зуева // *Пилигримы Крыма-98: Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: Международная научн. конф.: Материалы*.– Симферополь: Крымский архив, 1998.– С. 91–96.

Каушлиев Г.С. Подорож до Криму академіка В. Ф. Зуєва в контексті діяльності Академії наук з вивчення нових територій. / Г.С. Каушлиев // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 16-20.

На основі різних праць розглянуто внесок вченого у вивчення Криму.

Ключові слова: краєзнавство; бібліографія; наукова діяльність; кримоведеніє; наукова праця; історик; Зуєв В.Ф.

Kaushliev G. S. Travel to Crimea academician V.F.Zueva in a context of activity of Academy of sciences on studying of new territories. / G. S. Kaushliev // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 16-20.

On the basis of various works the contribution of scientific Crimea to studying is considered.

Keywords: study of local lore; the bibliography; scientific activity; scientific work; the historian; Zuev V. F.

Стаття поступила в редакцію 18.12.2008 з.

УДК 910.4

314.6

ФРЕДЕРИК ЛЕ–ПЛЕ. ОПЫТ ФРАНЦУЗСКОГО СОЦИОЛОГА ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ В ЮЖНУЮ РОССИЮ И КРЫМ»

Прохорова Т.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: grejfruit@mail.ru*

Статья посвящена путешествию французского исследователя Ф. Ле-Пле в Крым, акцентируется внимание на его наблюдениях и социологических разработках, а также на степени участия учёного в изучении полуострова в I пол. XIX в. В статье сделана попытка дать анализ его наработкам и определить возможность использования полученных французом данных для современных исследований.

Ключевые слова: социологическое исследование, «социальная реформа», общественная организация, типы семьи.

ВВЕДЕНИЕ

В истории мировой цивилизации XIX век – это время интенсивного развития мировой науки и культуры. Век А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, П.И. Чайковского – не зря его именуют «золотым», кроме того, это время, когда окончательно оформилось конкретное знание во всех областях науки без исключения. Матерью современных наук считается философия, в которой своеобразным образом синтезировалось «вселенское знание». Синкретизм наук способствовал появлению ученых, которые были глубокими специалистами сразу в нескольких отраслях. К этому поколению исследователей относится Фредерик Пьер Гийом Ле-Пле (1806–1882) – французский социолог, экономист, этнограф, политический деятель.

Целью настоящего исследования является краткое обозрение роли французского ученого в освоении юга современной Украины, в том числе Крыма, которые вошли в состав Российской империи в конце XVIII в., и становлении «крымоведческой» науки. Суть проблемы заключается в том, что тайны этих регионов в XVIII – XIX вв. постигались далеко не одними отечественными исследователями. Крым долгое время привлекал внимание иностранцев, среди них были французы (Жан де Люк, П. Шарден, Дюбуа де Монпере, П.И. Бларамберг), англичане (Э.Кларк, Р. Лайелл, Г. Форстер, Г. Джонс, А. Слейд, Э. Спенсер), немцы (П.С. Паллас, Ф. Паррот, М. Энгельгард, И.Г. Коль), швейцарцы (К. Монтандон и С. Бруннер). Многие из них отправлялись в Крым, который, как отмечает В.И. Измайлов, *«должен был в сплетении земных происшествий претерпеть все бури и перемены для того, чтобы процветать под тенью мировой державы, произвести, наконец, свои науки, свое искусство и явить Новую Грецию»* [1].

Можно сказать, что данной проблеме должное внимание отдано в трудах и статьях многих специалистов – краеведов: Непомнящего А.А. – «Историческое краеведение: Конец XVIII – начало XX в.» (К., 2003); «Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма: Последняя треть

XVIII – начало XX в.» (К., 1999), Мальгина А.В. – «Русская Ривьера», (Симферополь, 2003), Дружининой Е.И. – «Северное Причерноморье в 1775-1800 гг.», (М., 1959); «Южная Украина в 1800-1825 гг.», (М., 1970), – и это далеко не полный перечень работ.

ЛЕ–ПЛЕ В СОСТАВЕ ЭКСПЕДИЦИИ А.Н. ДЕМИДОВА (1837)

Роль профессора Парижской горной школы Ле-Пле, который одновременно являлся ученым членом Королевского французского корпуса горных инженеров, для юга бывшей Российской империи огромна и неоценима. Он сделал значительный шаг вперед в разведке полезных ископаемых Донбасса, но также обратил внимание общественности на ряд проблем, требовавших разрешения в целях освоения этих богатств, их использования для общего подъема промышленности. Огромное значение имело его участие в экспедиции Анатолия Николаевича Демидова (1813 – 1870) для изучения южных, вновь приобретенных регионов России в качестве руководителя второго отряда (всего отрядов было 4; в Россию отправились 22 человека, и все они лично подбирались главой экспедиции). Несколько слов стоит сказать об организаторе поездки. Анатолий Николаевич, потомок знаменитой династии горнопромышленников, состоял действительным членом сразу при 4 академиях наук: Петербургской, Стокгольмской, Мюнхенской и Парижской. Связь с крупнейшими научными учреждениями Европы обусловила его неоднозначное отношение к исследованиям, проводимым под их эгидой. А. Демидов всячески содействовал развитию науки, пусть не личными изысканиями, но материальной поддержкой – обязательно [2].

Современники иронично отмечали, что за всю свою жизнь Анатолий Демидов совершил три крупнейшие акции – благотворительность (пожертвовал 500 000 рублей на устройство в Петербурге дома для призрения трудящихся, вместе с братом Павлом Николаевичем учредил в Петербурге же детскую больницу, учредил при Академии наук премию в 5 000 рублей за лучшее сочинение на русском языке, в 1853 году выслал из Парижа 2 000 рублей на украшение церкви Демидовского лицея в Ярославле, пожертвовал в библиотеку лицея все свои издания и несколько ценных французских книг, а также щедро покровительствовал ученым и художникам. В частности, знаменитая картина "Последний день Помпеи" была написана Карлом Брюлловым по заказу Анатолия Николаевича). Следующей была женитьба на Матильде де Монфор, дочери короля Вестфальского Жерома Бонапарта и родной племяннице Наполеона Бонапарта, и организация экспедиции в Южную Россию в 1837 г. Крупнейший исследователь династии Демидовых И.Н. Юркин приводит цитату непосредственно из «Перечня пожертвований Демидовых» 1841 г.: «На протяжении 1837, 1838 и 1839 годов г-н Анатолий Демидов предпринял изыскания в каменноугольных формациях Дона и Донца; в то время он руководил научными исследованиями на юге России и в Крыму. Расходы на эти экспедиции и последовавшие за ними публикации превысили 450 тыс. рублей» [3].

Экспедиция в Южную Россию и Крым через Молдавию, Валахию и Трансильванию была организована знаменитым французом в 1837 г. на собственные средства. Итогом поездки стало собрание обширного материала,

посвященного истории, этнографии, статистике, состоянию образования и науки, промышленности, сельского хозяйства этого региона. По утверждению Е.И. Дружининой, отчет французского естествоиспытателя Ле-Пле кроме геологического материала содержит много интересных сведений о хозяйственной жизни Южной Украины. Итоговая работа экспедиции - «Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. Анатолием Демидовым, членом Императорской С.-Петербургской Академии Наук и Искусств, Императорского С.-Петербургского Университета, и Академий Парижской, Мюнхенской, Стокгольмской. Издание, украшенное рисунками Раффе» (М.: В типографии Александра Семена, 1853. 543 с.). Доподлинно известно, что далеко не все произведение принадлежало перу Демидова. Анатолий Николаевич «сотворил» лишь первый том, а остальные были созданы усилиями его спутников. Ле-Пле написал 4-ый том – самый ценный из всего описания путешествия, где осветил особенности топографии и геологии Донецкого края, а также рассмотрел перспективы угледобычи Юга в связи с состоянием производительных сил дореформенной России. Вклад Ле-Пле в изучение недр Донбасса был более чем значителен. Он первым дал обстоятельную карту этих замечательных залежей, однако в дальнейшей экспедиции француз проявил себя как оригинальный социолог.

ОПЫТ ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В ЮЖНОЙ РОССИИ И КРЫМУ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Увлечением Ле-Пле и его друга мистика Рейно были философские и социальные вопросы, а потому он решил посвятить себя изучению причин процветания и упадка народов и поиска средств для предотвращения насильственных переворотов. Для понимания законов общественной жизни он считал необходимым точное наблюдение и описание социальных фактов, их сравнение и классификацию. Путешествуя по Европе (Россию посетил 8 раз и издал в 1839-1849 г.г. «Voyage dans la Russie meridionale et la Crimée»), Ле-Пле собирает с указанной целью огромный и очень ценный статистический материал путем монографического описания отдельных рабочих семейств, с подробной и проверенной личными расспросами и наблюдениями характеристикой всех сторон их быта. Путем сравнения данных, добытых таким образом в различных странах, и сопоставление их с общим строем государств Ле-Пле создал *«ряд социологических обобщений, доставивших ему большую славу»* [4]. Справедливости ради отметим, что собранные им данные – это скорее заметки туриста, нежели научные наблюдения.

Немаловажную роль в становлении его теории сыграл и крымский опыт путешествия. Отряду Ле-Пле не удалось посетить Крым, но на основе записок своих коллег исследователь увлекся изучением условий жизни местных народов, что отчетливо прослеживается в сообщениях путешественников. В первом томе сочинения мы находим подтверждения его научного влияния. Это выражалось в описаниях традиций и обычаев крымских татар, евреев-караимов, цыган и других национальных общностей Крыма.

С нескрываемым интересом описывают авторы «Путешествия» и местные обычаи и обряды. Вот, например, как они пишут о пляске дервишей: *«Мы получили дозволение присутствовать при Татарской религиозной церемонии, столь странной, что нет возможности разгадать ее цель, именно при танце дервишей. Вот каким образом происходила эта церемония, более смешная, нежели важная. Около девяти часов вечера двадцать человек очень старых дервишей, украшенных длинными седыми бородами, пришли в мечеть и стали посреди в кружок, в центре которого находился мулла, отличавшийся самым почтенным видом. Каждый дервиш начал петь и потихоньку кружиться, а мулла пел громче их всех и кружился гораздо быстрее, в противоположную сторону. Мало - помалу все дервиши стали кружиться быстрее и быстрее, пение их раздавалось непрерывно громче и громче, а под конец все они кружились с невероятной быстротой. Целые двадцать минут продолжалось такое круговращение, и за все это время дервиши то кружились, то падали, то вдруг вскакивали, причем испускали дикие вопли, обращаясь постоянно в левую сторону. Когда одни дервиши уставали, то их заменяли другие, и так продолжалось целый час, пока все плясавшие выбились из сил и, спотыкаясь, разбрелись по домам. Это бессмысленное зрелище оставило в нас какое-то тягостное чувство, от которого мы не скоро могли освободиться»* [5].

Нигде не находя полного подтверждения для своей теории общественной организации жизни, Ле-Пле, рекомендуя «социальную реформу», становится эклектиком. В Англии его привлекали экономическая организация семьи и система центрального и местного управления; в Германии – приемы воспитания и уважение к труду; у горных народов Балкан и Пиренеев – сила религиозного убеждения, чистота нравов, авторитет родительской власти, общинное управление. Лишь Россия и восточные славяне не давали ему образцов социальной реформы. Русскую жизнь вообще он считал пригодной для научной характеристики средневекового, а не современного строя.

Изучению подверглись более 300 семей, на основе чего Ле-Пле выделили 3 типа:

- патриархальная – основана на зависимости всех ее членов от главы рода, родичи живут совместно (кочевые народы, славяне Восточной Европы);
- нестойкая – взрослые дети оставляют семью, самостоятельно зарабатывают на жизнь, а после смерти родителей поровну делят их имущество (Франция и западноевропейские страны);
- коренная – имущество наследует один из женатых сыновей и продолжает дело отца, остальные дети получают лишь часть имущества для обустройства жизни; предусмотрен опекунский центр для помощи другим членам семьи, если они попадают в тяжелое положение (Англия, Германия, США). Результаты этих и других исследований нашли отражение в работе «Европейские рабочие» (париж, 1855).

На сегодняшний день разработка данной проблематики имеет колоссальное значение. Ле-Пле рассматривал семью как малую социальную группу особого рода, которая предназначена для оптимального удовлетворения потребности в

самосохранении (главным образом в продолжение рода) и в самоутверждении (уважении со стороны окружающих и самоуважении). Правда, это изначальное предназначение в жизни непрерывно изменяется. Кроме того, этот социальный институт в принципе такой же, как школа, армия или тюрьма, только намного симпатичнее. Мировую общественность сегодня, как и полтора столетия назад, настораживает тот факт, что семья находится при смерти. Особенно ярко эта тенденция сегодня проявляется в развивающихся странах «третьего мира», где смертность резко упала, а рождаемость осталась по-прежнему высокой и, кажется, только начинает понижаться. С этой же проблемой общество столкнулось и в XIX в. – в странах - колониях. Учитывая подобные тенденции, легко представить, что каждые два родителя в среднем дают жизнь четырем новым, таким образом, каждые 20-30 лет происходит удвоение населения. Сегодня в «третьем мире» 3,5 млрд. человек (напомним, половина из них не имеет медицинского обслуживания и доступа к чистым источникам воды, треть не получает полноценного питания и около полумиллиарда умирает медленной мучительной голодной смертью). К 2025 г. в нем будет не менее 7 млрд. человек, к 2100 г.- если начавшееся замедление темпов продолжится - не менее 9 млрд. Практически это будет означать в некоторых регионах мира сплошной Гонконг или Сингапур на сотни километров с полумиллиардом или даже миллиардом жителей в каждом. Интересно, что такие же наблюдения сделал и Ле-Пле для своего времени (1830 – 40 - ые гг.) и во многом оказался прав.

Сегодня ситуация усложняется тем, что семья находится при смерти также в развитых странах «первого» и «второго мира». Там люди обнаружили, что семья - обуза, а дети - обуза вдвойне. И вот мы видим ФРГ, где треть населения брачного возраста (25-55 лет) не замужем и не женаты. Из оставшихся двух третей в свою очередь треть бездетны. Из остальных подавляющее большинство - однодетные семьи. Два-три ребенка и больше - считанные проценты. В результате за истекшие 25 лет население уменьшилось на 1,5 млн. чел. По прогнозам германских демографов, до 2010 г. уменьшится еще на 6 млн. (это равно людским потерям Германии во второй мировой войне), а через пятьдесят лет - наполовину. Еще через 50 лет - снова наполовину, и так далее [6].

Удивительно, что уже в XIX в. Ле-Пле проследил зачатки этих процессов и уже тогда стал задаваться вопросами: кто же приговорил семью к смерти - природа, история или судьба? Сегодня можно дать на них ответ: мы сделали это сами своей социальной близорукостью. Русский сатирик XIX века М.Е. Салтыков-Щедрин написал сказку о жителях города Глупова, которые штурмом взяли свой собственный город и своих собственных жен и дочерей самим себе отдали на поругание. Мы повторили их подвиг.

Ле-Пле задумывался над тем, какие альтернативы есть у семьи. Тогда французскому исследователю не удалось найти оптимальный вариант замены. Он отмечает, что исторические формы семьи менялись и будут меняться. Но сама семья как содружество любящих людей – идеальная организация для нормального воспроизводства населения и в количественном, и в качественном отношении, где тебя могут уважать, смотреть как на Творца и Учителя – разве этому можно найти

альтернативу? Помимо обозначенных выводов вклад Ле-Пле заключается и в том, что он впервые использовал метод включенного наблюдения при исследовании жизни семей рабочих, с которыми он имел дело на Донбассе, является автором монограммного метода исследований, инициатором выделения социальных показателей (индикаторов) в социологическом исследовании.

Становление первых научных знаний о Крыме состоялось на рубеже XVIII – XIX вв., что было связано с проведением ряда ученых экспедиций Академии Наук, руководимой из Петербурга. Исследования В.Ф. Зуева, П.С. Палласа, П.И. Сумарокова, Н.Н. Мурзакевича вызвали научный интерес в иностранных ученых кругах. На фоне этого оживления состоялось путешествие А.Н. Демидова, в экспедиции которого принимал участие замечательный французский ученый Ф. Ле-Пле. Блестящий ум исследователя позволил ему на основе собранных социологических данных сделать потрясающие прогнозы, сохраняющие свою актуальность и в XXI в. Ближайшей задачей ученых-краеведов остается определение роли членов подобных масштабных мероприятий, имена которых достойны права занять место в почетном ряду корифеев мировой науки.

Список литературы

1. Гордеева Т.Г. Греки Крыма глазами путешественников конца XVIII–XIX веков // Пилигримы Крыма – 97: Мат. междунар. науч. конф.: Алушка, 16–18 мая 1997. – Симферополь: Крымский Архив, 1997. – С. 22.
2. Головшиков К. Род даорян Демидовых. – Ярославль, 1881. – С. 241.
3. Черкасова А.С., Мосин А.Г. «На благо любезного Отечества» // Демидовский временник. – Екатеринбург: Демидовский ин-т, 1994. – Кн.1. – С. 270.
4. <http://www.examen.ru/add/manual/School-Subject/Social-Sciences/Sociology/9500/10052>
5. Демидов А.Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершённое в 1837 г. Анатолием Демидовым, членом Императорской С.-Петербургской Академии наук и искусств, Императорского С.-Петербургского Университета, и Академий Парижской, Мюнхенской, Стокгольмской. – М.: В тип. А. Семена, 1853. – С. 295.
6. <http://www.examen.ru/add/manual/School-Subject/Social-Sciences/Sociology/9500/10052>

Прохорова Т.О. Фредерик Ле-Пле. Досвід французького соціолога з «Мандрівки в Південну Росію та Крим» / Т.О. Прохорова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 21-26.

Ця стаття присвячена візиту французького дослідника Ф. Ле-Пле до Криму, зроблено акцент на його спостереженнях та соціологічних розробках, а також ступені участі вченого у вивченні півострова в I пол. XIX ст. Автор намагається розкрити сутність його розробок й визначити можливість використання отриманих ним даних для сучасних досліджень.

Ключові слова: соціологічне дослідження, „соціальна реформа”, суспільна організація, типи сім'ї.

Prochorova T.A. Frederik Le-Pley. French sociologist's experience from “Travellings to South Russia and Crimea” / T.A. Prochorova // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 21-26.

This topic is devoted to visit to Crimea by French sociologist F. Le-Pley, there was made an accent on his observations and sociological elaborations. The author of this article trade to ascertain an essence of his workings in their possibility to be used in contemporary investigations.

The key words: sociological investigation, “social reform”, social organization, the types of family.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 94(477.7)

ЭМИГРАЦИОННЫЕ ДВИЖЕНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В ТУРЦИЮ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КРЫМА

Бойко В.В.

Таврический гуманитарно-экологический институт, Симферополь, Украина

Главной целью статьи является анализ социально-экономических причин и последствий эмиграционных движений крымских татар середины XIX – начала XX века. Показано, что наиболее тяжелой для экономики Крыма была третья волна эмиграции крымских татар 1854-1863 гг. Она привела к расстройству хозяйственной жизни полуострова из-за резкого повышения стоимости наемной рабочей силы и падения стоимости земли. Сделан вывод о том, что главной причиной массового выезда крымских татар в Турцию было нищенское существование значительной части этого народа из-за нерешенности земельных проблем.

Ключевые слова: Таврическая губерния, Крым, Турция, эмиграция, крымские татары.

Одной из важных задач демократического развития современного украинского общества является восстановление исторической справедливости по отношению к депортированным народам, содействие их социально-политической и культурно-экономической интеграции на началах толерантности, стабильности, взаимного доверия. В этой связи особую актуальность имеет исследование исторического прошлого крымских татар и, в частности, одной из наиболее драматичных страниц истории Крыма – крымскотатарских эмиграционных движений в Турцию. С конца XVIII до начала XX века прошли несколько эмиграционных волн, которые кардинально изменили национальный состав населения Крыма и оказали серьезное влияние на развитие экономики и культуры как Крымского региона, так и самого крымскотатарского народа.

К исследованию указанной проблемы историки обращались не раз. Подробные и обстоятельные обзоры литературы, посвященной эмиграционным движениям крымских татар в Турцию, содержатся, в частности, в диссертации Д.Ю.Золотарева [1] и статьях Г.Бекировой [2]. Мы не станем повторяться и укажем, что главной целью нашей статьи является анализ социально-экономических причин и последствий эмиграционных движений крымских татар середины XIX – начала XX века. Таким образом, в нашем исследовании экономический аспект проблемы является преобладающим.

Прежде всего определимся с хронологическими рамками эмиграционных движений крымских татар. Обобщая сведения на эту тему, Г.Бекирова называет следующие даты первых трех волн эмиграции: первая – 1784-1800 гг., вторая – 1800-1812 гг., третья – 1854-1862 гг. [3]. Следующие волны эмиграции крымских татар более четко определяет Д.Золотарев: четвертая – 1873-1877 гг., пятая – 1892-1894 гг., шестая – 1901-1904 гг. [4]. В контексте темы нашего исследования нас будут интересовать третья – шестая эмиграционные движения крымских татар в Турцию.

Среди причин третьей эмиграционной кампании крымских татар различные авторы называют их религиозный фанатизм, низкий культурный уровень, националистические тенденции, нежелание отбывать воинскую повинность, страх перед возможной депортацией во внутренние губернии империи и т.п. [5]. В то же время ряд авторов считают эмиграцию крымских татар результатом прежде всего тяжелого материального положения, связанного с безземельем и злоупотреблениями со стороны российских чиновников. Э.Тотлебен обращает внимание на то, что помещики «часто присваивают себе земли, принадлежавшие татарам... 30 лет назад в Крыму почти не было другого землевладения, кроме свободного татарского и небольшого количества лиц, владевших садами на южном берегу и в долинах...» [6]. Тему затянувшихся на многие десятилетия земельных неурядиц развивает Г.Левицкий, отмечая, что «стремление исторгнуть из рук татар всю поземельную собственность стало столь сильным, что захват наследственных участков государственных крестьян из татар и превращение этих участков в общественную, а затем и поземельную собственность стало законом». Среди других экономических причин эмиграции исследователь указывает на «тягость налогов и повинностей», а также «неуравнительность пособий» за убытки, понесенные во время Крымской войны. Выплаты «производились самым несправедливым образом и сильно поколебали привязанность татар к русскому правительству» [7].

Официальную статистику третьей волны эмиграции со ссылкой на «Памятную книжку Таврической губернии на 1867 год» передает Ю.Янсон. Число эмигрировавших крымских татар определено в 181177 человек. В Перекопском уезде опустело 278 селений, в Евпаторийском – 196, в Феодосийском – 67, в Симферопольском – 24 [8]. Современные исследователи приводят несколько иные данные, по которым число эмигрировавших в Турцию крымских татар в 1860-1863 гг. составило 192360 человек; совсем обезлюдели 784 татарских села и аула Таврической губернии [9].

Чтобы как-то поддержать экономику края, правительство приглашает туда колонистов из разных стран. Ю.Янсон указывает, что с 1860 по 1867 гг. только в Перекопском уезде было вновь занято немцами 10 селений, чехами и малороссиянами (украинцами) – по 4 селения, эстонцами – 3, болгарам – 1 селение. Но в сумме эта цифра составила лишь 9 % от числа покинутых селений. Количество новых колонистов никак не восполнило числа выселившихся крымских татар: к 1867 году в Перекопском уезде считалось 2740 иммигрантов против 41331 выселившегося крымского татарина, в Евпаторийском – 7181 против 8434, в Симферопольском – 205 против 17459 крымских татар. Отсюда, указывает Ю.Янсон, очень низкая плотность населения, составлявшая преобладающий момент при определении системы хозяйства: в 1866 году на одну квадратную версту в Перекопском уезде приходилось 3,4 человека, в Евпаторийском – 5,2 человека, в Феодосийском – 7,6, в Ялтинском – 17, в Симферопольском – 17,9 человек [10].

Массовая эмиграция значительной части населения Крыма в течение 6-7 лет не могла не сказаться на развитии экономики края. Она привела к резкому повышению стоимости наемной рабочей силы и падению стоимости земли. Если в Перекопском уезде в 1856 году десятина земли стоила 13 рублей, то после выезда крымских татар

– 10 рублей; в Феодосийском уезде цена земли упала с 20 до 16 рублей. Если до Крымской войны годовая плата работнику мужского пола составляла 23-25 рублей плюс 25-30 рублей на питание, то к концу 60-х годов XIX века она увеличилась до 60-75 рублей деньгами и до 30 рублей на содержание. Таким образом, расходы на заработную плату выросли почти в 2 раза и стали главным элементом производственных издержек сельскохозяйственного предприятия [11]. К чему, в конечном итоге, это привело, ярко описывает Е.Марков: «Кто был в Крыму хоть один месяц, тот тотчас же узнает, что Крым погиб после удаления татар. Они одни переносили этот сухой зной степи, владея тайнами извлечения и проведения воды, разводя скот и сады в таких местах, где долго не уживается немец или болгарин. Сотни тысяч честных и терпеливых рук отняты у хозяйства, стада верблюдов почти исчезли; где прежде ходило тридцать отар овец, там ходит одна; где были фонтаны, там теперь пустые бассейны; где была многолюдная промышленная деревня, - там пустырь; и эти пустыри, как прежние деревни, наполняют теперь целые уезды. Проезжайте, например, Евпаторийский уезд; и вы подумаете, что путешествуете по берегам Мертвого моря. Дороговизна рук и жизненных припасов с уходом татар возросла до невыносимых размеров, которые просто могут разогнать последнее скудное население крымских городов. Словом, Крым по уходе татар – это дом после пожара» [12].

Архивные материалы также содержат немало свидетельств того упадка и разорения, в котором пребывала экономика Крымского полуострова после эмиграции крымских татар в Турцию. Обратимся к отзывам и запискам землевладельцев и предпринимателей Симферопольского уезда, направленным в Симферопольскую уездную земскую управу (1866-1867 гг.).

Симферопольский 1-й гильдии купец М.Розенштейн пишет: «После весьма тяжелых бедствий минувшей Крымской войны, перенесенных Таврической губерниию и особенно падением Севастополя, она сильно пострадала еще от неурожаяев и саранчи, последовавших вслед за нею и продолжающихся до сих пор; окончательный же удар нанесен обедневшему уже краю выселением татар и ногайцев, а чрез это недостаток рабочих рук и оборота денег, конечно, нисколько не содействуют промышленности и сельскому хозяйству... В Симферополе и его уезде нет или почти нет промышленников, владеющих личными капиталами и имеющих кредит, а это – жизненная артерия промышленности и сельского хозяйства. Помещики и вообще сельские хозяева за неимением местных покупателей с наличными деньгами остаются при своих продуктах и, наконец, принуждены сбыть их – но кому? А сбыть нужно, чтобы заплатить беднякам-рабочим за их летний труд и тем обеспечить себя на будущее время, что они придут работать. Кто же пользуется выгодами от продажи наших произведений? Конечно, почти не жители Крыма, а ими пользуются капиталисты Москвы, Харькова, Одессы и других городов, покупающие вина, табак, фрукты, виноград и прочие произведения края за полцены, но за наличные деньги, зная, с одной стороны, что на месте покупки не встретят конкурентов, а с другой – что недостаточное состояние сельских хозяев, не имеющих виду других, более выгодных покупателей, вынудят их отдать свои произведения, доставшиеся тяжелым трудом, за цены, какие им вздумается

предложить...» Землевладелец Кузитин сетует на то, что в упадок пришло степное крымское коневодство: «...многие землевладельцы уничтожили табуны или подумывают об уничтожении их и стремятся заменить их по преимуществу отарами овец крымских простых или испанских». Землевладелец Лазов указывает: «Хлебопашество в Крыму часто страдает от засух, саранчи и разных вредных животных и потому маловыгодно и ненадежно – особенно при дороговизне рабочих рук. Скотоводство и коневодство малопродуктивны от повальных болезней и от повсеместного упадка цен на лошадей и рогатый скот... Виноградники приходят в упадок от распространившейся болезни винограда, дороговизны рабочих, плохих приемов виноделия и трудности сбыта вин по выгодной цене... После ухода татар мы нуждаемся здесь в вольнонаемных работниках до того, что нередко не можем приискать их даже за дорогую плату. Землевладельцы вынуждены бывают нанимать людей малоспособных, с просроченными паспортами или же вовсе беспаспортных, готовых на воровство и всякого рода проступки...» Землевладелец Н.Кулиш предлагает обратить внимание на пути сообщения: «Дороги наши степные во время распутицы убийственны для проезжающего; всякого же рода товары, и особенно громоздкие, каковы зерновые хлеба, во время грязи вовсе не могут быть перевозимы ни за какую плату. Оттого в г. Симферополе нередко бывает необыкновенное возвышение цен на продукты насущной потребности...» [13].

Конечно, не все проблемы экономического развития Крыма в 60-х годах XIX века напрямую были связаны с эмиграцией крымских татар, но сомнений не вызывает тот факт, что эмиграция значительной части работоспособного населения полуострова способствовала глубокому расстройству всей хозяйственной жизни Крыма. Эту связь между уровнем развития хозяйства региона и этнической структурой его жителей прослеживает и председатель Евпаторийской уездной земской управы К. В своем докладе от 8 сентября 1867 года он поясняет, в частности, причины плохого развития некоторых отраслей сельского хозяйства после выезда крымских татар и появления в уезде переселенцев из других регионов: «Коренные жители крымских степей – татары, в прежнее время располагая громадными степями, занимались по преимуществу овцеводством и скотоводством, возделывая землю лишь для того, чтобы иметь хорошие сенокосы. Между тем переселенцы, имея возможность на своей земле содержать не более 16 штук овец на душу, не в состоянии развести овцеводства в таком размере, которое обеспечивало бы их нужды». Далее он предлагает увеличить переселенцам размер земельного надела в два раза, одновременно обращая внимание и на проблему этнического состава переселенцев, прибывавших на место эмигрировавших крымских татар: «Обращаясь за этим к причинам неуспеха правительства в деле заселения, необходимо взглянуть на тех переселенцев, которые, водворившись было в Крыму, затем выселились, а также тех, которые ныне проживают в уезде. Из первых – болгары оставили Крым, не найдя в нем предполагаемых ими садов и виноградников, а также пострадавшие много от незнакомства с климатом. Эстонцы, смысленный и очень полезный народ, тоже принуждены были покинуть Крым потому, что они родились в лесистых и низменных местах севера при реках и озерах. В Крыму же, чуждом им и по хозяйству, и по языку, и по климату, они

потеряли из 200 с небольшим семейств более 200 человек умерших, все перехворали много раз, наконец, совершенно разорились, несмотря на большие льготы и пособия от правительства. Остаются на жительстве одни русские и малороссияне. Они вышли из ближайших к Таврической губернии мест, а потому климат и хозяйство здешние были достаточно знакомы им» [14]. Также земский деятель обращает внимание на то, что до эмиграции крымских татар Евпаторийский уезд не знал больших проблем с водоснабжением: «Что же касается до воды, то, вспомнивши прежнее народонаселение Крыма и, в особенности, в военное время при стечении войск, когда и скотоводство было в большем размере, чем теперь, нельзя не придти к убеждению, что если тогда доставало воды, то при увеличении настоящего народонаселения одною или двумя тысячами семей и подавно; бездна колодцев, засыпанных в военное время и неочищенных поныне, положительно указывают, что опасения на недостаток воды не имеют верного основания...» [15].

В 70-е годы XIX века экономическая жизнь в Крыму оживляется, но на благосостоянии крымских татар это особо не отразилось. Проблема безземелья не находила эффективного разрешения на протяжении десятилетий. На наш взгляд, именно эта проблема, а как следствие – тяжелое социально-экономическое состояние крымских татар – была главной причиной всех их эмиграционных кампаний в XIX – начале XX века. Все остальное – это скорее поводы к усилению эмиграционных настроений и претворению в жизнь давно вызреваемых планов выезда. Так, следующая эмиграционная волна 1873-1877 гг. была связана с введением в стране всеобщей воинской повинности, которая распространялась и на крымских татар, освобожденных ранее от принудительных рекрутских наборов. По подсчетам Д.Золотарева, в этот период эмигрировало в Турцию от полутора до трех тысяч крымских татар [16]. Царское правительство вскоре поняло, что не в его интересах усугублять экономические проблемы полуострова массовым выездом крымских татар и с целью предотвращения эмиграции направило в Крым в 1874 году экс-генерал-губернатора Новороссийского края С.Воронцова и директора департамента полиции Касаговского. В 1876 году при министерстве внутренних дел работала Комиссия по обустройству быта крымских татар, которая должна была выработать меры, способствующие ослаблению эмиграционных настроений. Однако Комиссия отклонила те действия, которые были способны улучшить условия социально-экономической жизни крымских татар, и ограничилась принятием мер преимущественно административного порядка. В частности, было предложено объявить амнистию тем эмигрантам, которые затем вернулись на родину.

В 1892 году правительством была отменена часть льгот, установленных в 1874 году относительно прохождения крымскими татарами военной службы. Это привело к подъему новой – пятой эмиграционной волны. В 1893-1894 гг. Крым покинули около 3 тысяч крымских татар [17].

Шестая волна эмиграции оказалась самой массовой за предыдущие треть столетия: в 1901-1904 гг., по подсчетам Д.Золотарева, в Турцию выехало около 18 тысяч лиц [18]. На сей раз попытки приостановить переселение с помощью запретов и соответствующей пропаганды успехов не имели и правительство вынуждено

было признать ведущую роль экономических факторов эмиграции. Вступивший в апреле 1902 года в должность Таврического губернатора В.Ф.Трепов в переписке с министерствами внутренних дел и финансов Российской империи упрекал центральные власти: «Должен признать, что русское правительство не приложило ни труда, ни забот, чтобы прочно устроить земельный быт татар... По отношению к детям степей – татарам правительство относилось безучастно и равнодушно; и следует ли удивляться, что никем не руководимый, неразвитой, некультурный, доверчивый и беспечный татарский народ погибает от хищнических набегов на их права и имущество всяких, вооруженных искусством обходить закон, земельных паразитов-спекулянтов». В другом документе Таврический губернатор земельные проблемы крымских татар характеризовал так: «Весьма значительное количество татар безземельных, или имеющих недостаточное количество собственной или общественной земли, проживая в имениях помещиков и обрабатывая земли сих последних на условиях скопщины, т.е. с правом получения в свою пользу известной части урожая, вследствие некультурности и малой вообще работоспособности не только не могут земледельческим трудом в достаточной мере обеспечивать своего существования, но и для помещиков являются контрагентами нежелательными; ввиду чего и помещики, даже татары-мурзы при первой возможности стремятся заменить татар русскими рабочими» [19].

Земский гласный К.Н.Куломзин поясняет земельные неурядицы крымских татар на примере Евпаторийского уезда. Он указывает, что, по данным Статистического бюро Таврической земской управы, в 1884 году безземельные составляли 91 % всего татарского населения уезда (13832 человека). Из них в тяжелых экономических условиях пребывали 10147 человек. Спустя 18 лет сильно уменьшилось число крымских татар, имеющих свой посев. «В настоящее время, - пишет далее К.Куломзин, - условия аренды становятся все более и более тяжелыми ввиду сильного вздорожания земель... Так, уплачиваемая за пашню и покос в пользу помещика доля урожая возросла в Евпаторийском уезде с $\frac{1}{5}$ – $\frac{1}{3}$ в 1884 г. до $\frac{1}{3}$ в настоящее время при семенах арендатора... За выгоны арендатором уплачивается землевладельцу от 1 до 3 руб. от головы крупного скота и от 40 коп. до 1 руб. за овцу. За хату независимо от размеров и удобств помещения арендатором отдельно уплачивается от 5 до 15 рублей... Мусульманское духовенство со сдачи в аренду вакуфных земель берет столько же вместо положенных шариатом $\frac{1}{10}$ доли урожая... Более зажиточные арендаторы, каковыми, например, являются немцы-колонисты, все более и более вытесняют даже и с вакуфных земель татар, которые, окончательно оторванные от земледелия, стекаются в города, где существуют весьма скудными поденными заработками, пополняя собою кадры городского пролетариата...» [20].

Примечательно то, что к концу XIX – началу XX века проблемы экономического развития Крыма все меньше зависели от эмиграции крымских татар. Во-первых, четвертая, пятая и шестая волны были не столь масштабными, как предыдущие. А во-вторых, одновременно шел процесс заселения Крыма представителями других этнических групп, которые также вносили немаловажный вклад в его экономику. По подсчетам Я.В.Бойко, на протяжении 1897-1917 гг. в

Таврическую губернию, в т.ч. в Крым, прибыло 236 тысяч человек [21]. Такого рода миграционные процессы вносили серьезные изменения в этнодемографическую и хозяйственную структуру населения полуострова, однако не оказывали определяющего влияния на его экономическое развитие, как это было в середине XIX века. Поэтому Таврический губернатор В.Ф.Трепов и предлагал не препятствовать выселению крымских татар в Турцию: «К тому же, если в прежние времена и могли возникнуть опасения, что вследствие переселения татар степь обезлюдится, то теперь следует признать, что опасения эти миновали навсегда, ввиду постоянного наплыва пришлого населения» [22].

Итогом колонизации Крыма Российской империей, сопровождавшейся массовой эмиграцией крымских татар в Турцию, стало то, что к 1917 году почти половину населения полуострова (49,4 %) составляли русские и украинцы, а крымских татар на своей исторической родине осталось лишь 216968 человек, или 26,8 % в этнической структуре крымского населения [23]. Главной причиной массового выезда крымских татар в Турцию было нищенское существование значительной части этого народа из-за нерешенности земельных проблем. В результате заселения полуострова представителями других народов к последней четверти XIX века социально-экономическая ситуация в крае стабилизировалась и оставалась такой вплоть до начала I мировой войны. Крым в результате оттока татарского населения не погиб, но во многом утратил в самобытности и динамике социально-экономического развития.

Список литературы

1. Золотарьев Д.Ю. Кримськотатарська еміграція останньої третини XIX – початку XX ст.: історіографічний і джерелознавчий аспекти. – Автореферат дисерт. на здобуття наук. ступ. канд. іст. наук. – Київ: Ін-т укр. археографії і джерелознавства ім. М.С.Грушевського НАН України, 2000. – 17 с.
2. Бекирова Г. Проблема эмиграций крымских татар в российской исторической литературе XIX в. - 30-х годов XX века. – <http://www.kirimtatar.com/Researches/1783.html>.
3. Там же.
4. Золотарев Д.Ю. Указ. соч. – С. 12-13.
5. Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию // Известия АН СССР. – Л., 1928. - № 4. С. 375-405; Щербань Н. Переселение крымских татар // Русский вестник. – 1860. – Кн. 12. – С. 211-229; Тотлебен Э.И. О выселении татар из Крыма в 1860 году // Русская старина. – 1893. – Т. 78. – С. 531-550.
6. Тотлебен Э.И. Указ. соч.
7. Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // Вестник Европы. – 1882. – Октябрь. – С. 596-639.
8. Янсон Ю. Крым. Его хлебопашество и хлебная торговля. – СПб., 1870. – С. 8.
9. Бекирова Г. Указ. соч.; Зінченко Ю. Кримські татари: Історичний нарис. – К.: Голов. спец. ред. літ. мовами нац. меншин України, 1998. – С. 52.
10. Янсон Ю. Указ. соч. – С. 9-10.
11. Там же. – С. 8, 15.
12. Марков Е. Очерки Крыма. – Спб., 1902. – С. – С. 111.
13. Государственный архив в Автономной Республике Крым (далее – ГА в АРК). – Ф. 61. – Оп. 1. – Д. 3. – Лл. 6, 12, 25, 51, 52.
14. Там же. – Ф. 528. – Оп. 1. – Д. 22. – Лл. 2-12.
15. Там же. – Л. 4.
16. Золотарев Д.Ю. Указ. соч. – С. 12.
17. Там же. – С. 13.

18. Там же.
19. ГА в АРК. – Ф. 26. – Оп. 3. – Д. 194. – Л. 132, 133.
20. Куломзин К.Н. Докладная записка о положении безземельных татар в Евпаторийском уезде, представленная в Евпаторийский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – Б.м. – 1902. – С. 2-3.
21. Бойко Я.В. Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII – начало XXI в.). Этностатистический очерк. – Вып. I. – Черкассы: «Вертикаль», 2007. – С. 9.
22. ГА в АРК. – Ф. 26. – Оп.31. – Д. 194. – Л. 134.
23. Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма. – Симферополь: Южное кооперативное издат-во, 1919. – С. 6.

Бойко В.В. Еміграційні рухи кримських татар до Туреччини у середині XIX – на початку XX століття: причини та вплив на соціально-економічний розвиток Криму / В.В. Бойко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 27-34.

Головною метою статті є аналіз соціально-економічних причин та наслідків еміграційних рухів кримських татар середині XIX – початку XX століття. Показано, що найтяжчою для економіки Криму була третя хвиля еміграції кримських татар 1854-1863 рр. Вона призвела до розладу господарського життя півострова через різке підвищення вартості найманої робочої сили та падіння вартості землі. Зроблено висновок про те, що головною причиною масового виїзду кримських татар до Туреччини було злиденне існування значної частини цього народу внаслідок невирішеності земельних проблем.

Ключові слова: Таврійська губернія, Туреччина, еміграція, кримські татари.

Boyko V.V. Emigrational motions of the Crimean Tatars in Turkey in the middle of the XIX – beginning of XX centuries: reasons and influence social and economical development of Crimea / V.V. Boyko // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 27-34.

The main reason of the article is an analysis of social and economic reasons and consequences of emigrational motions of the Crimean Tatars at the middle of the XIX – beginning of XX centuries. It's demonstrated that the most severe for the economic situation in Crimea was the third wave of emigration of the Crimean Tatars which took place in 1854-1863 years. It led to the disorder of economic life of the peninsula because of sharp increase in the cost of the hired labor force's and the fall in land value. The conclusion was that the main reason of the mass emigration of the Crimean Tatars in Turkey was miserable existence of considerable part of this nation because of unresolved land problems.

Keywords: Taurida Province, Crimea, Turkey, emigration, the Crimean Tatars.

Стаття поступила в редакцію 18.12.2008 з.

УДК 930.1+[94(477.75):910.4(=162.1)"]17/19"]

АНТОНИЙ МАРЦИНКОВСКИЙ: К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ КРЫМОВЕДЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Громенко С.В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: gromserg@meta.ua*

В статье на основе разнообразных материалов реконструируется жизненный и творческий путь Антония Марцинковского – польского путешественника в Крым, критика, публициста и этнографа. Приведен обзор историографии проблемы. Проанализированы воспоминания А. Марцинковского о поездке в Крым, дана оценка этого произведения.

Ключевые слова: Крым, Антоний Марцинковский, польские путешественники, записки путешественников.

Среди всех регионов современной Украины Крыму, без сомнения, принадлежит первое место по продолжительности и интенсивности исторической жизни – как в эпоху античности, так и в XIX веке. Русско-турецкие войны, присоединение Крыма к Российской империи и, наконец, Крымская война – все это способствовало развитию интереса к Крымскому полуострову [1], как со стороны официальных кругов причерноморских держав, так и различного рода путешественников. Ни одна местность на берегах Черного моря, за исключением Стамбула, не привлекала к себе так много внимания вояжеров. Исходя из этого, следовало ожидать, чтобы записки путешественников сыграли особую роль в становлении источниковедения и историографии истории Крыма, но этого не произошло ни в XIX, ни в XX веке. Как справедливо заметил известный этнограф и археолог Николай Иванович Надеждин, «известия путешественников – особый ряд богатых источников, ряд также еще не разработанный, даже не вполне изданный» [2]. Это определение целиком верно и для сегодняшнего дня. Однако, если отечественным «туристам» относительно повезло, и их сочинения сегодня переиздаются, то записки иностранных путешественников, в частности, польских, продолжают оставаться своеобразной *terra incognita*. Изучению крымоведческого наследия одного из польских путешественников в Крыму в середине XIX века – Антония Яксы-Марцинковского – и посвящена настоящая статья.

Несмотря на то, что Антоний Марцинковский являлся подданным Российской империи, а его историко-этнографические очерки касались, главным образом, украинских земель, ни в тогдашней России, ни в современной Украине не уделялось должного внимания его творческому наследию. Основной труд А. Марцинковского по этнографии – «Люд украинский» [3], не потерявший своего источниковедческого значения и до сих пор, – удостоился в отечественной печати лишь одной рецензии [4], хотя на это произведение ссылались в своих работах академики А. Пыпин [5] и М. Грушевский [6], и некоторые другие ученые. Подобным же образом обстояли дела с изучением жизненного пути Антония Марцинковского: даже в справке, помещенной в «Энциклопедическом словаре» под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского [7], его биографии посвящены всего две строки. Важность работы

А. Марцинковского на ниве ознакомления современной ему польской общественности с новой украинской литературой отметил в своей работе статистик из Каменец-Подольского В.К. Гульдман [8].

Нынешняя украинская историография представлена, в основном, материалами, имеющими отрывочный характер, объединенными в две группы. К первой относятся работы, рассматривающие научную деятельность А. Марцинковского в контексте краеведческих исследований XIX века. Таковы книга Л.В. Баженова [9], диссертационное исследование И.М. Батыревой [10] и статья В. Ершова [11], но ни одна из этих работ не дает нам ни развернутой картины творчества этнографа и публициста, ни его биографию. Во вторую входят разноплановые сведения разрозненного характера – описание могилы Антония Марцинковского в Киеве Л.А. Проценко [12], перевод фрагмента его труда «Люд український» в альманахе «Приірпіння» [13], заметка о дате рождения в «Львівській газеті» [14]. Они также не позволяют составить целостную картину жизни и деятельности Антония Марцинковского.

Польская историография представлена несравненно лучше отечественной, хотя и в ней отсутствует фундаментальный обобщающий труд, посвященный личности и творчеству А. Марцинковского. Основным источником сведений о литературной деятельности польского критика и публициста является его книга «Воспоминания куратора журналов» [15], которая хотя и не содержит сведений биографического характера, позволяет лучше исследовать творчество писателя. Благодаря ряду литературоведческих статей в польской прессе, а в особенности работе «Несколько мыслей о повести и ее форме» [16], имя критика прочно вошло исследования по польской литературе. При жизни А. Марцинковского не было напечатано ни одной работы с упоминанием его произведений, лишь десятилетие спустя после его смерти печатаются обзорные труды, посвященные польским историческим романам [17] и истории польской литературы в целом [18], но ни в одном не приведена биография публициста. Памятные места в Киеве, связанные с деятельностью А. Марцинковского, упомянуты в одном из польских путеводителей по городу [19]. После его издания в исследованиях на данную тему наступил почти полувековой перерыв. В 1960 – 1980-х годах прошлого столетия вышло несколько работ, вновь посвященных исследованию польской публицистики и литературной критики XIX века в различных ракурсах [20 – 24], но А. Марцинковский удаивался в них лишь однократных коротких упоминаний в ряду других литераторов. Разумеется, что в указанных работах отсутствовала и его биография. После двадцатилетнего перерыва вновь из печати выходят труды, касающиеся истории польского романтизма [25 – 28], но и в них Антоний Марцинковский – второстепенный персонаж. Решительным шагом вперед стала исследовательская деятельность профессора университета им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине Марека Квапишевского. Он посвятил жизни и творчеству А. Марцинковского ряд публикаций [29], в которых раскрыл как творческую эволюцию литератора и этнографа, так и привел биографический очерк ученого-аматора.

Наибольшим достижением современной англоязычной историографии стала работа «Шевченко и критика» [30], в которой отмечена роль А. Марцинковского как борца за развитие тогдашней украинской литературы.

Из всего вышесказанного видно, насколько важной для отечественной науки является задача воссоздания жизненного и творческого пути А. Марцинковского.

Антоний Альберт Якса-Марцинковский родился 29 января (согласно польской традиции – 17 января) 1823 года в семье мелкопоместной польской шляхты Игнатия и Бригиды Марцинковских в Мостыщах (ныне – пгт. Гостомель Киевской обл.). Кроме него, в семье было еще двое детей – Альфонс и Михайлина. Первоначальное образование Антоний Альберт получил на дому, затем в 1838 году поступил в 5 класс Второй киевской мужской гимназии, где проучился три года. В 1841 году А. Марцинковский стал студентом университета св. Владимира, где изучал философию и литературу. Одним из виднейших преподавателей, оказавших влияние на молодого студента, был профессор Михаил Максимович.

В 1843 году в 89 номере «Tygodnika Petersburskiego» выходит первая из многочисленных впоследствии статей А. Марцинковского, подписанная псевдонимом Альберт Гриф и посвященная критике господствовавшей тогда в польской литературе т.н. «украинской школы». Молодой публицист открыто выступил в поддержку нового поколения украинских писателей, в частности, Т.Г. Шевченко, был знаком с ним лично, а в библиотеке украинского поэта имелись книги польского критика. В 1844 году из-за прогрессирующего заболевания А. Марцинковский был вынужден оставить университет и вернуться в родовое имение. В течение пяти лет, с 1845 по 1850 годы, он принимает живое участие в местной польской литературной жизни – печатает свою первую литературно-критическую книгу [31], выступает редактором и издателем альманаха, сотрудничает с киевской польскоязычной периодикой, где печатает сочинения, ставшие подлинным манифестом молодого поколения польских литераторов. Острые критические материалы вскоре приносят Антонию Альберту славу эрудита, интеллектуала и признанного теоретика литературы.

В 1850 году, с целью поправить рано утраченное здоровье, А. Марцинковский осуществляет большую поездку на юг: из Киевщины вдоль Днепра до Херсона, оттуда – в Одессу, и морем – в Крым. В дороге его сопровождали друзья, в частности, Зенон Фиш – ближайший соратник по публицистической деятельности. Обширные воспоминания о путешествии, «Степи, море и горы» [32], были изданы четыре года спустя.

А. Марцинковский, после возвращения в Мостыщи, не оставляя литературно-критической и публицистической деятельности, увлекается этнографическими исследованиями. Начав с изучения украинских пословиц и поговорок, которые он собирал в близлежащих селах, ученый-аматор пришел к полноценной разработке всего комплекса этнографического материала: песен, преданий, сказок, суеверий, обрядов, обычаев, загадок, заговоров, лечебных секретов, одежды, танцев, игр и т.п. Спустя семь лет труда вышла его капитальная двухтомная работа «Люд украинский» [3]. Хотя его рассуждения о значении мифов и преданий, как основанные на принципах мистического характера, устарели, а лингвистические

конструкции, выводящие украинский язык из санскрита, оказались ошибочны, значение данной работы как обширнейшего этнографического сборника сохраняется до сих пор. Впоследствии тема украинского народа проходила через все творчество А. Марцинковского: как литературный критик и теоретик, он поднимает эту проблему во многих своих статьях и публицистических сочинениях, а как писатель – активно вводит в свои повести не только героев из простого народа, но и широко использует украинский фольклорный материал. Позже от этнографии он переходит к истории – в 1863 году появляются двухтомные очерки «Надднепрянское пограничье» [33], одна из первых работ, где жизнь украинского общества рассматривалась на фоне пересечения культурных границ Европы, России и мусульманского мира.

На следующее десятилетие Антоний Марцинковский отходит от украинской тематики, посвящая время изучению проблематики традиционного польского католицизма и его роли в жизни польского общества, а также традиционного католицизма вообще, что нашло отражение и в переводах А. Марцинковским произведений ряда католических авторов из различных стран Европы. Лишь в 1879 году этнограф вновь обратился к украинской тематике. Последние годы, будучи тяжело больным, этот незаурядный критик, литератор и этнограф прожил в Киеве, где и скончался 12 сентября (согласно польской традиции – 31 августа) 1880 года, и был похоронен на Байковом кладбище.

Антоний Марцинковский прибыл в Крым летом 1850 года подобно своим предшественникам – из Одессы морем, намереваясь, во-первых, поправить здоровье, а во-вторых, своими глазами увидеть знакомые по сонетам А. Мицкевича местности. Первым городом на крымской земле, посещенным вояжером, стала Евпатория. Осмотрев караимские древности, путешественник морем направился в Севастополь, а оттуда, также морем, – в Ялту. Побывав в многочисленных дворянских имениях на Южном Берегу Крыма, А. Марцинковский направился в Бахчисарай, где, по прочной уже традиции, занялся этнографическими изысканиями. Он посетил также Чуфут-Кале, Чатырдаг и Аю-Даг, а позже из Ялты вернулся морем в Одессу.

Во втором томе «Степей» есть все – путевые заметки, исторические очерки и этнографические зарисовки. Вот как выглядит в изложении путешественника история Крыма: народы-кочевники древнего Крыма из поля зрения путешественника выпали, вместо того он сообщил, что «Южный берег Крыма не только не был неизвестен древним грекам, но и в первом веке после Христа был мало известен цивилизованным народам». Кочевникам позднейших эпох – печенегам, хазарам и половцам – уделено немного внимания, зато история торговли на Черном море изложена с особой тщательностью. Сквозь призму развития торговых отношений А. Марцинковский преподносит и Крестовые походы, имевшие своим последствием проникновение итальянцев в Крым, и развитие собственной государственности на полуострове, прерванной в 1475 г. вторжением турок [32, Т. 2, s. 1-12]. Имеется в работе и список путешественников, уже побывавших на полуострове; причиной этих визитов названо желание «посетить эти славные места, а более – на их месте основать для себя роскошные имения» [32, Т.

2, s. 166-169]. Есть в работе и глава, посвященная виноделию – анализируя записки путешественников по Крыму, А. Новосельский указывал, что первые похвалы в адрес древних крымских вин преувеличены. Прежде их пил только «простой люд» и только в случае отсутствия под рукой водки. Лишь после присоединения края к России виноделие вышло на новый уровень благодаря деятельности князя М.С. Воронцова [32, Т. 2, s. 253-261].

Немало страниц в своей книге путешественник уделил Крымскому ханству: предложил читателям описание источников доходов крымскотатарского государства [32, Т. 2, s. 147], дал обширную характеристику происхождения и достоинств каждого из родов беев [8, Т. 2, s. 156]. Административному устройству Крыма и рассмотрению источников доходов татарской «шляхты» также посвящены несколько страниц исследования А. Марцинковского [32, Т. 2, s. 158-161]. Политическое устройство этого государства, иерархия властных отношений, а также система ведения боевых действий во время набегов у А. Марцинковского занимает отдельную главу [32, Т. 2, s. 141-161].

Все города, через которые проезжал, польский вояжер описал, например Севастополь – «новый, белый, большой город, застроенный согласно плану <...>. От моря в город ведут лестницы в несколько сотен ступеней. Белые мраморные львы оскалываются, сторожа порт <...>» [32, Т. 2, s. 52-66], Ялту, «маленький уездный городок, в нем только две улицы и не знаю, насчитается ли 20 домов» [32, Т. 2, s. 72], Алушту: «Алушта днем грязная, как самый запущенный из наших еврейских городков; даже сами древности генуэзские выглядят достаточно свежими рядом с теми *вроде новыми* татарскими домиками» [32, Т. 2, s. 244] и многие другие. Уделил он особое внимание мечети Джума-Джами, «самой большой мечети на весь Крым; с четырнадцатью куполами, из которых средняя – наибольшая – покрыта медью, а остальные – поменьше – оловом» [32, Т. 2, s. 33-34] и дворцу в Алушке: «Этот дворец мавританский, кажется, принадлежит к тем дворцам, которые оставили после себя арабы в Испании; кажется, что это Аль-Гамбра, или какой-то дворец из «Тысячи и одной ночи» [32, Т. 2, s. 100]. Немало страниц посвящено дворянским гнездам Южнобережья [32, Т. 2, s. 71-124, 242-251].

Бахчисарай же путешественника разочаровал: «Въехали мы в Бахчисарай неожиданно; не возвышались тут златоглавые башни, ни минареты с полумесяцем пророка. Показались только какие-то магазинчики <...>, потом мельница, обросшая вербами. Это – рядовой город, едва ли несколько домов <...> город построен в одну улицу под известковой скалой <...>. Маленькие татарские домики о 3 или 4 окнах <...>. Эта столица ханов насчитывает 20 тыс. татар, но, в общем, не выглядит на это число. – И завершает. – Признаюсь, имел совершенно иное представление об этом *дворце садов*» [32, Т. 2, s. 162-164]. Такую же оценку он дал и ханскому дворцу: «он стоит сегодня такой, каким был недавно – невзрачным, убогим» [32, Т. 2, s. 165].

Разумеется, что у А. Марцинковского детально представлена этнография крымских татар и караимов [32, Т. 2, s. 124-125, 134-135, 141-143, 192-222]. Впечатляет зарисовка Иосафатовой долины, «места вечного покоя скитающегося люда, затененного старыми дубами» [32, Т. 2, s. 162-164], но наиболее замечательным по своей исторической и, особенно, художественной ценности

является описание танца дервишей [32, Т. 2, s. 184-185]. Подобным образом емко охарактеризованы и другие крымские народы [32, Т. 2, s. 41-44].

Ряд разнообразных причин – упадок некогда могучего Крымского ханства, русско-турецкие войны, расширение пределов «просвещенной» Европы на юг – сделали Крым объектом пристального внимания со стороны представителей различных кругов польского общества. И если вначале полуостровом интересовались только ученые, то впоследствии – и простые обыватели.

Одной из волн польских исследователей Крыма, чья наибольшая активность пришла на XIX век, стали путешественники. Приезжая в Крым на отдых или с целью увидеть памятники древности, они, публикуя свои записки, объективно способствовали популяризации истории и этнографии народов Крыма на своей Родине – в землях Царства Польского.

Записки путешественников являются уникальными историографическими источниками – наибольшую ценность представляют в них не экскурсии в прошлое полуострова, а наиболее яркие впечатления, оставшиеся от посещения важнейших памятников истории и культуры Крыма, от знакомства с бытом населяющих Крым народов. В числе прочих вояжеров в Тавриде побывал и А. Марцинковский.

Описание его путешествия по Крыму на польском языке выполняло двойную функцию: привлекало сюда новых путешественников из Польши и рекламировало Крым в качестве курорта. Очерки исчезнувших ныне памятников, а также записанные Антонием Марцинковским легенды и сказки местных жителей становятся сегодня важным историческим источником.

К главным достоинствам его воспоминаний, книги «Степи, горы и море: очерки и воспоминания из путешествия», относятся занимательная форма изложения, подкрепленная литературным даром и публицистическими навыками автора; обстоятельность, проявляющаяся в тщательном изучении доступных ему источников по истории, географии Крыма – прежде всего, сочинений П.С. Палласа и С. Сестренцевича-Богуща; детальные описания увиденных памятников истории и архитектуры, в особенности – 14-страничное описание Севастополя накануне Крымской войны; широкий объем оригинального этнографического материала, набранного в ходе путешествия, и многое другое. Присутствуют в работе подробные статистические и демографические таблицы, а также фрагменты, посвященные истории изучения Крыма. Кроме того, в сочинении Антония Марцинковского видны зачатки критического подхода к источникам и литературе.

Основной недостаток второго тома воспоминаний – некритическое восприятие известий древних летописцев. Инкерман путешественник путает с Феодоро, допускает и ряд других, менее значительных ошибок. В целом, все они связаны с недостаточностью археологических исследований древних городов. По этой же причине А. Марцинковский не удостоил своим посещением руины Херсонеса – по их невзрачности в первой половине XIX века. Однако неточности, допущенные вояжером в своей книге, вполне отражают общий уровень развития исторической науки в то время и не снижают ценности всего произведения в целом.

Таким образом, можно утверждать, что записки польских путешественников, ярким образцом которых служат воспоминания А. Марцинковского, являются

вполне самостоятельным, завершённым и самоценным корпусом исторических источников, в значительной мере освещающих историю и этнографию народов Крыма, полное введение в научный оборот которых окажет существенное влияние на развитие не только отдельных аспектов историографии и источниковедения, но и всего крымоведения в целом.

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): Біобібліографічне дослідження.– Сімферополь: Бізнес-інформ, 2003.– С. 62.
2. Надеждин Н. Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения.–1837.– Т. 20, отд. 3.– С. 93–136.
3. [Marcinkowski A.] Lud ukraiński, jego piesni, bajki, podania, klechdy, zabobony, obrzedy, zwyczaje, przyslowia, zagadki, zamawiania, sekreta lekarskie, ubiory, tance, gry i t.d.: W 2-h t. / Zebrał i stosownemi uwagami objasniał Antoni Nowosielski.– Wilno, 1857.– Т. I.– 380 s.; Т. II.– 282 s.
4. Дубровский П. [Рецензия] // Русский вестник.– 1857.– Т. 8, кн. 2.– С. 378–379.– Рец. на кн.: [Marcinkowski A.] Lud ukraiński.– Wilno, 1857.
5. Пыпин А. История русской этнографии: В 4-х т.– СПб., 1891.– Т. 3.– С. 294–296.
6. Грушевський М.С. Історія української літератури: В 6 т., 9 кн.– К.: Либідь, 1994.– Т. 4, кн. 2.– С. 244.
7. Марцинковский Антоний // Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон.– СПб., 1896.– Т. 18а.– С. 706.
8. Гульдман В.К. Населенные места Подольской губернии. Алфавит: Перечень населенных пунктов губернии с указанием некоторых справочных о них сведений.– Каменец-Подольский, 1893.– 636 с.
9. Баженов Л.В. Поділля в працях дослідників і краєзнавців XIX – XX ст.– Кам'янець-Подільський, 1993.– 214 с.
10. Батирева І.М. Традиційна культура Поділля у дослідженнях другої половини XIX – початку XX ст. // Автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.05.– К.: Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка, 2006.– 20 с.
11. Єршов В. Міф Бердичева в польскомовній мемуаристичній літературі Правобережжя // Волинь філологічна: Текст і контекст – польська, українська,білоруська та російська літератури в європейському контексті: Зб. наук. праць.– Вип. 6.– Ч. 1 / Упор. Л.К. Оляндер.– Луцьк, 2008.– С. 371–382.
12. Проценко Л.А. Київський некрополь: Путівник-довідник.– Київ, 1994.– 118 с.
13. Новосельський А. [Марцінковський А.] Український народ / Переклад та вступ. ст. А. Зборовського // Приірпіння: історико-краєзнавчий альманах.– 2002.– № 2.– С. 9–12; Зборовський А. Исполнение желаний // День.– 2002.– 21 дек.– С. 8.
14. Юрочко Б. Щоденна історія (28-30 січня) // Львівська газета.– 2005.– 28 січ.– С. 2.
15. Marcinkowski A. Pamiętniki kuratora magazynów.– Warszawa, 1858.– 159 s.
16. Marcinkowski A. Kilka myśli o powieści i jej formie.– Gazeta Warszawska.– 1855.– № 166–181.
17. Jeske-Choiński T. Historyczna powieść polska: Studium krytyczno-literackie.– Warszawa, 1899.– S. 93.
18. Chmielowski P. Historia literatury polskiej: W 6 t.– Warszawa, 1900.– Т. 5.– S. 218-221.
19. Idzikowski L. Przewódnik po Kijowie: Z poglądowym planem miasta.– K., 1913.– 174 s.
20. Bachulska H., Płoski S., Chojnacki W. Bibliografia historii Polski XIX wieku.– Wrocław, 1958.– S. 256.
21. Przewoska H., Sopoćko K. Parnas polski we wspomnieniu i anegdocie: Od Niemcewicza do Wyspiańskiego.– Warszawa, 1964.– S. 117, 321.
22. Szmydtowa Z. Polska krytyka literacka 1800-1918: Materiały.– Warszawa, 1966.– S. 11, 468.
23. Stolzman M. Czasopisma wilenskie Adama Honorego Kirkowa.– Krakow, 1973.– Т. 26.– S. 47, 53, 59.
24. Fornalczyk F. Hardy lirnik wioskowy: Studium o Kondratowiczu-Syrokomli.–Poznań, 1979.– S. 105.

25. [Antoni Marcinkowski] // Kowalczykowska A. Idee programowe romantyków polskich: Antologia.– Wrocław, 1991.– S. 376.
26. Janion M., Zakrzewski B., Maciejewski M., Dernałowicz M., Gumkowski M., Żółkiewski S., Markiewicz H., Wyczańska I. Literatura krajowa w okresie romantyzmu: 1831–1863.– Warszawa, 1992.– T. 3.– S. 57.
27. Makowski S. Wernyhora: Przepowiednie i legenda.– Warszawa, 1995.– 268 s.
28. Markiewicz H. Polskie teorie powieści: Od początków do schyłku XX wieku.– Warszawa, 1998.– S. 21, 33.
29. Kwapiszewski M. O twórczości Antoniego Marcinkowskiego: Z dziejów środowiska literackiego «Gwiazdy» // Z problemyw preromantyzmu i romantyzmu: Studia i szkice / Pod red. A. Aleksandrowicz.– Lublin, 1991.– S. 171-200; Jego ż. Powieść i zmierzch romantyzmu: Wokół refleksji krytycznoliterackiej Antoniego Marcinkowskiego // Lustra historii: Rozprawy i eseje ofiarowane Profesor Marii Żmigrodzkiej z okazji pięćdziesięciolecia pracy naukowej / Pod red. M. Kalinowskiej i E. Kiślak.– Warszawa, 1998.– S. 135-141; Jego ż. Od Alberta Gryfa do Antoniego Nowosielskiego: Biografia intelektualna późnoromantycznego krytyka // Polska krytyka literacka XIX wieku / Pod red. M. Strzyżewskiego.– Toruń 2005.– S. 170-189.
30. Luckyj G., Ferguson D., Yurkevich S. Shevchenko and the critics: 1861-1980.– Toronto, 1980.– S. 379.
31. Marcinkowski A. Ideały i karykatury: zarysy fantazyi i rzeczywistego świata.– Kijów, 1848.
32. Marcinkowski A. Stepy, morze i góry: Szkice i wspomnienia z podróży: W 2 t.– Wilno, 1854.– T. 1.– 248 s.; T. 2.– 277 s.– Изд. под псевд.: A. Nowosielski.
33. Marcinkowski A. Pogranicze naddnieprzańskie: Szkice społeczności ukraińskiej w wieku XVIII: W 2-h t.– Kijów, 1863.

Громенко С.В. Антоній Марцінковський: до питання про становлення кримозавчого напрямку в польській історіографії / С.В. Громенко // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 35-42.

В статті на основі різноманітних матеріалів реконструюється життєвий та творчий шлях Антонія Марцінковського – польського мандрівника до Криму, критика, публіциста та етнографа. Наданий огляд історіографії проблеми. Проаналізовані спогади А. Марцінковського про поїздку до Криму, дана оцінка цього твору.

Ключові слова: Крим, Антоній Марцінковський, польські мандрівники, подорожні записки.

Gromenko S.V. Anthony Martsinkovsky: on the formation CRIMEAN STUDIES trends in polish historiography / S.V. Gromenko // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 35-42.

In the article on the basis of different materials the vital and creative way of Anthony Martsinkovski – the Polish traveler to Crimea, critic, publicist and ethnographer – is reconstructed. There is a review of historiography of problem. Flashbacks of A. Martsinkovski about a journey to Crimea are analysed, and there is estimation of this work.

Keywords: Crimea, Anthony Martsinkovski, Polish travelers, messages of travelers.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК: 947.7

(Р. 477.22)

ЖАНРЫ И ТИПЫ ПУБЛИКАЦИЙ В ГАЗЕТЕ «ТЕРДЖИМАН»

Сеитмететова С. А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина

Предпринята попытка классифицировать жанры и типы публикаций первой крымскотатарской газеты «Терджиман». Исследованы основные виды жанров, используемые в данном периодическом издании: информационные (заметка, хроника, зарисовка, обозрение, и некоторой степени репортаж), аналитические (непосредственно статья) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, эссе). Определены одни из первых корреспондентов газеты «Терджиман», а так же основные периодические издания конца XIX века из которых редактор газеты – И. Гаспринский черпал необходимую информацию для составления своих заметок.

Ключевые слова: «Терджиман», И. Гаспринский, крымские татары.

В условиях возрождения крымскотатарской журналистики немало важное место занимает обращение к истокам данного явления, а именно на возникновение первых периодических изданий. Центральное место в данном вопросе принадлежит газете «Терджиман». Свидетельством актуальности темы исследования является тот факт, что «Терджиман» является первым периодическим изданием крымскотатарской журналистики, а так же этапом развития просвещения самого народа и, бесспорно, его памятником и культурным наследием.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью классификации богатого публицистического наследия «Терджимана», издания отражавшего все стороны жизни тюркоязычного населения Российской империи и являвшееся важным фактом культуры и истории не только крымскотатарского народа, но и всего тюрко-мусульманского мира.

Газета «Переводчик-Терджиман» долгое время была единственным тюркоязычным периодическим изданием в России, а с началом XX в. старейшей мусульманской газетой. Она просуществовала почти 35 лет и была закрыта 23 февраля 1918 года. «Терджиман» являлся источником информации о положении тюрко-мусульманских народов в Российской империи для читателей Европы и Азии.

За все время своего издания газета «Терджиман» поднимала самые острые и наиболее важные народные проблемы и рассказывала о самых интересных и полезных начинаниях. Основной тематикой газеты были вопросы образования, реформирования, системы традиционного мусульманского образования, перестройки органов конфессионального самоуправления; организация сети общественных, а затем и социально-политических организаций, развитие художественной литературы тюркских народов Российской империи и многое другое [2, с. 106].

Программа газеты предусматривала издание «популярных статей по русскому законоведению; статьи по литературе, географии, истории, учебному делу и т.д. Так же печатались частные объявления на русском или татарском языке. Кроме этого «Терджиман» должен был содержать распоряжения правительства, официальные

объявления, распоряжения и постановления местной администрации, городских и земских учреждений края, извлекаемые из «Правительственного Вестника» и «Губернских Ведомостей» [18, с. 95].

Публицистический текст газеты включает в себя три важнейших компонента: сообщение о новости или возникшей проблеме; фрагментарное или обстоятельное осмысление ситуации; приемы эмоционального воздействия на аудиторию. Содержание, документальное наполнение, целевая установка автора, определяющая проблему, направление, его форму принято называть жанром. Он обладает устойчивыми признаками формы отражения социальной действительности, которая помогает плодотворнее работать над материалом, отбором фактов, трактовкой явлений. Как известно, жесткое деление по жанрам существует лишь в теории журналистики и в информационных материалах. Жанрам свойственно взаимопроникновение. Газетные жанры отличаются друг от друга методом литературной подачи, стилем изложения, композицией и даже просто числом строк.

Существенным затруднением при исследовании газеты «Терджиман» является ее расплывчатая внутренняя организация. Последовательность отделов в ней часто варьируется, нечеткое деление затрудняет установление того, к какому отделу относится та или иная информация, которая, как правило, не имеет названия и автора. Границы между типами публикаций нередко так же размыты. Собственно публикации в «Терджимане» очень разнородны и, часто в многообразии жанров можно запутаться, принимая заметку за хронику или зарисовку, однако при детальном изучении различия между ними все же заметны. Условно жанры журналистики, используемые И. Гаспринским в «Терджимане» можно разделить на три большие группы: информационные (заметка, хроника, зарисовка, обозрение, и некоторой степени репортаж), аналитические (непосредственно статья) и художественно-публицистические (очерк, фельетон, эссе).

В частности, что касается информационных жанров, то в «Терджимане», особенно за первые годы его издания, наиболее часто встречающимся типом публикаций являются «Заметки». Общепринято, что заметка представляет собой небольшой по размерам тип материала, в котором излагаются результаты определенного изучения предмета [22, с. 53]. При этом необязательно в таких материалах упоминается источник информации, а если упоминается, то очень кратко. Главное для заметки – краткое изложение результата изучения. Она является главным видом информационного отражения действительности, средством оперативного извещения аудитории о происходящем в мире, то есть важнейшим средством сообщения о новостях. Позитивные и критические заметки формируются в виде тематических и политематических хроникальных подборок, дифференцируются по проблемно-тематическому признаку: экономические, спортивные, социально бытовые, политические, культурные, экологические, криминальные. Информация, помещаемая в заметках «Терджимана» так же разнообразна. Здесь И. Гаспринский в виде небольших, кратких, рассказов освещает ряд проблем касающихся как жизни мусульман России, так всего мира. Обращение к материалам газеты «Терджиман» за первые же годы издания показывает, что вопросы самопознания, совместной жизни в одном государстве людей различных

наций, верований, их экономических, деловых, культурных связей весьма часто освещались на ее страницах [10 с. 176].

Заметки существуют по весьма известной необходимости иметь возможность оповещать читателей о произошедшем в мире. И. Гаспринский стремился вместить как можно больше новостей в свою газету, однако «Терджиман» состоял из небольшого количества страниц. Так редактор начал информировать своих читателей о наиболее заметных событиях, освещая их в небольших заметках, которые, в свою очередь, имеют типологическую и жанровую классификацию. Из известных нам типов заметок можно выделить:

Фактологичную, где автор вводит описание какого-то явления, события, процесса, ситуации.

Вероятную, где формируется предположение или совокупность предположений о настоящем, прошлом или будущем каких-либо явлений. Предположения, относящиеся к будущему, называются прогнозами, предположения, относящиеся к прошлому – гипотезами.

Программную, если в тексте присутствуют представления об определенных совокупностях последовательных действий, в ходе которых применяются конкретные средства с целью достижения желаемого результата. Обычно представляет собой совет или рекомендацию [22, с. 55].

Среди жанровых видов заметок, наиболее известны в «Терджимане»:

Во-первых, **событийная**. Основным содержанием данного типа заметок является фактологическое описание. В качестве предмета отображения обычно выступают разнообразные события, а так же положения дел в той или иной сфере деятельности. Это может быть заметки, содержащие в себе информацию «о землетрясении в Ницце» [15], так и известия о произошедших выборах уездного кадия в г. Евпатории [16]

Во-вторых, **анонс**. Представляет собой предварительные сообщения о будущих всевозможных культурных мероприятиях, выставках, концертах. Является самостоятельным видом публикаций, близок к рекламному тексту. Однако отличается от него тем, что анонс не ставит перед собой цель привлечь к «мероприятию» как можно больше публики, расписывая его достоинства. Основная цель анонса дать краткую, но объективную информацию о времени и главных сторонах запланированного события, о наиболее важных его предпосылках и этапах. Примером анонса могут служить публикации «Терджимана» за 1886 № 46, а именно сообщения о представлениях цирка братьев Никитиных, прохождении выставок [3].

В-третьих, **аннотация**. Предметом отображения данного вида заметок выступает определенное, уже состоявшееся информационное явление (прежде всего книги и статьи). Цель публикации данного типа заключается не, сколько в том, что бы известить аудиторию о появлении, существовании какого-либо нового издания, сколько в том, чтобы описать кратко его качества. Например, в № 5 «Терджимана» за 1887 год содержится анонс «о выставке картин г. Сахарова, открытой при городском клубе...» [5].

В-четвертых, **мини-рецензия**. Представляет собой оценочную заметку, предметом которой выступает какое-то информационное явление (книга, пьеса и пр.). Цель публикации данного типа заключается в том, что бы сообщить читателю о впечатлении, полученном ее автором в ходе знакомства с отображаемым предметом. При этом впечатление представляет собой простое изложение эмоций автора. И. Гаспринский часто помещал на страницах своей газеты заметки о книгах, присылаемых ему на рецензию. Примером может быть мини-рецензия И. Гаспринского на книги Бекира Эфенди и Аджи Халиля «География России», «Начальная арифметика», изданные в 1885г. [14].

Следующий жанровый вид заметок **мини-обозрение**. Такой тип материала представляет собой фактологическую заметку. Предметом отображения в данном случае выступает не одно какое-то событие, действие, явление, а их совокупность. Причем совокупность эта определяется самим автором мини-обозрения. Его целью является – досконально выявить взаимосвязи, существующие между отобранным им для освящения в публикации явлениями. Но главной целью данных заметок является – сообщить о существовании схожих явлений или известить о случившихся за определенный промежуток времени событиях. Примером может служить «Мусульманство в Китае», опубликованное в № 6 «Терджимана» за 1884год [12].

Затем известен **мини-совет**. Информационные публикации такого типа являются заметками, основным содержанием которых является программная информация. Так же мини-советы относятся к публикациям информационного жанра постольку, поскольку они служат целям извещения аудитории о возможном порядке действий, приводящих к желаемой цели [22, с. 72]. Свои мини-советы И. Гаспринский нередко помещал под рубрикой «Смесь». Здесь автор предлагал различные средства для решения вопросов, чаще интересующие садоводов и домохозяев [21].

Что касается структуры данного вида публикаций, то можно выделить два основных структурных типа заметок, используемых И. Гаспринским. Первый тип, представляет собой последовательное изложение информации, отвечающей на вопросы: «Что произошло?», «Где?», «Когда?», «Почему?», «Как?», которые служат для описания того явления или события, которое стало известно журналисту. В том случае, если суть события описывается очень кратко, появляется тип текста, называемый хроникой. Второй тип – это заметка, в которой базовый факт каким-то образом комментируется. Содержание такой заметки уже включает в себя не только описание конкретного события, ставшего предметом выступления в периодической печати, но и связь этого описания с иной информацией, с, возможно, уже известной аудитории мыслью. При этом факт, известный журналисту подается аудитории как очередной аргумент в пользу какой-то общеизвестной истины.

Основными требованиями к заметке является оперативность, фактическая точность, декорируемость (понятность для аудитории), очищенность от сущностной информации от дополнительных сведений, деталей и подробностей, отвлекающих от смысла основной темы, краткость информации. Заметку нередко называют

исходным информационным жанром, то есть типом материала, из которого возникают другие информационные жанры.

Часто, листая страницы «Переводчика» можно встретиться со следующим типом публикаций как хроника. Хроника – представляет собой изложение факта без подробностей. Это небольшие, часто состоящие из одной – двух фраз сообщения, не имеющие заголовка. Часто ее принимают за краткую форму заметки. Нередко этот жанр встречается в таких типах публикаций, которые сообщают читателям о жизни в стране и за рубежом. В ряде номеров «Терджимана» такие небольшие сообщения объединены единым названием «Местные известия», «Разные известия», «Внутренние известия», «Иностранные известия» и пр. Чаще всего здесь можно встретить очень пеструю информацию, затрагивающая как проблемы низких цен на урожай [13], так и весьма серьезные темы как вопрос управления Туркменией [17], положении «возмущенного населения Карадагского округа убившего губернатора» [9], землетрясения в Испании [8] так и сведения из Судана, касающиеся положения восстания под предводительством Мехди и многие другие не менее интересные события, произошедшие в России и в мире в конце XIX века. Такой же тип публикации под общим названием «Хроника» расположен в «Терджимане» за 1886 год в № 46 [23]. Здесь можно обнаружить такую информацию как меры принятые правительством в ожидании холеры, уведомления о погоде сложившейся в Крыму и многие другие совершенно не относящиеся друг другу сообщения, извещающие читателей о жизни страны в различных ее аспектах.

Зарисовка, как еще один тип публикаций информационного жанра встречается в публикациях как самого И. Гаспринского, так и корреспондентов «Терджимана». Она представляет собой обобщение фактов и описание обстановки. Короткий, живой и образный рассказ о своих впечатлениях.

Что касается обозрения, то данный тип публикаций информирует читателей о важнейших событиях жизни города, школы и т.п. за определенный период и представляется в виде сводок, итогов. Так, например, Барон Ахмед в 1886г. с 44 номера по 47 пишет о жизни Симферополя в обозрении под названием «О том, о сем».

Так же И. Гаспринский помещал в своей газете такой информационный материал как некролог, характеризующийся не только содержанием оповещения факта – смерти, но и краткую биографию умершего, включая сообщения о том, как и где он работал, о его достижениях, наградах. К примеру, в «Терджимане» за 1887 год содержится несколько некрологов о крымском князе Хункалове Осман бее, профессоре арабского языка и литературы В. О. Гиргасе.

Такой тип публикаций как репортаж в нашем современном понимании данного термина в «Терджимане» отсутствует. Однако, как наглядное представление о том, или ином событии через непосредственное восприятие журналиста-очевидца или действующего лица можно встретить в заметках корреспондентов «Переводчика». Репортаж сочетает в себе элементы всех информационных жанров (повествование, прямая речь, красочное отступление, характеристика персонажей, историческое отступление и т.д.).

И. Гаспринский вспоминает, что сначала он ограничивался голыми сообщениями и давал самые элементарные сведения о том или ином предмете. Так продолжалось три года, а на четвертый И. Гаспринский несколько расширил содержание газеты и ввел в неё критический элемент. Но для этого ему пришлось, прежде всего, разъяснить своим подопечным, чтобы они не смешивали критику с насмешкой, злословием и прочими неприличиями [7, с. 248]. Так в «Терджимане» появляются типы публикаций, относящихся к аналитическому жанру журналистики. Они представлены как широкое полотно фактов, которые трактуются, обобщаются, служат материалом для постановки определенной проблемы и ее всестороннего рассмотрения и истолкования. К аналитическим жанрам относятся: корреспонденция, статья, обзорная рецензия и все они, конечно же, применяются И. Гаспринским.

Информационная корреспонденция отличается от заметки более детальным и более широким освещением предмета. Корреспонденция анализирует группу фактов. Это делается с помощью описания фактов, их анализа и соответствующих выводов. Корреспонденция делится на информационную и аналитическую. В частности информационная корреспонденция напоминает развернутую заметку, но отличается от нее широтой охвата материала, обстоятельным развитием определенной темы. Аналитическая корреспонденция вскрывает причины описываемого явления (ситуации, конфликта) [4, с. 220]. Среди печатающихся корреспондентов «Терджимана» за 1883 – 1887 гг. можно выделить: Аббаса Гаибова (Тифлис), Астраханца (Ирбит), Велиулла Анварова (Зайсапский пост), Купца Ш.Р. (Семипалатинск), Лутфуллу Надирова (Орск), М. Махмудова (Стерлитамака), И.Муфтий-заде (Евпаторийский уезд), Мустаива М.А (Петропавловск), Хатиба Аджи Абибуллу (Ялта), М.М. (Тифлис), Эфлятуна Шарипова (Верный), которые из разных городов Российской империи сообщали о жизни проживающих там мусульман.

Важнейшим аналитическим жанром, позволяющим обстоятельно, глубоко трактовать проблемы социальной действительности, осмысливать их и обобщать, является статья [4, с. 221]. Статьи, как обобщение и анализ фактов и явлений писались в основном самим редактором. И. Гаспринский в своих статьях берет определенные факты в глобальных масштабах, (что касается мусульманства) анализирует их, поднимая до обоснованных выводов. Это часто публицистический текст, в котором содержится информация о состоявшемся событии независимо от временных рамок, а также оценка случившегося. Главной целью статьи может быть защита или отвержение какой-либо идеи. Среди прочего редактор публиковал многочисленные статьи о деятельности Управления духовными делами мусульман – Таврического магометанского духовного правления. Во-первых, это были публикации, посвященные деятельности Таврических муфтиев, включая хронику из служебных назначений, практических дел и т.д. Во-вторых, материалы, посвященные обеспечению исламской религии вакуфом, их использованию. Так, в «Терджимане» от 1886 г. помещалась статья «Безземельные татары и вакуфные земли». В-третьих, статьи, касающиеся состояния и реформирования образования мусульманского населения губернии. В-четвертых, материалы, посвященные

политической ситуации и проблеме реформирования органов мусульманского религиозного самоуправления [1, с. 186].

Как и в любом другом периодическом издании конца XIX века в «Терджимане» присутствуют художественно-публицистические жанры. Они представлены такими типами публикаций как очерк, фельетон, эссе.

И. Гаспринский пишет, что ему удалось составить и перевести множество статей и очерков по различным элементарным наукам. Они предназначались для простого народа и извлекались из популярных журналов и народных чтений. Одним из самых значимых очерков И. Гаспринского является «Русско-восточное соглашение. Мысли, заметки и пожелания» [19]. В очерке факты преломляются в свете личности автора. Важен не факт сам по себе, а его восприятие и трактовка героем или автором. Факт переосмыслен в образ, близок к малым формам художественной литературы, конкретен, построен на фактическом материале. Цель очерка – дать образное представление о людях, показать их в действии, раскрыть существо явления. Очерк бывает сюжетным (портрет, проблема) и описательным (событийный, путевой) [4, с. 224].

Что касается фельетона, то это литературный материал, проникнутый духом острой злободневной критики, с особыми приемами изложения. Так в 1884г. И.Гаспринский издает в газете фельетон под названием «Кое о чем», где под предлогом того что «матушка Россия столь обширна, что не успеваешь и записать всего, что на ней творится умного и глупого» упоминает вопросы просвещения, политики, здравоохранения [11].

Эссе, как литературная форма, небольшой прозаический текст, выражающий подчеркнуто индивидуальную точку зрения автора, так же присутствует в «Терджимане». Задачей эссе, в отличие от рассказа, является информация или объяснение, а не драматическое изображение или пересказ какой-либо жизненной ситуации. Эссе достигает своей цели с помощью прямого авторского высказывания, для чего не требуется создания ни вымышленных персонажей, ни связующего их сюжета. Основной отличительной особенностью эссе является его краткость. Эссе обладает определенным внутренним единством, которое обычно трудно сохранить в более длинных прозаических текстах, выражающих авторскую точку зрения. В отношении объёма и функции граничит, с одной стороны, с научной [статьёй](#) и литературным [очерком](#) (с которым эссе нередко путают), с другой — с философским [трактатом](#). Стилю эссе свойственны образность, подвижность ассоциаций, афористичность, нередко антитетичность мышления, установка на откровенность и разговорную интонацию. Одним из ярких примеров эссе, написанных И. Гаспринским, может служить «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» [20]. В нем автор излагает взгляды на будущее культурное и образовательное развитие тюркоязычного мусульманского населения Российской империи.

Так же И. Гаспринский печатал в пределах программы перепечатки из русских газет и источников, корреспонденции и сведения из мусульманской жизни. Чаще всего период с 1883 по 1887 год в своей работе редакция «Терджимана» опиралась на информацию и сообщения таких периодических изданий как: «Биржевые

ведомости», «Волжский вестник», «Кавказ», «Каспий», «Казанский листок», «Кешкуль», «Московские ведомости», «Новости», «Новое время», «Правительственный вестник», «Русский курьер», «Стандарт», «Свет». Материалы из этих изданий столь часто употребляются в «Терджимане», что можно предположить, что у И. Гаспринского была подписка на эти издания. Так же на страницах «Терджимана» можно встретить материал из таких изданий как «Сенатские ведомости», «Известия Министерства земледелия и государственных имуществ», «Санкт-Петербургские ведомости», «Journal de St. Petersbourg» и другие не менее известные издания [2, с. 104]. Кроме того, редакция газеты ссылалась на несколько «иноземных издательств – турецкие «Икдам», «Маглюмат», «Себах», «Хидмет»; – тюркоязычные: боснийскую «Диккат», египетскую «Тюрк», бухарскую «Асхабад», индийскую «Найса ахбари» и «Амрика базар петрака». Среди европейских газет следует выделить французские «Temps», «Matin», немецкие «Koenigs-berger hartungsche zeitung», «Post», «Neue freie presse», английские «Daily chronicle», «Standart» и «Morning post» [2, с. 105]. Кроме газет и журналов И. Гаспринский использовал сообщения телеграфных агентств (таких как «Агентство Гаваса», «Агентство Рейтера», «Северное телеграфное агентство»). «Терджиман» был незаменимым для круга читателей незнакомого с русским языком, а так не имевшим возможности узнавать о событиях в мире из других печатных изданий.

Таким образом, мы видим, что газета «Терджиман» была информатором мусульманской жизни России. Она предоставила своему времени существования незаменимый вклад, знакомя читателей из различных уголков страны и за ее пределами со всеми проблемами, яркими событиями, интересными фактами из жизни обычных людей и высокопоставленных особ. На основе данной газеты сегодняшнее поколение может узнать, чем дышала жизнь его предков, какие злободневные вопросы интересовали их. И в этом деле, можно сказать, что среди мусульман России конца XIX – начала XX века она была единственным и незаменимым печатным органом.

Список литературы:

1. Абдуллаева З.З. Газета «Переводчик-Терджиман» как источник по изучению деятельности Таврического магометанского духовного правления (конец 19-начало 20 вв.) // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. – М., 2001. – С. 185-215
2. Богданович И.А. Газета «Терджиман» як джерело з історії реформаторських процесів у мусульманській громаді Російської імперії // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2002. – №1. – Т.15. – С. 103 – 106
3. Во время представлений в цирке // Переводчик –Терджиман. – 1886. 9 ноябрь. - № 46.
4. Ворошилов В. В. Журналистика. – СПб. : Издательство Михайлова В.А., 2002. – 656 с.
5. Выставка картин г.Сахарова, открытая при городском клубе // Переводчик-Терджиман. – 1887. 1 февраля. –№ 5.
6. Ганкевич В. Великий крымскотатарский просветитель: К истории создания и развития периодических изданий Исмаила Гаспринского // Берега Тавриды. – 1995. – № 1. – С. 241 – 266
7. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению: Краткий библиографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). – Симферополь : Доля, 2001. – 328 с.
8. Землетрясение в Испании // Переводчик –Терджиман. – 1885, 9 январь. – № 1.
9. Из Тегерана телеграфируют // Переводчик –Терджиман. – 1884, 11 ноябрь. – № 40.

10. Климович Л.И. На службе просвещения: О первой тюркоязычной газете «Терджиман» и её издатель И. Гаспринском // Звезда Востока. – 1987. – № 8. – С. 173 – 179
11. Кое о чём // Переводчик –Терджиман. – 1884, 21 мая. – № 19.
12. Мусульманство в Китае // Переводчик –Терджиман. – 1884, 8 февраля. – № 6.
13. Низкие цены на фрукты // Переводчик –Терджиман. – 1884, 16 окт. –№ 35.
14. Новые книги // Переводчик – Терджиман. – 1885, 10 мая. –№ 16.
15. О землетрясении в Ницце // Переводчик –Терджиман. – 1887, 28 февраля. – № 8.
16. 2 октября в Евпатории произошли выборы уездного кадия // Переводчик – Терджиман. – 1884, 16 окт. – № 35.
17. Присоединение Мерва к России // Переводчик –Терджиман. – 1884, 21 мая. – № 19.
18. Программа газеты «Переводчик –Терджиман» // Ыылдыз. – 1991. – № 4. – С. 95
19. Русско–восточное соглашение // Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы). Из наследия. – Симферополь : Таврия, 1991. – С. 51 – 65
20. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Исмаил бей Гаспринский Россия и восток – Казань: Фон жиен. Татарское книжное издательство, 1993. – С. 17 – 58
21. Смесь // Переводчик – Терджиман. – 1885. 18 января. – № 2.
22. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. – К, 2002. – 319 с.
23. Хроника // Переводчик–Терджиман. – 1886, 9 ноябрь. – № 46.

Сєтмеметова С.А. Жанри і типи публікацій в газеті «Терджіман» / С.А.Сєтмеметова // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія : Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 43-51.

Зроблена спроба класифікувати жанри і типи публікацій першої кримськотатарської газети «Терджіман». Досліджені основні види жанрів, використовувани в даному періодичному виданні: інформаційні (замітка, хроніка, зарисовка, огляд, і в деякій мірі репортаж), аналітичні (безпосередньо стаття) і художньо-публіцистичні (нарис, фейлетон, есе).

Визначені одні з перших кореспондентів газети «Терджіман» та основні періодичні видання кінця ХІХ століття з яких редактор газети – І. Гаспрінський черпав необхідну інформацію для складання своїх заміток.

Ключові слова: «Терджіман», І. Гаспрінський, кримські татари.

Seitmemetova S.A. There are genres and types of publications in a newspaper «Terdzhiman» / S.A.Seitmemetova // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 43-51.

It is an attempt to classify genres and types of publications of the first Crimean Tatars newspaper «Terdzhiman». In this work we researched the basic types of genres from the newspaper, the first correspondents of the «Terdzhiman» were found I. Gasprinskiy – being the editor of the newspaper had taken his information.

Keywords: «Terdzhiman», I. Gasprinskiy, Crimean Tatars.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 94 (477.85/.87):61:369.223.23/.24 “XIX-XX”

МЕДИЦИНА ТА САНАТОРНЕ ЛІКУВАННЯ НА ГУЦУЛЬЩИНІ У XIX-XX СТ.

Клапчук В.М.

*Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, Україна
E-mail: volodymyr_klapchuk@ukr.net*

В статті наводяться нові матеріали про державну охорону здоров'я, лікарняні заклади, штати медиків та аптекарів на Гуцульщині, характеризується динаміка рівня смертності і розповсюдження епідемій різних хворіб, наводиться інформація про найпривабливіші гуцульські курорти в Польщі.

Ключові слова: Гуцульщина, медицина, курорти, шлунково-кишкові хвороби, холера.

Медичне забезпечення селян на Гуцульщині впродовж багатьох століть залишалось найгіршим у Австро-Угорщині та Польщі. Цим та поширенням епідемій хвороб і була викликана найбільша смертність населення у краї. Незважаючи на важливість цього питання, діяльність медичних закладів, лікарів та аптекарів практично не висвітлена у науковій літературі, окрім досліджень З.Болтарович [1] та І.Коломієць [2]. Про стан медичного забезпечення збереглося надзвичайно мало історичних даних, проте думаємо, що зібрані нами дадуть можливість пізнати проблеми медицини та стан охорони здоров'я населення Гуцульщини.

Метою дослідження є демонстрація наявних даних про забезпеченість Гуцульщини медичним персоналом та стаціонарними лікарняними місцями, динаміку захворювань, народжуваності та смертності населення, проблеми виникнення епідемій тощо.

Для підготовки статті використовувались фондові матеріали Державного архіву Івано-Франківської області, багатьох статистичних та інформаційних довідників, оригінали документів з приватного архіву родини Клапчуків у Делятині.

Перші дані з 1858 р. говорять, що на території Надвірнянського повіту працювало три урядові акушерки, а у селах пологи приймали «баби». Оскільки лікарів у Галичині було мало, державні лікарняні заклади, якими користувались мешканці Гуцульщини, знаходились у Станіславові (лікарня на 120 ліжок, заснована в 1841 р.), Снятині (14 ліжок, 1847 р.) та Коломиї (60 ліжок, 1835 р.). Крім цього, у цих же містах діяли приватні єврейські лікарні: у Станіславові вона була заснована в 1845 р. (20 ліжок), а в Коломиї – в 1854 (15 ліжок) [3, с. 243-267]. Якщо врахувати кількість населення Галичини того часу, можна зрозуміти, що рівень охорони здоров'я був незадовільним.

В 1862 р. у Надвірнянському повіті працювало 4 лікарі: 2 – у Надвірній та по одному – у Середньому Майдані та Делятині. У Надвірній та Делятині працювали також 3 акушерки, діяла лише одна аптека у Надвірній [4, с. 390-404]. В 1874-1877 рр. на Гуцульщині працювали 2 доктори (Надвірна) та 2 магістри (Надвірна, Делятин) медицини, функціонували 2 аптеки (Надвірна, Делятин). Практикували 5 акушерки, з яких чотири у Надвірній та одна – у Делятині [5, с. 464-483; 6, с. 468-476]. У 1884 р. тут згадуються доктори медицини Б. Богданський та Я.Радек,

хірурги М.Фоєрштайн та Ф.Сланіна, акушерки Л.Блау, Ф.Гешвір, Е.Шульзінгер (Надвірна) та Марія Янович (Делятин), аптекарі В.Дзембовський (Надвірна) та Й.Голубович (Делятин) [7, с. 443-463].

Гуцульщина ХІХ ст. була постійно діючим вогнищем епідемій. Так, у с. Криворівня в середині ХІХ ст., від чуми померло більше 1/2 населення. У 1884 р. епідемія тифу спалахнула в с. Яворові Косівського повіту, а на Закарпатті в 1872-1873 рр. – епідемія холери [2, с. 318].

Надзвичайно важкі умови життя були причиною масових захворювань і смертності. За часів Австро-Угорщини смертність в Галичині була найвищою в державі. На це вказувала офіційна статистика. Повсякденне харчування галичанина було недостатнім для підтримання здоров'я та життя, а реєстри смертності свідчили про вражаюче переважання смертності. За 1880-1888 рр. Галичина втрачала щороку 56 тис. чол. У 1878-1882 рр. смертність на Коломийщині складала 42,5 чол./1000 жителів, на Косівщині – 40,1 та на Надвірнянщині – 44,9. Середня тривалість життя становила 27 років для чоловіків і 28,5 – для жінок [8, с. 28]. На медичне забезпечення, незважаючи на такий жалюгідний стан справ, виділялось понад 25,5 % від загальних видатків бюджету воеводства, в т. ч. – 1,8 % – на щеплення, 0,65 – на відрядження лікарів для лікування епідемій, 17,08 – на лікування, 5,32 – на санітарні заклади та 0,66 % – на добродійні заклади [9, с. 274-275].

У Косівському повіті в 1888-1895 рр. вмирало щорічно 2623 чол. [9, с. 50]. Дуже висока смертність була і на Закарпатті. За даними офіційної угорської статистики, в 1894 р. загальна смертність у комітатах коливалась у межах 31,7-36,1, а в 1900 – 25,9-30,1 чол./1000 чол. [2, с. 317]. Особливо часто вмирали діти. Із 238 смертних випадків, зареєстрованих у 1888-1890 рр. у Косівській парохії, 60,9% припадає на дітей до 14 років, а в 1896-1897 – з 115 смертних випадків 57,3% становлять діти, з них 40% – немовлята.

Голод і хвороби були постійними супутниками населення. Через постійне недоїдання широке розповсюдження мали такі хвороби як жовтуха (хвороба Боткіна, гепатит – авт.) і куряча сліпота (авітаміноз А – авт.) [10]. За повідомленням Надвірнянського повітового старости, гуцули жили у важких нужденних умовах, голодували, хворіли туберкульозом та іншими хворобами [11, арк. 2].

Найбільшою в 1893-1894 рр. була епідемія холери. На цьому факті зупинимось детальніше, оскільки про це згадувалось в багатьох виданнях. Епідемія холери в широких масштабах поширилася влітку 1893 р. в Румунії, Угорщині та Наддніпрянщині. Лише в Росії в 1892 р. холера забрала життя понад 215, а в 1893 – понад 25 тис. чол. [12]. Для запобігання перенесення хвороби у Галичину на всіх карпатських переходах було встановлено охорону. Проте, це не перешкодило поширенню епідемії, яку сюди занесли будівельники залізничної колії Станіславів – Керешмезе (Ясіня), що походили з Італії та підтримували зв'язок з батьківщиною.

Наприкінці липня захворів і помер на холеру один робітник у Татарові, а через два дні ще один – у Ямній. Протягом 27 липня – 3 серпня азіатська холера забрала життя 10 робітників. З уваги на це Львівське намісництво вислало у Яблуницю лікарів на чолі з протомедиком Меруновичем, амбулаторні бараки Червоного Хреста і дезінфекційну установку, внаслідок чого жандарми перекрили всі стежки з

Угорщини в Галичину й стали направляти пішоходів у Яблуницю на дезінфекцію [13]. Проте й це не допомогло. Почались смерті і серед місцевих жителів: 8 серпня – у Татарові, а 9 серпня – в Ямній. До 12 серпня холера забрала життя 4 селян [14]. 11 серпня зафіксовано смерть і в містечку Делятин – першим тут помер робітник, проте, незабаром, на холеру почали хворіти та померати міщани та інтелігенція. Це змусило адміністрацію припинити роботу делятинського суду [15].

Тим часом холера забирала нові жертви: 14-18 серпня 1893 р. від епідемії у долині Пруту померло 30 осіб [16; 17], що викликало загальну паніку. З Делятина та курортних місцевостей почали масово виїжджати євреї, інтелігенція та відпочиваючі. На залізниці значно зменшилась кількість будівельників. Багато з них виїхало, навіть не отримавши заробітної плати [18]. Лише через Коломию щодня втікало 40-60 осіб [19]. За неповними даними протягом 19-29 серпня 1893 р. на холеру померло 54 чол., в т.ч. у Делятині – 22, Добротові – 17, Микуличині – 11, Дорі – 2 та у Вороненці, Татарові, Ланчині – по 1 [20].

Посилення епідемії змусило припинити роботу на солеварні в Делятині та будівельні залізничні роботи в цій долині Пруту [21]. Протягом місяця у Делятині на холеру померло 28 чол. Найбільше жертв викликала холера серед євреїв [22].

Епідемія холери в Галичину прийшла через долину р. Прут – Делятинщину. До кінця серпня 1893 р. вона поширилася вже в 38 селах 17 повітів і спричинила смерть 190 осіб. Та найбільше жертв було в околицях Делятина, оскільки становила понад 52 % усіх жертв Галичини [23]. Нічого дивного, адже в околицях Делятина (понад 20 сіл) працював лише один лікар Б.Богданський. Протягом вересня померло 59 чоловік. За цей час епідемія поширилася майже по всій Галичині і спричинила смерть 510 осіб [24]. В жовтні від епідемії померло 23 чол. [25]. З похолоданням смертність зменшилася і вже 15 жовтня в Надвірнянському повіті вперше не зафіксовано жодної смерті від холери. Проте вже влітку 1894 р. вона з'явилася знову. Однією з перших жертв став посол до парламенту М.Січинський зі Стопчатової [26]. На теренах Надвірнянського повіту холера поширилася на початку вересня, коли у Галичині нараховували вже біля 5 тис. жертв [27; 28]. В 1893 р. особливої похвали при лікуванні хворих на холеру заслужив доктор медицини Б.Богданський, який, не покладаючи рук, рятував земляків, сам також захворів і завдяки великим зусиллям спас себе від смерті [17].

В 1896 р. кілька випадків захворювання холерою з'явилися в Дорі та Делятині. В цих же роках місцеве населення хворіло на червінку (дизентерія – авт.): в Надвірнянському повіті в 1891 р. померло 5,78 чол./1000 жителів, в Косівському – 5,71, а в Коломийському 3,07 [29, с. 40-41, 75-78].

Високу смертність давали різні шлунково-кишкові захворювання. На Закарпатті в 1894 р. від них померло 1493 чол., у 1895 – 1506, що становило 20 % усіх померлих від інфекційних хвороб [2, с. 318].

Медичне обслуговування населення було вкрай незадовільним. Окупаційна влада не дбала про охорону здоров'я селян. У кінці XIX ст. на Закарпатті понад 30 % населених пунктів не входило в склад лікарських округів, тобто третина населення була позбавлена медичної допомоги [1, с. 17]. На 20 тис. осіб населення Закарпаття приходилось 0,25 лікаря, 3 акушерки, 0,7 аптек, 0,2 лікарень і 9 лікарняних ліжок [2,

с. 321]. В околицях Жаб'є був лише один лікар [1, с. 17]. В 1896 р. на території Надвірнянського повіту працювала, як для загального стану справ, значна кількість лікарів: 4 доктори медицини у Делятині, Середньому Майдані та Надвірній (два); 10 акушерок, з яких п'ять – у Надвірній, чотири – у Делятині та одна – у Ланчині. Аптекарів, як і раніше було двоє [30, с. 517, 532, 540]. На цей же час у Надвірнянському повіті один лікар припадав на 11916 мешканців, у Коломийському – на 6898, а у Косівському – на 11109 мешканців. На теренах Надвірнянського повіту діяла 1 лікарня з 12 ліжками, в якій щомісячно лікувалось 72 хворих. У Коломийській лікарні з 70 ліжками лікувалось 944 особи [29, с. 17-18, 109-110].

Детальнішу інформацію про охорону здоров'я, в т.ч. по повітах, дають пізніше опубліковані матеріали. Так, в 1903 р. у Надвірнянському повіті було 11 лікарів, 3 ветеринари, 3 аптекарі та 13 акушерок, у Коломийському, відповідно, – 15, 2, 10 та 31, а в Косівському – 12, 1, 4 та 20. В 1905 р. лікарні діяли у Надвірній (16 ліжок) та Коломій (100 ліжок), в яких оздоровилось понад 1500 осіб [31, с. 58-65].

Великої шкоди здоров'ю місцевого населення наносили венеричні захворювання. Так, в Надвірнянському повіті (загальна кількість населення – 64201 чол.) від сифілісу лікувалось в 1906-1909 рр. біля 1500 чол. Внаслідок цього у Делятині відкрито венеричну лікарню Ходоровського (табл. 1) [29, с. 199-201].

Таблиця 1.

Стан лікування венеричних захворювань

Населений пункт	Кількість населення	Лікувалось в 1907 р.	Прибуло в 1908 р.	Прибуло в 1909 р.	Залишилось в 1910 р.
Делятин	6097	10	30	13	6
Добротів	1375	6	9	5	1
Дора	2370	8	9	13	4
Ямна	925	–	7	10	3
Микуличин	4636	–	–	7	3
Б. Ослави	2821	3	12	17	5
Ч. Потік	1449	1	4	6	1
Заріччя	3088	12	23	28	13

У Косівському повіті у 1906 р. венеричними хворобами хворіло 568 осіб, у 1907 – 481, у 1908 – 348, а у 1909 – 523 особи. У Печеніжинському повіті, відповідно, у 1907 – 514, у 1908 – 494 та у 1909 – 331 особа. Загалом, можна констатувати, що венеричними хворобами на Гуцульщині щороку хворіло понад 1 тис. чол.

В 1908 р. робітники з Буковини занесли червінку (дизентерію). Тоді у Надвірнянському повіті нею захворіло 106 осіб, на Косівщині – 185 [29, с. 45].

Наприкінці 1920-х рр. у галицькій Гуцульщині нараховувалось 43 лікарі, 37 акушерок, 7 зубних лікарів, функціонувало 11 аптек (табл. 2) [32, с. 60; 33, с. 1465-1549]. В 1912 р. у Вижниці відкрито лікарню на 50 ліжок, де працювали 2 лікарі, фельдшер і акушерка [34, с. 134].

Таблиця 2.

Забезпеченість Гуцульщини медичним персоналом

Населений пункт	Лікарі	Акушери	Дантисти	Аптеки
Брустури		1		
Ворохта	3	1		
Гринява	1			
Делятин	5	4	3	1
Жаб'є	4	2		1
Кобаки		1		
Космач	1			
Косів	6	3	1	2
Кути	4	3	1	2
Кути Старі	1	2		
Ланчин	2	1		
Майдан Горішній		1		
Микуличин	1	2		1
Москалівна	1	2		
Надвірна	6	3	2	1
Пасічна	1	1		
Печеніжин	2	2		1
Пістинь		1		
Рожнів	2	2		
Рибне		1		
Смодна		1		
Яблунів	2	2		1
Яремче	1			1
Ясенів Горішній		1		
Всього:	43	37	7	11

Від епідемії тифу, що поширилась у 1923 р., в кожному селі щоденно помирало 8-10 мешканців. Незважаючи на те, що епідемія тривала 1,5 місяця, жоден лікар сюди так і не з'явився [35]. У 1927-1928 рр. на Гуцульщині майже половина дітей вмирала, не доживши року [36, с. 116]. Страшною бідою і надалі були венеричні хвороби. Кількість таких хворих у воєводстві в 1933 р. зросла, порівняно з 1925, на 24% [37, арк. 1]. Протягом року тільки в Косівському повіті до лікаря зверталось з приводу венеричних хвороб 5607 чоловік, в т. ч. 869 дітей [38, арк. 4].

Але не тільки масові епідемічні та інфекційні хвороби знищували людей, часто причиною смерті були запалення легенів, грип, гострий апендицит тощо. З 2061 смертельного випадку, зафіксованого у Косівському повіті в 1930 р., на запалення легенів припадає 219, туберкульоз – 152, дизентерію – 129, інші легеневі хвороби – 46. У 1931 р. в цьому ж повіті зафіксовано 2067 смертельних випадків, з яких причиною 240 були запалення легенів, 162 – туберкульоз тощо [39, арк. 2, 17].

По гуцульських оселях такі хвороби, як висипний тиф та червінка майже не пропадали [40]. Під час епідемії червінки в 1932 р. на Гуцульщині зафіксовано 1555 смертельних випадків [41, арк. 3]. Особливого поширення ці хвороби набували в

голодні роки, коли населення змушене було харчуватися недоброякісною їжею, недостиглими овочами й фруктами, при цьому важко працюючи.

Отже, медичної допомоги, власне, не було. До приватних лікарів, які брали непомірно високу плату, населення не мало змоги звертатися. Тому змушене було само давати собі раду, лікуватися народними засобами та шукати допомоги у знахарів. В 1936 р. в Делятині ординував лікар Й. Матушевський, обслуговуючи, крім Делятина, ще й Яремче, Ланчин та Білі Ослави. Лікар Я. Йоссе в Микуличині обслуговував жителів Микуличина, Ворохти, Татарова та Яблуниці [42, арк. 4]. В 1935 р. у Делятині діяла лікарська допомога для убогих хворих.

Гуцульщина впродовж багатьох століть використовувалась як курортна місцевість, тому питання санаторного лікування було одним з пріоритетів розвитку цього краю. Ще в 1835 р. писалось, що у маленькому містечку Делятин, яке лежить над Прутом поблизу гористих Карпат, влітку збирається велика кількість гостей для вживання «жентиці» і купелі [43, с. 94]. У 1877 р. згадується, що Делятин має соляні купелеві саліни [44, с. 34], які в 1895 р. відвідувала значна кількість відпочиваючих [45, с. 269]. В Яремчі в 1902 р. функціонував водолікувальний заклад, що був у власності і працював під керівництвом лікаря-гідропата М. Градера [46, с. 654].

На Гуцульщині діяло багато санаторно-курортних закладів різного профілю, що принесло їй славу відомого курортного краю. Практично всі кліматичні курорти входили в перелік найкращих у Польщі (табл. 3) [47].

В цілому можна сказати, що медичне забезпечення селян на Гуцульщині впродовж багатьох століть залишалось найгіршим у Австро-Угорщині та Польщі. Саме цим та поширенням епідемій хвороб і була викликана найбільша смертність населення у краї. Лікарів у Галичині було мало; державні лікарняні заклади, якими користувались мешканці Гуцульщини, знаходились у Станіславові (лікарня на 120 ліжок), Снятині (14 ліжок) та Коломиї (60 ліжок). У цих же містах діяли приватні єврейські лікарні на 35 ліжок. В 1874-1877 рр. у Надвірнянському повіті працювали 2 доктори та 2 магістри медицини, 5 акушерів, функціонували 2 аптеки.

Гуцульщина ХІХ ст. була постійно діючим вогнищем епідемій. Страшна епідемія чуми виникла в середині ХІХ ст. у Криворівні, від якої померло більше половини населення. У 1884 р. епідемія тифу спалахнула і в Яворові Косівського повіту, а на Закарпатті в 1872-1873 рр. – епідемія холери.

Надзвичайно важкі умови життя були причиною масових захворювань і смертності. За часів Австро-Угорщини смертність на Гуцульщині була найвищою в державі. У 1878-1882 рр. смертність на Коломиї складала 42,5 чол./1000 жителів, на Косівщині – 40,1 та на Надвірнянщині – 44,9. Середня тривалість життя становила 27 років для чоловіків і 28,5 – для жінок. На медичне забезпечення, незважаючи на такий жалюгідний стан справ, виділялось понад 25,5 % загальних видатків бюджету воєводства, в т. ч. – 1,8 % – на шеплення, 0,65 – на відрядження лікарів для лікування епідемій, 17,08 – на лікування, 5,32 – на санітарні заклади та 0,66 % – на добротні заклади. У Косівському повіті в 1888-1895 рр. вмирало щорічно 2623 чол. Дуже висока смертність була і на Закарпатті – в 1894 р. вона коливалась у межах 31,7-36,1, а в 1900 – 25,9-30,1 чол./1000 чол. Найчастіше вмирали діти – із 238 смертних випадків, зареєстрованих у 1888-1890 рр. у

Косівській парохії, 60,9 % припадало на дітей до 14 років, а в 1896-1897 – із 115 смертних випадків 57,3 % становили діти, з яких 40 % – немовлята.

Таблиця 3.

Курортні місцевості Гуцульщини

Курортна місцевість	Природні рекреаційні ресурси	Соціально-економічні рекреаційні ресурси	Лікування хвороб	Транспорт
1	2	3	4	5
Буркут	Мінеральна вода, клімат	Купелевий заклад, приватні садиби	Шлунку, легенів, анемії, нервової системи	Найближча залізнична станція – Коломия
Делятин	Кухонні солі, клімат	Купелеві заклади, лікарі, аптека, готелі, вілли та пансіонати, ресторани, поштова установа, телеграф	Ревматизму, жіночих хвороб, нирок, печінки, органів дихання, кровоносних судин	Вокзал на лінії Станіславів – Вороненка
Дора	Клімат	Пансіонати, вілли, поштова установа	Органів дихання	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка
Яремче	Клімат, мінеральна вода	Кліматична комісія, водолікувальниця, лікарі, аптека, санаторії, готелі, пансіонати, кав'ярня, кондитерська, ресторани, телеграф, пошта, інфорбюро	Органів дихання, малокрів'я, ожиріння, невротенії, гінекологічних хвороб, ревматизму і артриту	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка
Ямна	Клімат	Пансіонати, вілли, ресторани, поштова установа, кав'ярня, кондитерська	Органів дихання	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка
Микуличин	Клімат	Лікарі, аптека, санаторії, пансіонати, ресторани, поштова установа, телеграф	Дихальних шляхів, анемії, невроастенії, астми	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка
Татарів	Клімат	Лікарі, санаторії, пансіонати, поштова установа, телеграф	Дихальних шляхів, туберкульозу	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка
Ворохта	Клімат, мінеральна вода	Лікарі, аптека, санаторії, пансіонати, приватні садиби, пошта, телеграф, міжміський телефон	Туберкульоз легенів, нервові захворювання	Залізнична станція на лінії Станіславів – Вороненка

1	2	3	4	5
Гринява	Клімат	Лікарі, аптека, пансіонати, приватні садиби; поштово-телеграфна установа в Гірському Ясеніві	Дихальних шляхів	Найближчі залізничні станції Заболотів та Коломия
Яблунів, Космач, Слобода Рунгурська	Клімат, кухонні солі	Лікарі, аптека, купелеві заклади, пошта, телеграф, приватні садиби	Дихальних шляхів, анемії	Найближча залізнична станція – Коломия
Косів	Клімат	Лікарі, аптека, купелеві заклади, пансіонати, приватні садиби, пошта, телеграф, міжміський телефон	Нервова система, артрит, органи травлення, ожиріння	Найближчі залізничні станції Заболотів та Коломия
Кути	Клімат (найтепліше місце в Польщі)	Лікарі, аптека, приватні садиби, готелі, пансіонат, ресторани, поштово-телеграфна установа	Нервова система, артрит, ожиріння, органи травлення	Найближчі залізничні станції Вижниця та Коломия

Голод і хвороби були постійними супутниками населення. Через постійне недоїдання широке розповсюдження мали такі хвороби як жовтуха і куряча сліпота. Найбільшою в 1893-1894 рр. була епідемія холери, яка в широких масштабах поширилася влітку 1893 р. і тривала з перервами впродовж кількох років. За цей час від неї померли тисячі людей, але найбільше – у долині Пруту.

В початку 1890-х рр. місцеве населення хворіло на червінку, внаслідок чого на Гуцульщині помирало до 6 чол./1000 жителів. Високу смертність давали різні шлунково-кишкові захворювання – на Закарпатті в 1894-1895 рр. від них щороку помирало до 1,5 тис. осіб. У кінці ХІХ ст. на Закарпатті понад 30% населених пунктів не входило в склад лікарських округів, тобто третина населення була позбавлена медичної допомоги. На 20 тис. осіб населення приходилось 0,25 лікаря, 3 акушерки, 0,7 аптек, 0,2 лікарень і 9 лікарняних ліжок. В цей час зросла кількість медичних працівників у галицькій Гуцульщині: у Надвірнянському повіті 1 лікар припадав на 11916 мешканців, у Коломийському – на 6898, а у Косівському – на 11109 мешканців. На теренах краю діяло дві лікарні на 82 ліжка.

На початку ХХ ст. покращується стан справ на галицькій Гуцульщині. Тут працюють вже 38 лікарів, 17 аптекарів та 64 акушерки. Дві лікарні мали 116 ліжок, де в середньому в рік лікувалось до 1700 осіб. Наприкінці 1920-х рр. загалом у нараховувалось 43 лікарі, 37 акушерок, 7 зубних лікарів, функціонувало 11 аптек.

Великої шкоди здоров'ю місцевого населення наносили венеричні захворювання, внаслідок чого уряд змушений був відкрити у Делятині венеричну лікарню. У 1906-1910 рр. щорічно на сифіліс хворіло до 1200 осіб. В 1908 р. робітники з Буковини занесли червінку, якою захворіло близько 0,5 тис. осіб. В 1912 р. у Вижниці відкрито першу лікарню на 50 ліжок, де працювали 2 лікарі, фельдшер

і акушерка. Від епідемії тифу, що поширилась у 1923 р., в кожному селі щоденно помирало 8-10 мешканців. Незважаючи на те, що епідемія тривала 1,5 місяця, жоден лікар сюди так і не з'явився. У 1927-1928 рр. на Гуцульщині майже половина дітей вмирала, не доживши року. Страшною бідою і надалі були венеричні хвороби. Кількість венерично хворих в 1933 р. зросла, порівняно з 1925, у декілька разів. Але не тільки масові епідемічні та інфекційні хвороби знищували людей, часто причиною смерті були запалення легенів, туберкульоз та дизентерія.

Отже, медичної допомоги, власне, не було. До приватних лікарів, які брали непомерно високу плату, населення не мало змоги звертатися, тому змушене було лікуватися народними засобами та шукати допомоги у знахарів.

Незважаючи на незадовільне медичне обслуговування, Гуцульщина впродовж багатьох століть славилась як курортна місцевість, тому питання санаторного лікування було одним з пріоритетів розвитку цього краю. Вже наприкінці XIX – початку XX ст. згадуються соляні купелеві заклади у Делятині та водолікувальний заклад в Яремчі. На Гуцульщині діяло багато санаторно-курортних закладів різного профілю, що принесло їй славу відомого курортного краю, а багато з кліматичних курортів входили до переліку найкращих у Польщі.

Загалом, рівень охорони здоров'я на Гуцульщині був найгіршим у Австро-Угорщині, а, відтак, і в Польщі, Румунії та Чехословаччині, а рівень смертності, – найбільшим. Окрім загальнодержавних захворювань, на Гуцульщині побутували такі інфекційні захворювання як червінка, висипний тиф, венеричні захворювання. Високою була дитяча смертність. Проте, Гуцульщина вирізнялась невичерпними рекреаційними ресурсами, на базі яких функціонувало багато кліматичних курортів з передовою технологією лікування.

Список літератури

1. Болтарович З.С. Народне лікування українців Карпат кінця XIX – початку XX століття. – К.: Наукова думка, 1980. – 117 с.
2. Коломиец І. Социально-экономические отношения и общественное движение в Закарпатье во второй половине XIX ст. – Томск, 1961. – С. 317-321.
3. Handbuch des Lemberger Statthalterei-Gebietes in Galizien für das Jahr 1858. – Lemberg, 1860. – S. 243-367.
4. Handbuch des Lemberger Statthalterei-Gebietes in Galizien für das Jahr 1862. – Lemberg, 1862. – S. 390-404.
5. Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1874. – S. 464-483.
6. Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1877. – S. 468-476.
7. Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1884. – S. 443-463.
8. Szczepanowski S. Nędza Galicyi w cyfrach. – Lwów, 1888. – S. 28.
9. Rocznik statystyki Galicyi/pod kierunkiem T.Rutowskiego. – Lwów, 1898. – S. 274-275.
10. Батьківщина. – 1888. – 8 червня.
11. Державний архів Івано-Франківської області (далі – ДАІФО), ф. 370 «Експозитура головного правління Товариства приятелів Гуцульщини у м. Станіслав», оп. 1, од. зб. 9 «Протоколи зборів Надвірнянського відділення експозитури Товариства «Приятелі Гуцульщини», арк. 2.
12. Галичанинъ. – 1893. – 1 грудня.
13. Галичанинъ. – 1893. – 8-9 серпня.
14. Галичанинъ. – 1893. – 13 серпня.
15. Галичанинъ. – 1893. – 17 серпня.
16. Галичанинъ. – 1893. – 18-19 серпня.
17. Галичанинъ. – 1893. – 20 серпня.

18. Галичанинъ. – 1893. – 22 серпня.
19. Галичанинъ. – 1893. – 24 серпня.
20. Галичанинъ. – 1893. – 23 серпня.
21. Галичанинъ. – 1893. – 1 вересня.
22. Галичанинъ. – 1893. – 2 вересня.
23. Галичанинъ. – 1893. – 3 вересня.
24. Галичанинъ. – 1893. – 4 жовтня.
25. Галичанинъ. – 1893. – 5 жовтня – 1 листопада.
26. Галичанинъ. – 1894. – 18 липня.
27. Галичанинъ. – 1894. – 8 вересня.
28. Галичанинъ. – 1894. – 7 жовтня.
29. Sprawozdanie c.k. Krajowej Rady zdrowia o stosunkach zdrowotnych w Galicyi w 1896. – Lwów, 1898. – S. 40-41, 75-78.
30. Schematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1896. – S. 517, 532, 540.
31. Podręcznik Statystyki Galicyi / Pod redakcją Dr Tadeusza Pilata. – Lwów : Druk. I Związkowa, 1908. – Т. VIII. – Cześć II. – S. 58-65.
32. Календар «Просвіти» на 1911 рік. – Львів, 1910. – С. 60.
33. Księga adresowa Polski 1929. – Warszawa, 1929. – S. 1465-1549.
34. Історія Гуцульщини / За ред. М. Домашевського. – Чикаго, 1985. – Т. II. – С. 134.
35. Громадський вісник. – 1923. – 28 лютого.
36. Історія міст і сіл Української РСР. Івано-Франківська область. – Київ : Головна редакція УРЕ АН УРСР, 1971. – С. 116.
37. ДАІФО, ф. 2 «Станіславське воєводське управління. Відділ праці, опіки і охорони здоров'я, 1921-1939», оп. 4, од. зб. 432 «Листування з міністерством соціального забезпечення про ріст захворюваності населення венеричними хворобами, 1935», арк. 1.
38. ДАІФО, ф. 2 «Станіславське воєводське управління. Відділ праці, опіки і охорони здоров'я. 1921-1939», оп. 4, од. зб. 426 «Річні звіти відділу опіки і охорони здоров'я про захворюваність венеричними хворобами населення Станіславського воєводства за 1935-37 рр., 1938», арк. 4.
39. ДАІФО, ф. 2 «Станіславське воєводське управління. Відділ громадської охорони здоров'я, 1921-1932», оп. 5, од. зб. 251 «Річний звіт Косівського повітового лікаря про стан охорони здоров'я в повіті за 1930 р., 1931», арк. 2, 17.
40. Станіславські вісті. – 1937. – 15 серпня.
41. ДАІФО, ф. 2 «Станіславське воєводське управління. Відділ праці, опіки і охорони здоров'я, 1921-1939», оп. 4, од. зб. 425 «Статистичні зведення про природний приріст і інфекційні захворювання населення, про кількість амбулаторій і чисельність медичного персоналу на території Станіславського воєводства, 1934-1935», арк. 3.
42. ДАІФО, ф. 2 «Станіславське воєводське управління, 1921-1939. Президіальний відділ, 1921-1925, відділ громадської безпеки, 1925-1930, відділ безпеки, 1930-1934, громадсько-політичний відділ, 1925-1939», оп. 1, од. зб. 2135 «Політичні і економічні монографії Надвірнянського повіту Станіславського воєводства, 1936», арк. 4.
43. K.W.W. Nad Prucie. Kwartalnik naukowy. – Kraków, 1835. – Tom 2. – S. 94.
44. Pamiętnik Towarzystwa Tatrzańskiego, 1877. – Tom II. – Cześć 1. – S. 34.
45. Wielka encyclopedia powszechna ilustrowana. – Warszawa, 1895. – Tom XV. – S. 269.
46. Wielka encyclopedia powszechna ilustrowana. – Warszawa, 1902. – Tom XXXI. – S. 654.
47. Przewodnik zdrojowo-turystyczny na 1931-32 r. / Pod red. H. Piotrowskiego. – Warszawa : Zakład Graficzny B. Padrecki i S-ka z o.o., 1931. – Wyd. II. – 350 s. + XXXVIII.

Клапчук В.М. Медицина и санаторное лечение на Гуцульщине в XIX-XX вв. / В.М. Клапчук // Ученые записки ТНУ. Серия: История. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 52-62.

В статье наводятся новые материалы о государственной охране здоровья, больничных заведениях, штатах медицинских работников и аптекарей на Гуцульщине, характеризуется динамика уровня смертности и распространения эпидемий различных болезней, наводится информация о популярных гуцульских курортах в Польше.

Ключевые слова: Гуцульщина, медицина, курорты, желудочно-кишечные болезни, холера.

Klapchuk V.M. Medicine and sanatorium treatment in Guzulshyna in XIX-XX centuries/ V.M. Klapchuk // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 52-62.

The article gives new materials about state of health protection, treatment establishments, medicine staff and chemists in Guzulshyna. The dynamic death-rate and spreading of epidemics are characterized here. The information about the most attractive resorts in Poland and Guzulshyna is revealed in the article.

Key words: Guzulshyna, medicine, resorts, gastric-intestinal illnesses, cholera.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК:94(477.6)(=112.2) «190/191»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА ЭДУАРДОВИЧА ФАЛЬЦ-ФЕЙНА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ III СОЗЫВА

Задерейчук А.А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина

В статье рассмотрена роль В.Э. Фальц-Фейна в работе Государственной Думы Российской империи III созыва. Отражено его участие в составе думских комиссий и отделов, изучена законодательная деятельность В.Э. Фальц-Фейна.

Ключевые слова: Фальц-Фейн, Государственная Дума, немцы.

Важным вопросом в истории отечественного парламентаризма является опыт, накопленный в прошлом. В этом смысле интересна и поучительна история участия депутатов в Государственной Думе Российской империи от регионов, которые сегодня составляют современную территорию Украины. Разумеется, наибольшее внимание привлекают представители, избранные от Таврической губернии. Изучение подобного опыта необходимо как на общегосударственном, так и на автономном уровне. Многие элементы парламентской работы актуальны и по сей день.

Сегодня известны исследования об участии представителей крымскотатарского населения в работе Государственной Думы Российской империи II (Абдурешита Медиева) и III созыва (Исмаил Муфтийзаде). Одним из наиболее интересных региональных «думцев», без сомнения был Владимир Эдуардович Фальц-Фейн. Его деятельность в работе Государственной Думе до сих пор не нашла отражения в исследованиях историков. В историографии имеются работы, в которых лишь упоминается об участии В.Э. Фальц-Фейна в работе Думы, например, статья А.И. Безносова и И.В. Толстых, посвященная в целом работе немцев-депутатов в составе Государственной Думы всех четырех созывов [2].

Источниками по вопросу деятельности В.Э. Фальц-Фейна являются мемуары и документы Государственной Думы. В книге об Аскании-Нова В.Э. Фальц-Фейн неоднократно упоминает о своей работе в составе Государственной Думы [33]. Богатый материал для исследователя предоставляют стенографические отчеты и сборники по работе комиссий и отделов Государственной Думы [15; 16; 17; 18; 19; 21; 22]. Кроме того, важными источниками являются архивные материалы. В фондах РГИА имеется личное дело депутата В.Э. Фальц-Фейна [29]. Среди впервые вводимых в научный оборот архивных дел необходимо отметить: документы (протоколы, акты списки и др.) об избрании членов Государственной Думы из фондов ГАХО [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13]. Эти материалы содержат в себе сведения о процессе выборов в депутаты Государственной Думы.

Совокупность историографического материала и комплекса источников позволяет говорить о научной новизне. Она заключается в том, что впервые комплексно рассмотрена роль В.Э. Фальц-Фейна в работе Государственной Думы Российской империи. В статье отражена попытка представителей рода Фальц-Фейнов войти в состав депутатов Государственной Думы II созыва, процесс

выборов В.Э. Фальц-Фейна в депутаты Государственной Думы III созыва и участие в выборах в Государственную Думу IV созыва. Показана деятельность В.Э. Фальц-Фейна в четырех комиссиях Государственной Думы III созыва: комиссии по запросам, по государственной обороне, комиссия по рыболовству и продовольственной комиссии. Раскрыто его участие в составлении заявлений по различным вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни Российской империи, обращено пристальное внимание на позицию октябриста В.Э. Фальц-Фейна при решении некоторых острых вопросов в отношении расширения прав национальных меньшинств.

Вольдемар (Владимир) Вильгельм Александр Карл Бернхард Фальц-Фейн, с 1914 г. потомственный дворянин (1877 – 1946). Младший сын Э.И. и С.Б. Фальц-Фейн родился в Аскании-Нова 1 августа 1877. Владел имением Дорнбург в Таврической губернии (около 10 тыс. десятин). Среднее образование получил в Одессе, в Решильевской гимназии, а высшее – в Новороссийском университете по юридическому факультету [1, 26, С. 385]. С 1903 г. выступал гласным уездных и губернских земских собраний, избирался в состав различных комиссий, с 1903 по 1906 гг. входил в состав уездной земской управы [27, С. 76]. Кроме того, неоднократно избирался почетным мировым судьей по Днепровскому уезду. В русско-японскую войну В.Э. Фальц-Фейн был на Дальнем Востоке с отрядом Таврического лазарета, в качестве помощника главноуполномоченного отряда. Дослужился до чина коллежского регистратора. Имел следующие награды: Орден Св. Станислава III степени за русско-японскую войну, орден Св. Анны III степени по Министерству Юстиции (декабрь 1913 г), орден Св. Станислава II степени (5.04.1917 г.) [14, Л. 3 – 4.]. В.Э. Фальц-Фейн был активным участником многих общественных организаций: с 1898 г. Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, с 1900 г. Императорского общества сельского хозяйства Южной России, с 1901 г. Черноморского яхт-клуба, [28; 23, С. 23; 24, С. 11;]. В 33-летнем возрасте В. Э. Фальц-Фейн женился на простой полтавской крестьянке А. Г. Буке, которую очень не любили в семье [31, С. 311; 33, С. 85]. Перед эмиграцией из России усыновил своего племянника – незаконнорожденного сына Ф.Э. Фальц-Фейна. В браке имел дочь Тамару. Жил в Германии, затем в Лихтенштейне. В эмиграции написал книгу, посвященную своему брату Фридриху и его «детищу» Аскании-Нова. 18 июня 1946 г. он покончил жизнь самоубийством. Похоронен на кладбище Вадуца [30, С. 132].

Первая попытка попасть в состав Государственной Думы была осуществлена Фальц-Фейнами еще во время выборов II созыва. В 1906 г. они активно начали оформлять доверенности на управляющих своими имениями [8, Л. 14]. Дело в том, что согласно закону о выборах в Государственную Думу латифундисты, которые владели значительными земельными наделами, имели право переоформить их на управляющих лиц. Благодаря этому они получали дополнительные голоса на предварительных выборах, а, следовательно, повышались их шансы влиять на процесс избрания в депутаты Государственной Думы [5, С. 131]. Управляющие, получив доверенность, поспешили подать заявление в Днепровскую уездную земскую комиссию с прошением о внесении их в число избирателей, но «за

пропуском срока установленного ст. 3. инструкцией от 3 октября 1906 г.» их прошения остались без удовлетворения [6, Л. 2, 7 (об.), 21 (об.)]. Управляющий именьями Ф.Э. Фальц-Фейна помещик Г.А. Лейбнер даже попытался решить этот вопрос жалобой в губернскую комиссию. Но эту жалобу оставили без рассмотрения [6, Л. 7 (об.)].

Интересно, что в то время братья Фридрих и Владимир, участвовали в этих выборах как квартиронаниматели от г. Алешек [9, Л. 15 (об.)]. В марте 1906 г. там состоялся уездный съезд землевладельцев под председательством предводителя дворянства А.А. Нестроева для избрания выборщиков в губернское избирательное собрание по выборам в Государственную Думу. В нем участвовало 68 человек, избранными оказались 8 человек, среди них и Ф.Э. Фальц-Фейн [7, Л. 39 – 40]. В январе 1907 г. по каким-то причинам снова состоялось избрание выборщиков от Днепровского уезда в губернское избирательное собрание. В нем уже приняли участие не только братья Ф.Э. и В.Э. Фальц-Фейны, но и управляющий одним из их многочисленных имений Г.А. Лейбнер (Аскания-Нова). По результатам этих выборов было также избрано 8 человек, но состав несколько изменился. В частности, в этом случае в составе выборщиков оказался не Ф.Э., а В.Э. Фальц-Фейн [10, Л. 35, 37, 39 (об.), 41]. В целом же участие Фальц-Фейнов в выборах в Государственную Думу II созыва оказалось неудачным. Попастъ в ее состав им тогда не удалось.

Тем не менее, это не помешало юристу по образованию В.Э. Фальц-Фейну, изучив досконально законодательство касающегося выборов и применив его на деле, быть избранным в Государственную Думу III созыва. Вероятнее всего, при выборах III созыва была использована технология передачи полномочий по именьям управляющим, в результате чего увеличилось количество голосов в пользу самих Фальц-Фейнов. Возможно, в избрании одного из членов рода Фальц-Фейнов в Государственную Думу III созыва свою роль сыграло и изменение самого законодательства в отношении выборов.

Государственная Дума Российской империи III созыва действовала полный срок полномочий с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 и оказалась самой политически долговечной из первых четырех Государственных Дум.

От Таврической губернии в нее было избрано 6 человек, среди которых и В.Э. Фальц-Фейн [4, С. 275 – 279]. Он оказался самым младшим из депутатов от Таврической губернии. Тогда ему было всего 30 лет. Выборы в Государственной Думе III созыва проходили по изменившемуся закону от 3 июня 1907 г., который значительно перераспределял число выборщиков в пользу помещиков и крупной буржуазии. В рассматриваемой Таврической губернии, например, число выборщиков от рабочих составило – 219 человек, в то время как съезд землевладельцев, первый и второй городские съезды избирателей совместно предоставили 2216 человек [4, С. 63, 72]. В результате выборов в Государственной Думе от Таврической губернии депутатами стали 3 дворян, 1 почетный гражданин, 1 крестьянин и 1 по категории прочие. По партийной принадлежности они делились на октябристов (4) и кадетов (2) [1; 3, С. 254; 15, С. 10]. Владимир Эдуардович

Фальц-Фейн входил во фракцию «Союз 17 октября». Это была самая многочисленная фракция в Государственной думе III созыва.

Если говорить об октябристах в целом, то, как известно, это была партия либерального дворянства (еще не полностью порвавшего, однако, с традиционными дворянскими занятиями) и крупной, частично «одворяненной» торгово-промышленной и финансовой буржуазии. Основные программные положения этой партии заключались в следующем: ограничении власти монарха, сохранении монархической формы правления, свободе совести и вероисповедания, неприкосновенности личности и жилища, свободе слова, собраний, союзов, передвижения, сохранении «единой и неделимой» России, содействии покупке крестьянами земель у частных владельцев, создании слоя «зажиточного крестьянства», нормировании рабочего дня, но в виду технической отсталости от Европы не обязательно сокращение рабочего дня до 8 часов, отрицании возможности предоставления автономии отдельным частям империи, кроме Финляндии [25]. В Государственной Думе III созыва партия октябристов была представлена 148 депутатами и играла своего рода роль «маятника». Именно от позиции октябристов зависел исход голосования. Если представители этой партии голосовали вместе с другими правыми фракциями, то создавалось правооктябристское большинство (около 300 человек), если вместе с кадетами, то – октябристско-кадетское (около 250 человек). Благодаря этому правительству удавалось проводить как консервативные, так и либеральные реформы.

Государственная Дума III созыва состояла из 11 отделов, 8 постоянных и 21 временных комиссий. Выборы членов комиссии производились на общем собрании Думы по предварительному согласованию кандидатур во фракциях. В.Э. Фальц-Фейн являлся депутатом Государственной Думы по V отделу и входил в состав 4 комиссий. Он был членом одной постоянной комиссии – комиссии по запросам: она была избрана 15 ноября 1907 г., полный ее состав – 33 человека; и трех временных: продовольственной, комиссии по государственной обороне и комиссии по рыболовству. Комиссия по государственной обороне была избрана 15 ноября 1907 г. в составе 37 человек. Председателем этой комиссии выступал А.И. Гучков, секретарем был А.И. Звегинцов. Продовольственная комиссия в составе 44 человек была избрана также 15 ноября 1907 г. Председателем комиссий был В.А. Карякин, в I и II сессии секретарем был В.Э. Фальц-Фейн, затем – Н.Н. Ладомирский. Комиссия по рыболовству была избрана несколькими днями позднее – 22 ноября 1907 г. она состояла из 33 человек. Председателем ее являлся И.Н. Ефремов, секретарем – В.А. Виноградов [21, С. 13, 15, 17, 27; 22, С. 15, 23, 55, 59].

За пять лет своего существования Дума провела 5 сессий, состоящих из 621 заседаний, на которых было рассмотрено 2572 законопроекта. В.Э. Фальц-Фейн, работая в Государственной Думе, принимал участие в решении вопросов разностороннего характера. Дело в том, что активная работа в земском движении Таврической губернии не только дала В. Фальц-Фейну богатый опыт депутатской деятельности, но и помогла вникнуть во многие проблемы, имевшиеся в жизни общества и увидеть пути их решения. Оказавшись избранным в Государственную Думу, он продолжал принимать самое активное участие в разработке

законопроектов, направленных на улучшение положения в народном образовании, способствующих развитию сельского хозяйства и ужесточающих наказания по кражам в этой отрасли, ориентированных на дальнейшее развитие земского самоуправления, расширяющих права национальных меньшинств в Российской империи.

В заседаниях сессий Государственной Думы III созыва, проходивших обычно с октября по июнь, В.Э. Фальц-Фейн работал в составе четырех указанных выше комиссий. На общих заседаниях Государственной Думы его работа шла в следующих направлениях: во-первых, он участвовал в подписании «законодательных предположений»; во-вторых, делал различные заявления; в-третьих, подписывал «заявления о запросах»; и, наконец, голосовал по всевозможным вопросам.

Наиболее ярко его деятельность в общих заседаниях Государственной Думы проявилась в процессе утверждения законодательных предположений.

Как известно, В.Э. Фальц-Фейн, как и все прочие члены его семьи, являлся по своей религиозной принадлежности лютеранином. В связи с этим он отчетливо представлял себе все трудности, с которыми сталкивается инославный в Российской империи. Поэтому, когда на первой сессии (1.11. 1907 – 28.06. 1908) в Думе был поднят вопрос о необходимости избрания комиссии по вероисповедным и церковным делам, В.Э. Фальц-Фейн был среди тех, кто подписал соответствующее заявление. Позднее, в своей книге «Аскания-Нова» он написал, что входил в состав этой комиссии [33, С. 131]. Однако, подтверждения его слов в думских источниках найдено не было. Возможно, он действительно, как описано в книге, входил в состав комиссии по религиозным вопросам или же просто высказывал свои предложения на этот счет на заседаниях этой комиссии. Сущность его идей, связанных с преобразованиями в этой сфере человеческой жизни, можно проследить по воспоминаниям. В.Э. Фальц-Фейн не понимал и, судя по всему, не одобрял «неприятие со стороны руководящих инстанций старой России изменений в церковных делах» [33, С. 131]. Он считал, что обязательное церковное венчание должно быть заменено обязательным гражданским бракосочетанием. Аргументировал В.Э. Фальц-Фейн подобную позицию следующим: «если новобрачные не принимают никакого вероисповедания, церемония церковного венчания превращается из священнодействия в комедию». В своей книге, он с сожалением говорил о том, что его предложения не нашли достойную поддержку при обсуждении в Думе.

Земское движение было близко и знакомо В.Э. Фальц-Фейну. Он достаточно неплохо разбирался во всех тонкостях работы этих организаций, видел положительные и отрицательные стороны. Видимо, именно поэтому он на заседаниях первой сессии подписал законодательное предположение «об изменении земского избирательного закона», а в третьей сессии (10.10.1909 – 17.06.1910) «положение об изменении ст. 570 Устава о земских повинностях» [15; 17, С. 251]. Однако, В.Э. Фальц-Фейн признавал необходимость и пользу существования органов местного самоуправления, а, следовательно, выступал за введение этих организаций во всех регионах России. В частности, на первой сессии III созыва он

подписал предположение № 412 «о введении земства в Сибири», на четвертой сессии (15.10.1910 – 13.05. 1911) № 38 «о введении в губерниях Царства Польского земского общественного самоуправления» [15; 18;]. Кроме того, В.Э. Фальц-Фейн выступал за распространение самоуправления в казачьих войсках и в Средней Азии, с целью чего во второй сессии (15.10.1908 – 2.06.1909) он подписал за № 116 «проект основных положений для выработки законопроекта о местном самоуправлении в казачьих войсках», а в пятой сессии (15.10.1911 – 9.06.1912) законопроект «о введении городского положения в г. Асхабаде, Закаспийской области» [16; 19, С. 281].

В.Э. Фальц-Фейн считал необходимым реформирование государственно-административного аппарата Российской империи. Об этом свидетельствует тот факт, что на законопроектах в отношении этого вопроса была поставлена и подпись депутата Фальц-Фейна. Это документы за № 76 «об упразднении должностей Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора и Степного генерал-губернатора и состоящих при них канцелярий» (вторая сессия), за № 374 «об упразднении должности Варшавского генерал-губернатора» и за № 248 «о распространении на г. Асхабад ст. 269 Положения об управлении Туркестанским краем» (пятая сессия) [16, С. 233; 19, С. 281 – 282].

Как юрист по образованию, В.Э. Фальц-Фейн видел и понимал необходимость реформирования судебной системы в Российской империи. На это был направлен ряд законодательных предположений Государственной Думы III созыва, с которыми согласился и Фальц-Фейн. Он подписал законопроект «об освобождении чинов прокурорского надзора от дачи заключений по гражданским делам, производящимся в мировых и общих судебных установлениях» и «Об изменении ст. 207 Положения о Нотариальной части». Кроме этого, по каким-то причинам голосовал против передачи доклада согласительной комиссии по законопроекту о местном суде в комиссию по судебной реформе [16, С. 237; 17, С. 256].

Являясь крупным землевладельцем и новатором в аграрном производстве, В.Э. Фальц-Фейн естественно особо интересовался законопроектами в области сельского хозяйства. В ходе первой сессии он подписал законодательные предположения, касающиеся хозяйственно-правовых вопросов: № 141 «об усилении наказуемости за похищение чужого леса» и № 199 «о повышении уголовных репрессий за похищение лошадей и крупного домашнего скота»; в четвертой сессии - № 297 «об изменении ст. 745 Устава Сельского Хозяйства» [15; 18, С. 246]. Фальц-Фейны были среди первых, кто стал проводить в своих имениях мероприятия по оспопрививанию животных, а соответственно видели все положительные стороны этого явления. Поэтому, когда в Думе был предложен законопроект за № 248 «об обязательном оспопрививании», В.Э. Фальц-Фейн поставил под ним свою подпись [15].

Особо пристальное внимание депутата государственной Думы В.Э. Фальц-Фейна было направлено на решение вопросов в культурно-просветительском направлении. Например, на заседании третьей сессии он подписал законопроект «об ассигновании из средств государственного казначейства 10.000 рублей в пособие Императорскому Русскому театральному Обществу» [17, С. 255]. Выступая

гласным земских собраний, он неоднократно выдвигал идеи по улучшению положения народного образования в регионе. Теперь же В.Э. Фальц-Фейн получил возможность, опираясь на свой земский опыт, вмешиваться в решение этих вопросов на общегосударственном уровне. Уже в первой сессии Государственной Думы III созыва он подписал три законодательных предположения об изменениях в образовательной системе. Во-первых, за № 368 «об учреждении детских садов». Это было новым явлением в образовании, т.к. ранее воспитание детей дошкольного возраста возлагалось на нянек или же дети были вовсе предоставлены сами себе. С введением института детских садов можно было усовершенствовать дошкольное образование, а, следовательно, повысить уровень развития детей, с одной стороны и с другой стороны предоставить родителям, в основном матерям, возможность работать более продуктивно. Во-вторых, законодательное предположение за № 106 «об отпуске 6.000.000 рублей на единовременные нужды начального образования». Дело в том, что сам В.Э. Фальц-Фейн неоднократно выступал с меценатской помощью учебным заведениям Таврической губернии, а потому понимал важность поступления денежных средств для повышения качества образования. В-третьих, законопроект, направленный в защиту прав национальных меньшинств на получение знаний на родном языке – «о предоставлении воспитанникам четырех учебных заведений Прибалтийского края права держать часть экзаменов на немецком языке» [15]. В третьей сессии В.Э. Фальц-Фейн подписал законопроект за № 119 « о допущении лиц женского пола к занятию должности инспектора народных училищ» [17, С. 252]. Наибольшее количество подписей под предположениями в области народного образования В.Э. Фальц-Фейн поставил в пятую сессию. Законопроекты, подписанные им, касались как вопросов реформирования в самой системе: № 86 «о новом временном усилении штата центрального управления министерства народного просвещения», № 339 «о реформе учительских институтов», так и денежных вложений в этой сфере: № 87 «об установлении ежегодного минимального увеличения отпусков на школьное строительство в размере 2.000.000 рублей» № 94 «о некоторых изменениях в законе 22 июня 1909 г. о школьно-строительном фонде» [19, С. 279].

Будучи дисциплинированным членом фракции и подчиняясь основным положениям устава партии «Союз 17 октября», В.Э. Фальц-Фейн жестко придерживался задекларированных положений программных документов о свободе совести и вероисповедания, неприкосновенности личности и жилища, свободе слова, собраний, союзов, передвижения и пр. Для октябристов в целом было характерно нарушение этих пунктов программы. Особенно это касалось требования гражданского равноправия вообще и еврейского в частности. «Под давлением своих Западных и Юго-Западных отделов, выступавших в большинстве против предоставления равноправия евреям, октябристское руководство всячески тормозило решение этого вопроса даже внутри самой партии» [25]. В.Э. Фальц-Фейн же при рассмотрении в Государственной Думе вопроса «об отмене ограничений евреев в праве избрания местопребывания и передвижения с одного места на другое» выступил за положительное его решение [17]. Кроме того, из сообщений петербургских корреспондентов в Думский листок газеты «Русское

слово» известно, что в этом году В.Э. Фальц-Фейн «возбудил перед председателем совета министров П.А.Столыпиным ходатайство о разрешении евреям, высылаемым из города Севастополя адмиралом Бостремом, остаться, если не навсегда, то, по крайней мере, на зиму» [20]. Тем самым он пошел в разрез с руководством партии, но применил на практике одно из программных утверждений.

Проблемы социальной гарантии разных слоев населения не остались без внимания в думской деятельности В.Э. Фальц-Фейна. В этом направлении он подписал ряд проектов: о пенсиях – «об учреждении всероссийской пенсионной кассы для чинов пожарных команд» и «о пенсиях нижних чинов» [16, С. 235; 19, С. 279], страховом обеспечении – «об установлении действительного контроля за страховыми оценками» [18, С. 247], довольствии и вознаграждении государственных чиновников – «о путевом довольствии чинов, состоящих на государственной службе» и «о выдаче из средств государственного казначейства единовременного вознаграждения служащим в Канцелярии Государственной Думы и должностным лицам установлений, состоящих при Государственной Думе» [17, С. 253; 19, С. 284]. Часто сталкиваясь в повседневной жизни с социальной незащищенностью сезонных рабочих В.Э. Фальц-Фейн, согласно его воспоминаниям, попытался разработать законопроект о защите прав сельскохозяйственных рабочих для рассмотрения его в Государственной Думе. В своей книге он писал: «В это время начальник департамента Литвинов-Фалинский с большим трудом, опираясь на представителей деревни, составивших противовес промышленникам, пытался провести закон о защите прав промышленных рабочих. Узнав о моих намерениях, попросил повременить с их обнародованием. Будет, дескать, подписан закон о промышленных рабочих, тогда, опираясь, в свою очередь, на промышленников, можно провести мое предложение. Но события того времени, к сожалению, не позволили осуществить этот план» [33, С. 144]. Таким образом, благие начинания так и остались неосуществленными в масштабе империи. В своих имениях Фальц-Фейны строго соблюдали неписанные правила обращения с сельскохозяйственными рабочими, основные положения которых, видимо, должны были войти в законопроект В.Э. Фальц-Фейна.

Род Фальц-Фейнов всегда старался идти в ногу с новинками в области науки, а также всячески способствовал развитию и распространению научных знаний. Поэтому В.Э. Фальц-Фейн, когда на заседаниях Государственной Думы встал вопрос «об отпуске из государственного казначейства средств на организацию экспедиции к северному полюсу», подписал это законодательное предположение [19, С. 282]. И в дальнейшем следил внимательно за развитием событий в этом направлении.

Второй формой работы В.Э. Фальц-Фейна в Думе была подача заявлений. Участие в этой работе прослеживается только в первой и второй сессии Государственной Думы III созыва. Необходимо отметить, что заявления носили разносторонний характер. В первой сессии В.Э. Фальц-Фейн участвовал в подаче двух заявлений: «поднесении государю императору всеподданнейшего адреса № 2» и «об избрании комиссий по вероисповедным и церковным делам № 200» [15]. Во второй сессии он в составе 34 членов заявлял о необходимости «учреждения особой

комиссии для выработки мероприятий в целях реформирования принятого в России календаря» [16].

За свою работу в Думе В.Э. Фальц-Фейн подписал 13 заявлений о запросах. Наиболее интересными из них являлись: во второй – «Об обращении к министру финансов в порядке ст. 40 Учреждений Государственной Думы с вопросом о причинах отклонения главным управлением неокладных сборов и казенной продажи питей ходатайства о закрытии винной лавки в с. Максимовке, Бузулукского у., Самарской губ.» и «О запросе Председателю совета министров по поводу издания Московским генерал-губернатором обязательного постановления касательно произведений печати, изъятых из обращения»; в четвертой – «О запросе Морскому министру по поводу аварии линейного корабля «Слава» при переходе из Портсмута в Алжир» и «О запросе Министру внутренних дел по поводу устранения части крестьянского населения Воронежской губернии от участия в избрании земских гласных» [16, С. 231, 233; 18, С. 241, 245].

Кроме того, В.Э. Фальц-Фейн, работая в государственной Думе голосовал за принятие ряда решений: в первой сессии – «за отмену выборов чл. Г.Д. Шмида» и «за законопроект об Амурской железной дороге»; в третьей сессии – «за принятие предварительного вопроса по поправке Маркова 2-го к ст. 21 Учр. Суд. Уст.» и «против перехода к постат. обсуждению законопроекта о применении Пол. Зем. Учр. к 6 зап. Губерниям»; в пятой – «против передачи доклада согласит. к-ссии по зак-кту о местн. суде в к-ссию по суд. реф.» [15; 17; 19].

Справедливости ради необходимо отметить, что В.Э. Фальц-Фейн не был безупречным посетителем всех заседаний Государственной Думы III созыва. Например, в третью сессию он отсутствовал на 4, в четвертую уже на 9 заседаниях. Однако, это не помешало ему стать активным участником в решении многих вопросов общественно-политической и социально-экономической жизни Российской империи.

Успехи в выборах в Государственную Думу III созыва, активное участие В.Э. Фальц-Фейна в решении многих социальных и политических вопросов страны, позволили Фальц-Фейнам надеяться на благоприятный исход выборов в Государственную Думу IV созыва. Согласно документам об избрании членов в четвертую Государственную Думу «Владимир Эдуардович Фальц-Фейн и Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн по квартирному налу числятся в списках лиц, имеющих право участвовать во втором избирательном съезде городских избирателей по г. Алешкам для избрания уполномоченных на избрание членов Государственной Думы от Таврической губернии» [13, Л. 13; 12, Л. 9, 12]. В 1912 г. Анатолий Александрович Фальц-Фейн подал ходатайство в Днепровскую уездную земскую комиссию о «внесении его в список лиц, имеющих право участвовать в качестве избирателя по выборам в Государственную Думу в съезде землевладельцев». Решение было принято в его пользу [11, Л. 43]. Сведений о дальнейшем ходе выборов в Государственную Думу Российской империи IV созыва для семьи Фальц-Фейнов не выявлено. Однако, достоверно известно, что ни один из представителей этой семьи не входил в состав Государственной Думы этого созыва.

Весь период думской работы В.Э. Фальц-Фейна был насыщен интересными и знаменательными фактами. Он активно использовал свои возможности для реализации идей об изменениях в общественно-политическом и социально-экономическом положении в Российской империи. В.Э. Фальц-Фейна был конструктивным членом думских комиссий. Обращал внимание на наиболее острые проблемы российской действительности. Нужно сказать, что В.Э. Фальц-Фейн был известным и авторитетным политическим деятелем. Его политическая позиция отражала взгляды просвещенных право-либеральных землевладельцев. Неоднократно он защищал интересы национальных меньшинств. Ему удалось провести в жизнь законодательные акты о реформации местного самоуправления, об изменениях сельскохозяйственном производстве и народном просвещении. Таким образом, деятельность В.Э. Фальц-Фейна Государственной Думе Российской империи ярким эпизодом в общественно-политической жизни Таврической губернии начала XX века.

Список литературы

1. 3-ий созыв Государственной Думы. Портреты. Биографии. Автографы. – СПб.: Издание Н.Н. Ольшанского, 1910. – б/с.
2. Безносова А.И., И.В. Толстых. Депутаты - немцы в Государственных Думах России (1906-1917) // Вопросы Германской истории. – Т. 1. – Днепропетровск: ДДУ, 1998. – С. 43 – 46.
3. Бойович М.М. Члены Государственной думы. (Портреты и биографии). III-й созыв 1907 – 1912. – М.: т-во Д. Сытина, 1913. – 456 с.
4. Выборы в Государственную думу третьего созыва. Статистический отчет особого делопроизводства. – СПб.: Типография Министерства Внутренних дел, 1911. – 283 с.
5. Ганкевич В.Ю., Задерейчук А.А. Доручення Ф.Е.Фальц-Фейна На Управління Маєтком «Асканія-Нова», як пам'ятка історико-правової науки // Природа, правої держава: історико-юрідичні аспекти. Матеріали XVI Міжнародної історико-правової конференції 15 – 18 вересня 2006 р. – Сімферополь: ДОЛЯ, 2007. – С. 130 – 132.
6. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 5. Протоколы заседаний Днепровской уездной комиссии по выборам в Государственную Думу, списки избирателей, уполномоченных для избрания – 26. 11. 1906 – 29. 03. 1907. – 27 л.
7. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 6. Документы (протоколы, акты списки и др.) об избрании членов Государственной Думы. – 1906. – 53 л.
8. ГАХО. – Ф. 208. – Оп.1. – Д. 7. Переписка управляющих имениями с участковыми избирательными комиссиями о внесении их в списки избирателей: списки лиц, имеющих право участвовать в съезде землевладельцев» 13 ноября 1906 – 3 января 1907. – 62 л.
9. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 8. Список лиц, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу от Таврической Губернии. – 1906 – 1907. – 33 л.
10. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 9. Документы (протоколы, акты, списки и др.) об избрании членов в Государственную Думу. – 1907 – 48 л.
11. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 12. Протоколы заседаний избирательной комиссии по выборам в четвертую Государственную Думу. – 9. 08. 1912 – 10. 10. 1912. – 54 л.
12. ГАХО. – Ф. 208 – Оп. 1. – Д. 13. Протоколы заседаний избирательной комиссии по выборам в четвертую Государственную Думу; списки лиц, имеющих право участвовать во втором избирательном съезде в г. Алешках. – 14.08.1912. – 22.01.1913. – 65 л.
13. ГАХО. – Ф. 208. – Оп. 1. – Д. 16. Документы (протоколы, акт, списки и другие) об избрании членов в четвертую Государственную Думу. – 1912. – 25 л.
14. ГАХО. – Ф.Р-4097. – Оп. 1. – Д. 268. Личные документы Владимира Эдуардовича Фальц-Фейна. – 1865 – 1946. – 13 л

15. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I – III). Третий созыв. Сессия I. 1907 – 1908 гг. Заседания 1 – 98 (1 ноября 1907 г. – 28 июня 1908 г.). – Гос. типография, 1908. – 672 с.
16. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I – IV). Третий созыв. Сессия II. 1908 – 1909 гг. Заседания 1 – 126 (15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г.). – Гос. типография, 1909. – 560 с.
17. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I – IV). Третий созыв. Сессия III. 1909 – 1910 гг. Заседания 1 – 131 (10 октября 1909 г. – 17 июня 1910 г.). – Гос. типография, 1909. – 595 с.
18. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I – III). Третий созыв. Сессия IV. 1910 – 1911 гг. Заседания 1 – 113 (15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г.). – Гос. типография, 1911. – 549 с.
19. Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам (части I – IV). Третий созыв. Сессия V. 1911 – 1912 гг. Заседания 1 – 153 (15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г.). – Гос. типография, 1912. – 686 с.
20. Думский листок // Русское слово. – 1908, 12 декабря (28 ноября)
21. Комиссии Государственной Думы. Личный состав комиссий к 31 января 1909 г. – Спб: Государственная типография, 1909. – 56 с.
22. Комиссии и отделы Государственной Думы. Личный состав комиссий к 1 марта 1910 г. – Спб: Государственная типография, 1910. – 85 с.
23. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1898 год. – Одесса: типография А. Хакаловского, 1899. – 27 с.
24. Отчет Черноморского яхт-клуба за 1902. 27 год – Одесса: Экономическая типография, 1903. – 53 с.
25. Павлов Д.Б., Шелохаев В.В.// [http://www.rustrana.ru/article.php?nid=8717; http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82](http://www.rustrana.ru/article.php?nid=8717;http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82)
26. Плесская-Зебольд, Э.Г. Одесские немцы (1803-1920). – Одесса: издательство «ТЭС», 1999. – 520 с.
27. Постановление Днепровского уездного земского собрания очередного созыва 7 октября 1903 и чрезвычайного собрания созыва 12 апреля 1904. – Алешки: Тип. Б.С. Бинцейга, 1904. – 49, 177, 269 с., С. 76
28. Протокол заседания императорского общества сельского хозяйства Южной России 5 февраля 1900 года // Записки императорского общества сельского хозяйства Южной России. – 1900. – №4.
29. РГИА. – Ф.1278. – Оп. 9. – Д. 826. Личное дело Фальц-Фейна – 1907 – 1912. – 42 л.
30. Скадовский Б.С. Воспоминания о Владимире Фальц-Фейне // Актуальні питання збереження і відновлення степових екосистем: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченної 100-річчю заповідання асканійського степу (Асканія-Нова, 21 – 23 травня 1998 р.). – Асканія-Нова, 1998. – С. 129 – 132.
31. Строганова М.Н. История рода Скадовских в России век XVIII – XXI. – М.: Изд-во Московского университета, 2001. – 370 с.
32. Фальц-Фейн В.Н. «Россия тогда кормила Европу» // Наше наследие. – 1998. – № 46. – С.84 – 91.
33. Фальц-Фейн В.Э. Асканія-Нова. – К.: Аграрна наука, 1997. – 346 с.

Задерейчук А.А. Діяльність Володимира Едуардовича Фальц-Фейна в Державній Думі Російської імперії III скликання. / А. А. Задерейчук // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 63-74.

У статті розглядається роль В.Е. Фальц-Фейна в роботі Державної Думи Російської імперії III скликання. Розкрито його участь у складі думських комісій та відділі, вивчена законодавча діяльність В. Е. Фальц-Фейна.

Ключові слова: Фальц-Фейн, Державна Дума, німці.

Zadereichuk A.A. The activity of Vladimir Eduardovich Falts-Fane in the State Duma of Russian Empire of the third summoning/ A.A. Zadereichuk // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 63-74.

In this article is considered the Falts-Fane's part in the work of State Duma of Russian Empire of the third summoning. Demonstrated his participation in the membership of Duma's commissions and departments, studied legislative activity of Vladimir Eduardovich Falts-Fane.

Key words: Falts-Fane, State Duma, germans.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 930.9 (Р 477.22):371.97

**ЭЛЕМЕНТЫ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ
РУССКО-КАРАИМСКИХ ШКОЛ И УЧИЛИЩ
ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ (1870–1917 гг.)**

Прохоров Д.А.

Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, г. Симферополь

В статье рассматриваются элементы музыкального воспитания, применявшиеся в учебном процессе в русско-караимских учебных заведениях Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова: караимы, народное образование, музыкальное воспитание, Таврическая губерния.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории развития народного образования тюркоязычных народов Крыма, к которым относятся караимы, является комплексным и многовекторным процессом. При исследовании данного вопроса следует учитывать разнообразные факторы, повлиявшие на развитие педагогики, а также на становление российской государственной системы караимского народного образования в Таврической губернии во второй половине XIX – XX вв.

В трудах отечественных и зарубежных исследователей рассматривались различные аспекты истории распространения идей просвещения в караимском обществе второй половины XIX – начала XX вв. Объектом изучения историков и краеведов, в основном, стали вопросы, связанные с формированием самой системы народного образования «инородцев», подбором учительского персонала, ученического контингента, разработкой учебной и методической литературы и т.д. Среди таких публикаций следует обратить внимание на работы В.Ю. Ганкевича [1; 2], Л.И. Редькиной [3], Э.И. Лебедевой [4], Д.З. Фельдмана [5].

Одним из малоизученных элементов учебного процесса в русско-караимских школах и училищах является музыкальное воспитание учащейся молодежи. Поэтому целью данной статьи является анализ мероприятий по введению в программы учебных заведений для караимов таких дисциплин, как пение и музыка, а также структуры, формы и методы их преподавания. При работе над публикацией использованы документы, хранящиеся в фондах Государственного архива в АР Крым (некоторые из них впервые вводятся в научный оборот), сведения по школьной статистике, опубликованные источники и материалы дореволюционной периодической печати.

ЧАСТНЫЕ КАРАИМСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Включение после реформы 1870 г. в программы учебных заведений для «инородцев» ряда общеобразовательных дисциплин позволило существенно модернизировать обучение в них. Особое место в русско-караимских школах и

училищах отводилось музыкальному воспитанию молодежи. Так, в 1880 г. в Симферополе была открыта частная школа 3-го разряда, которой руководила караимка К.Б. Эгиз. Школа была «смешанной» – в ней обучались и караимские девочки, и мальчики. Кроме того, учениками этого учреждения были евреи и крымские татары. За все годы существования школы (до 1914 г.) число учащихся варьировало от 30 до 80 человек [6, с. 10].

Кроме общеобразовательных дисциплин – русского языка, арифметики, чистописания и гимнастики – в школе преподавались также рукоделие, музыка и танцы. В марте 1899 г. К.Б. Эгиз (которая сама в совершенстве владела игрой на фортепиано) добилась у окружного начальства разрешения организовать духовой оркестр из воспитанников школы и приходящих детей (при том условии, что их возраст не должен был превышать 14 лет). Уроки музыки проводились 4 раза в неделю, с 16.00 до 17.00, «систематически, по нотам, приглашенным специалистом» [7, л. 29, 29 об.]. Непосредственно сам оркестр был укомплектован такими инструментами, как корнет-а-пистон, кларнет, флейта, фагот и др., которые были подобраны с учетом возрастных характеристик детей [8, л. 40]. Плата за обучение в оркестре составляла от 1 до 2 руб. в месяц с человека.

Свои успехи в изучении музыки и пения учащиеся школы К.Б. Эгиз могли продемонстрировать на ежегодно устраивавшихся для детей новогодних и рождественских праздниках. Например, в январе 1904 г. в школе была организована елка; в числе почетных гостей присутствовали таврический губернатор В.Ф. Трепов, симферопольский караимский газзан И.М. Кефели и еврейский раввин с женами, а также преподаватели других учебных заведений Симферополя. Программа вечера состояла из литературно-музыкальной части (учащиеся декламировали стихотворения, исполняли хореографические и вокальные номера), а завершилось все танцами в сопровождении струнного оркестра, которые прошли, по словам очевидца, «с большим оживлением и доставили детям громадное удовольствие» [9]. Представляет интерес репертуар непосредственно музыкальной части вечера: ученический хор исполнял гимн «Боже, Царя храни», а также песни «Зеленейся, зеленейся», «Вечерняя заря», «Я посею ли, млада-младенька» (русские народные), «Не топила, не варила» (украинская народная песня), «Осеннюю песню» (муз. Ф. Мендельсона), «Леший» («В полночь леший»; муз. А. Даргомыжского) [9]. Подобные мероприятия проводились в школе регулярно [10; 11]. Следует также отметить, что в снабжении учащихся музыкальными знаниями К.Б. Эгиз использовала и свой обширный опыт по собиранию караимского и крымскотатарского фольклора – в частности, она переложила на ноты более 200 караимских мелодий; сохранила и записала множество караимских обычаев, народных танцев и песен [12, с. 15, 16; 13, с. 87].

Положительный опыт использования в учебном процессе караимских школ элементов музыкального воспитания привел к тому, что уже в начале XX в. во многих караимских учебных заведениях в программы были введены такие дисциплины, как пение и музыка; увеличилось и число педагогов. Например, в «Симферопольской девичьей караимской школе им. Э.Ч. Коген», которой заведовала С.М. Сараф, в 1890 г. состав преподавателей был увеличен вдвое в связи с приходом учителя пения и 2-х учительниц «по предметам»; в школе К.Б. Эгиз в

1898 г. в штат были зачислены учитель танцев и гимнастики М.З. Левик-Ланге и преподаватель пения И.С. Зальцер [14, с. 557].

АЛЕКСАНДРОВСКОЕ КАРАИМСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ

В 1895 г. в Евпатории было открыто центральное учреждение по подготовке караимского духовенства и учителей для караимских школ – Александровское караимское духовное училище (АКДУ). Помимо общеобразовательных и специальных дисциплин, предусмотренных его программой, с начала 1896/1897 учебного года, по распоряжению попечителя ОдУО, в этом учебном заведении было введено преподавание пения – «ввиду его не только воспитательного, но и практического значения» для будущих священнослужителей, для которых «применение его в богослужении, сопровождаемом обыкновенно пением, представляет великую важность» [15, л. 2]. Этот предмет было поручено вести преподавателю Евпаторийской женской и Евпаторийской мужской казенных прогимназий, а также Евпаторийской мужской казенной гимназии Я.Г. Чаусову [16, л. 47]. Учащиеся занимались пением три дня в неделю в послеобеденное время – например, в 1899 г. этому предмету из 26 воспитанников обучалось 24 ученика [17, л. 45, 45 об.].

Занятия пением вскоре стали приносить свои вполне конкретные результаты. Помимо непосредственно богословской подготовки, будущие газзаны активно участвовали в различных мероприятиях, проводившихся в училище с учебно-воспитательными целями. Так, в ноябре 1896 г. в АКДУ происходило торжественное собрание, приуроченное к 100-летию со дня смерти императрицы Екатерины II; ученики АКДУ спели знаменитый русский гимн-марш «Гром победы» (сочиненный в виде торжественного западнославянского марша-полонеза в честь подвига армии А.В. Суворова в 1791 г. композитором О.А. Козловским, гимн по припеву также назывался «Славься сим, Екатерина»). Закончилось торжество исполнением государственного гимна «Боже, Царя храни» (кстати, в 40-х гг. XIX в. автором подражания на древнееврейском языке тексту русского гимна «Боже, царя храни», написанного В.А. Жуковским, стал караимский просветитель С.А. Бейм) [18, л. 33].

На памятном вечере в честь 100-летия со дня смерти русского полководца А.В. Суворова в мае 1900 г. воспитанниками был исполнен составленный инспектором АКДУ И.И. Казасом специально для торжественных случаев религиозный гимн на древнееврейском языке под названием «Бишуат Эль Игдал Малкелу!» (за здравие царствующего императора, на мотив гимна «Коль славен...») [19, л. 3]. По окончании панихиды по А.В. Суворову, проведенной по караимскому обряду законоучителем газзаном С.М. Нейманом, воспитанники училища исполнили русский духовный (нецерковный) гимн «Коль славен наш Господь в Сионе» (сочиненный русским композитором Д.С. Бортнянским на основе народных и церковных напевов на стихи поэта М.М. Хераскова), а также сложенную в честь полководца песню «Был у нас в былые годы знаменитый генерал» (необходимо упомянуть о том, что в XIX в. гимн «Коль славен...» подлежал исполнению во время торжественных церемоний несветского характера. Его играли на войсковых церемониях, во время крестных ходов, на праздник Крещения и церковных парадов – «Коль славен...» был всеобщим национальным

духовным гимном России) [21]. Закончился торжественный вечер в АКДУ исполнением российского государственного гимна «Боже, Царя храни» [20, л. 26].

В связи с тем, что многие караимские учебные заведения находились в довольно стесненном материальном положении (сказывалось, прежде всего, недостаточное финансирование), для их воспитанников в течение длительного времени внешкольных учебно-воспитательных мероприятий не проводилось (например, в АКДУ их не организовывали вплоть до 1898 г.). Тем не менее, преподаватели духовного училища и русско-караимских министерских училищ (РКМУ) старались по мере сил и возможностей устраивать для детей загородные прогулки. Во время одной из них, состоявшейся 17 мая 1902 г. воспитанники АКДУ совместно с учащимися Евпаторийской мужской прогимназии и Евпаторийской женской казенной гимназии побывали на маевке, организованной в саду Мойнакской грязелечебницы [22]. Там учащаяся молодежь занималась играми, «упражняясь в танцах под аккомпанемент городской бальной музыки»; в саду играл оркестр мужской прогимназии. А 19 декабря 1902 г. в помещении Евпаторийской женской казенной гимназии состоялся литературно-музыкальный вечер воспитанниц этого учебного заведения и учащихся Евпаторийской мужской прогимназии (среди учащейся молодежи, кстати, было немало караимов и караимок). Помимо них, в вечере также приняли участие ученики АКДУ и ученицы профессиональной школы П.А. Бендебери. По словам известного евпаторийского журналиста и краеведа В. Пьянкова, «вечер был очень удачный и доставил много удовольствия как самим учащимся, так и равно родителям их» [23].

В начале 1900-х гг. выпускником АКДУ Б.С. Ельяшевичем (который, после окончания этого училища 15 августа 1903 г. устроился преподавателем древнееврейского языка и «караимского вероучения» в Alma mater) [24, л. 82 об.] была предпринята попытка создания при училище духовного хора, оказавшаяся довольно успешной. Для хора молодой преподаватель (кстати, самостоятельно изучивший нотную грамоту и игру на скрипке) собрал и записал 30 оригинальных духовных караимских песнопений (кроме того, им также была собрана коллекция из 105 куплетов караимских народных песен – т.н. «чин») [25, с. 55]. А в августе 1917 г. на II Общенациональном караимском съезде старшим газзаном Евпатории Б.С. Ельяшевичем вниманию делегатов был представлен подготовленный им совместно с профессором музыки С.М. Майкопаром «Сборник образцов караимских духовных песнопений». В рукопись были включены 10 традиционных караимских мотивов, переложенных на ноты для соло (партия газзана) и четырехголосного хора [26, с. 9; 25, с. 54, 55; 31, с. 37]. К сожалению, в связи с послереволюционной неразберихой и начавшейся вскоре Гражданской войной этот сборник так и не был издан.

Необходимо сказать о том, что хор АКДУ (состоявший из 10–15 воспитанников) под управлением Б.С. Ельяшевича являлся непременным участником различного рода торжественных мероприятий, проводившихся не только АКДУ и караимской общиной Евпатории, но и караимами других городов Таврической губернии. Так, 25 мая 1911 г., в день рождения супруги Николая II императрицы Александры Федоровны, в симферопольской кенасе при «большом стечении молящихся» Б.С. Ельяшевичем было совершено торжественное богослужение с участием организованного им «в виде опыта» хора из 24 человек учащихся караимских училищ [27, с. 92]. По словам корреспондента

журнала «Караимская жизнь», хор своим «стройным пением и звучными прекрасными голосами учеников и учениц» произвел на присутствовавших хорошее впечатление [27, с. 92]. После этого Б.С. Ельяшевич решил создать при кенасе постоянный хор из учащихся-караимов и местных любителей. В августе 1912 г. Б.С. Ельяшевичем, при участии хора певчих симферопольской кенасы, был отслужен благодарственный молебен в «честь избавления России в 1812 г. от «нашествия двенадцати языков», панихида по российскому императору Александру I, а также панихида по павшим на поле брани в Отечественную войну [28, с. 94]. 26 августа 1912 г. в Евпатории старшим евпаторийским газзаном С.М. Нейманом, при участии Б. С. Ельяшевича, было отслужено «благодарственное молебствие» в память освобождения России от захватчиков и о благоденствии царствующего дома – молебен сопровождался пением ученического хора АКДУ [28, с. 93].

Исполнение хором Александровского караимского духовного училища религиозных песнопений было одной из составляющих траурных церемоний, проводившихся в связи с кончиной видных караимских общественных деятелей и духовенства. Например, в январе 1912 г. во время похорон Таврического и Одесского караимского гахама С.М. Панпулова хор певчих во главе с Б.С. Ельяшевичем присутствовал сначала в похоронном церемониале в Евпаторийской кенасе, а затем – на караимском кладбище, где был погребен покойный; тогда же, в январе 1912 г. хор принимал участие в похоронах основателя и первого инспектора АКДУ И.И. Казаса [29, с. 95–101; 30, с. 94–103].

Таким образом, можно констатировать, что при обучении музыке в караимских школах учащиеся – караимы, евреи и крымские татары – знакомились с широким спектром народной караимской, крымскотатарской, русской и украинской музыкальных культур, приобщались к мировому музыкальному наследию, воспитывались в духе этнической и конфессиональной толерантности. Опытные педагоги, прекрасно разбиравшиеся в музыке, способствовали гармоничному эстетическому воспитанию подрастающего поколения.

Список литературы

1. Ганкевич В.Ю. Илья Казас и вопросы просвещения тюркских народов Крыма на рубеже XIX – XX вв. // *Dinî Araştırmalar*. – 1999. – Cilt. – Sayı: 3. – Ocak – Nisan. – S. 83–97.
2. Ганкевич В.Ю. Структура национально-конфессионального образования этнических групп Таврической губернии (рубеж XIX–XX вв.) // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия X: История*. – Симферополь, 2001. – Том 14 (53). – № 1. – С. 3–8.
3. Редькина Л.И. Этнопедагогика караимов Крыма. – К.: Педагогічна преса, 2001. – 194 с.
4. Лебедева Э.И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков – Симферополь: Изд. Центр КГМУ, 2000. – 116 с.
5. Фельдман Д.З. С.А. Бейм – глава караимской общины Крыма (по архивным материалам) // *Восток*. – 2000. – № 3. – С. 53–63.
6. Справочная книга Одесского учебного округа (по дирекциям народных училищ). – Одесса, 1891. – Вып. 3: Таврическая дирекция. – 135; XIX с.
7. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). – Ф. 101. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 29, 29 об.
8. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2182. – Л. 40.
9. Хроника. 3 января // *Крым*. – 1904. – № 4. – 6 января.
10. Ф. Т-в. Праздник школы К.Б. Эгиз // *Салгир*. – 1897. – № 14. – 28 января.
11. Театр и музыка. В субботу, 12 декабря... // *Салгир*. – 1898. – № 172. – 12 декабря.

12. Песни С.Ш. Пигита // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 5–6, октябрь–ноябрь. – С. 15–17.
13. Эгиз К. Б. Из моих воспоминаний // Бизым Йол (Наш путь). – Симферополь, 1927. – С. 87.
14. Прохоров Д.А. Система караимского народного образования караимов Таврической губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2007. – Вып. XIII. – С. 504–543.
15. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 2.
16. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 47.
17. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 45, 45 об.
18. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 33.
19. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 3.
20. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 26.
21. Ковалев К. Всё о гимне «Коль славен» Д.С. Бортнянского // http://www.kkovalev.ru/Bortnian_Kol_Slaven.htm.
22. П-в В. [Пьянков В.] Масвка (письмо в редакцию) // Салгир. – 1902. – № 112.
23. П-в В. [Пьянков В.] Евпатория (корреспонденция «Салгира») // Салгир. – 1902. – № 286. – 29 декабря.
24. ГААРК. – Ф. 450. – Оп. 1. – Д. 126. – Л. 82 об.
25. Ельяшевич Б.С. Караимский биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) // Караимы: Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XIV. – М., 1993. – кн. 2. – С. 50–56.
26. Протоколы заседаний Общенационального Караимского Съезда, происходившего в г. Евпатории от 27 августа по 3 сентября 1917 года // Известия Таврического и одесского Караимского Духовного Правления. - Евпатория, 1-го ноября 1917. – № 5–6. – С. 5–25.
27. Хроника текущей жизни. Симферополь: Хор в кенаса // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 2, июль. – С. 92.
28. Караимы и юбилей 1812 г. Симферополь // Караимская жизнь. – М., 1912. – Кн. 12, май. – С. 93–94.
29. Похороны таврического и одесского гахама С.М. Панпулова // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 7, декабрь. – С. 95–101.
30. Хроника текущей жизни. Похороны И.И. Казаса // Караимская жизнь. – М., 1912. – Кн. 8–9, декабрь–январь. – С. 94–103.
31. Религиозно-музыкальные мотивы караимов // Караимская жизнь. – М., 1911. – Кн. 2, июль. – С. 37–39.

Прохоров Д.А. Елементи музичного виховання в учбовому процесі російсько-караїмських шкіл і училищ Таврійської губернії (1870–1917 гг.) / Д.А. Прохоров // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 75-80.
У статті розглядаються елементи музичного виховання, що застосовувалися в учбовому процесі в російсько-караїмських учбових закладах Таврійської губернії в другій половині XIX – на початку XX ст.

Ключові слова: караїми, народна освіта, музичне виховання, Таврійська губернія.

Prokhorov D.A. Elements of musical education in educational process of Russian-Karaite's schools of the Taurida Governorate (1870–1917) / D.A. Prokhorov // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 75-80.

The article discusses the elements of music education, which were applied in pedagogical process in Russian-Karaite educational institutions in Taurida Governorate in the second half of the nineteenth and early twentieth century.

Key words: Karaites, people's education, music education, Taurida governorate.

Стаття поступила в редакцію 18.12.2008 г.

УДК 930.2:378.4(477.75)

ОБ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ ИСТОРИИ ТАВРИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1918 – 2008)

Филимонов С.Б.

В статье рассматриваются вопросы историографии и источниковедения истории Таврического университета в 1918 – 2008 гг.

Ключевые слова: Таврический университет, историография, источниковедение

В разгар Гражданской войны, 14 (1) октября 1918 года, в светлый праздник Покрова Пресвятой Богородицы, в Симферополе, в театре Таврического дворянства (ныне – Крымский академический русский драматический театр им. М.Горького) состоялось торжественное открытие Таврического университета, которому суждено было стать старейшим и авторитетнейшим высшим учебным заведением Крыма.

Как известно, Добровольческая армия не признавала университетов, возникших во время Гражданской войны. Но для Таврического университета было сделано исключение и он был признан двенадцатым российским университетом. Таким образом, если Московский университет был *первым* российским университетом, то Таврический университет стал *последним* российским университетом, открытым в досоветский период отечественной истории.

Наименование вуза неоднократно менялось. В 1918 – 1921 годах вуз назывался Таврическим университетом, в 1921 – 1925 – Крымским университетом им. М.В.Фрунзе, в 1925 – 1972 – Крымским государственным педагогическим институтом им. М.В.Фрунзе, в 1972 – 1999 – Симферопольским государственным университетом им. М.В.Фрунзе, с 1999 – Таврическим национальным университетом им. В.И.Вернадского.

Историография истории вуза всего лишь на год «моложе» его самого. Представляется целесообразным обратить внимание читателей на основные ее этапы.

Первым историографом университета был один из его организаторов и преподавателей, замечательный крымовец, многолетний председатель Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) Арсений Иванович Маркевич (1855 – 1942). Уже в 1919 году в первой книге «Известий Таврического университета» был напечатан написанный им «Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета» [1]. Непреходящую научную значимость этого очерка позволяет подчеркнуть тот факт, что в наши дни его дважды переиздавали: в 2000 году на страницах журнала «Крымский Архив», в 2008-м – в газете «Таврический университет» [2].

Следующей важной вехой в историографии истории университета был 1926 год, когда Маркевич завершил работу над рукописью «История Таврического университета». Что нам известно об этой рукописи? К сожалению, ничтожно мало. В протоколе заседания ТОИАЭ от 24 октября 1926 года зафиксировано: «Председатель (А.И.Маркевич. – С.Ф.) докладывает о выполнении им поручения Общества (ТОИАЭ. – С.Ф.) составить Историю Таврического Университета,

порученную Обществу Крымским Медицинским Обществом. Собрание постановляет поручить Президиуму издать рукопись и выдать автору соответствующий гонорар» [3]. Увы, рукопись издана не была, а ее судьба остается неизвестной. Первоначально я предполагал, что рукопись эта погибла вместе со всем архивом Маркевича в годы Великой Отечественной войны. Но вот в предисловии («от авторов») к изданной в 1960 году книге по истории Крымского педагогического института читаем: «Много сведений по начальному периоду истории института содержалось в рукописи А.И.Маркевича «Крымский им. М.В.Фрунзе университет» (она хранится в архиве института)» [4]. Прочтя эти строки в конце 1970-х годов, я немедленно отправился в архив вуза. Но интересующей меня рукописи Маркевича там не оказалось...

Последней работой Маркевича, посвященной истории вуза, был его доклад «К 10-летию основания Крымского университета», прочитанный на заседании ТОИАЭ 10 января 1929 года [5]. Но и эта работа не была напечатана, изложение доклада в протоколе заседания ТОИАЭ отсутствует, а рукописи доклада обнаружить не удалось.

Дело Маркевича, скончавшегося в блокадном Ленинграде в 1942 году, продолжили следующие поколения исследователей. Помимо статей и документальных публикаций (особенно богат ими издаваемый с 1994 года журнал «Крымский Архив»), в 1960 – 2008 годах вышли четыре коллективно написанные монографии по истории вуза, как правило, последовательно дополняющие одна другую: Ф.С.Загородских, В.Л.Зайцев, С.А.Секиринский. История Крымского педагогического института им. М.В.Фрунзе, 1918 – 1959 (Симферополь, 1960); Очерки истории Симферопольского государственного университета, 1918 – 1993 / Редкол.: В.Г.Сидякин (гл. ред.), В.Ф.Шарапа, П.И.Гарчев и др. (Симферополь, 1993); История Таврического университета / Н.В.Багров, В.Н.Бержанский, Н.Е.Дементьев и др.; под общ. ред. чл.-кор. НАН Украины Н.В.Багрова (Київ, 2003); Таврический университет: времена и люди: 90 лет служения науке /В.Н.Бержанский, В.Ф.Шарапа, Г.Ю.Богданович и др.; науч. рук. проекта – чл.-кор. НАН Украины Н.В.Багров (Київ, 2008) [6].

В истории Таврического университета есть период, представляющий особый интерес. Это 1918 – 1920 годы, когда преподавателями вуза были крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров России и Украины в белый Крым.

Но именно этот период получил в литературе, изданной в XX веке, наименьшее освещение. Главной тому причиной следует признать отсутствие достаточной источниковой базы. Ведь довоенный архив университета погиб, основным печатным источником долгое время оставались лишь два тома «Известий Таврического университета», вышедшие в 1919 и 1920 годах, а вышеупомянутая рукопись Маркевича 1926 года была использована авторами «Истории Крымского педагогического института» (Симферополь, 1960) в минимальной степени, обусловленной, думается, цензурными соображениями хрущевской поры: сегодня уже не секрет, что немало профессоров Таврического университета стали «белоэмигрантами» [7].

Отмеченная узость источниковой базы вынудила исследователей искать дополнительные источники информации. Было обращено внимание на архивы учреждений, организаций и отдельных лиц, связанных с университетом в начальный период его существования (см. публикации А.В.Ишина, Л.П.Кравцовой, В.В.Лаврова, А.В.Мальгина и др.) [8], а также на источники личного происхождения (как установил В.В.Лавров, ценнейшую информацию по истории университета содержат изданные дневники академика В.И.Вернадского и опубликованные воспоминания его сына профессора Г.В.Вернадского) [9].

В конце 1990-х годов автору настоящих строк посчастливилось выйти на богатейший, но остававшийся не освоенным исследователями уникальный источник по истории крымской интеллигенции, науки и культуры в 1917 – 1920 годах – крымские газеты периода Гражданской войны [10]. На их страницах удалось обнаружить не только хроникальные заметки, позволяющие воссоздать недостающие страницы истории университета и существовавших при нем научных обществ (Математического, Педагогического, Хирургического, Общества изучения музыки, Общества философских, исторических и социальных знаний), не только информацию об участии профессоров университета в деятельности крымских научных организаций (Таврической ученой архивной комиссии, Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Религиозно-философского общества в Симферополе, Религиозно-философского и Литературного обществ в Ялте), но и остававшиеся неизвестными публикации целого ряда корифеев отечественной науки, составляющих гордость и славу Таврического университета.

Выявленные материалы послужили основой для многочисленных публикаций, помещенных автором настоящих строк, начиная с 2000 года, в различных крымских, киевских, московских, парижских и других изданиях. В 2006 году весь ранее опубликованный материал вошел в книгу «Интеллигенция в Крыму...» [11], тепло встреченную критикой [12].

Работа по изучению крымских антибольшевистских газет периода Гражданской войны продолжается. К этой работе недавно подключились и другие исследователи [13]. Следуют очередные находки [14]. Убежден, что на этом пути исследователей ждет еще немало впечатляющих открытий.

Список литературы

1. Известия Таврического университета. – Симферополь, 1919. – Кн. 1. – С. 11 – 42.
2. См.: Крымский архив. – Симферополь, 2000. - № 6. – С. 6 – 21; Таврический университет. – Симферополь, 2008. - № 1/2(956). – С. 6 – 8; № 3/4(957). – С. 5 – 6.
3. Филимонов С.Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887 – 1931 гг.). – Изд. 2-е., перераб. и доп. – Симферополь, 2004. – С. 234.
4. Загородских Ф.С., Зайцев В.Л., Секиринский С.А. История Крымского педагогического института им. М.В.Фрунзе (1918 – 1959). – Симферополь, 1960. – С. 4.
5. См.: Филимонов С.Б. Указ. соч. – С. 280.
6. Проведенный мною сравнительный текстологический анализ этих книг показал, что они не всегда дополняют одна другую. Некоторые разделы, помещенные в книгах, изданных соответственно в 1993 и 2003 годах, практически идентичны. С учетом того, что их авторами в 1993 и 2003 годах были одни и те же люди, текстуральные совпадения этих разделов не вызывают возражений. Возмущает другое. Тексты разделов, посвященных истории вуза в 1925 – 1941 годах, помещенные в изданиях 1993

и 2003 годов, также практически идентичны; в издании 2003 года наблюдается лишь несколько сокращений, но нет ни одного(!) ни дополнения, ни исправления, ни малейшего изменения в тексте. Между тем в издании 1993 года автором раздела значится Н.Е.Дементьев, а в издании 2003 года у Н.Е.Дементьева, скончавшегося в 2002 году, появился «соавтор» - А.А.Непомнящий (любопытно, каким образом ему удалось получить согласие на свое «соавторство» от покойного автора?). С ужасом думаю о том, что если методика «соавторства», апробированная г-ном Непомнящим, получит распространение, мы можем столкнуться со следующим явлением: некто, сократив несколько строф в «Евгении Онегине», горделиво поставит свое «честное» имя рядом с именем А.С.Пушкина в качестве «соавтора».

Ознакомившись с нижепубликуемым ответом г-на Непомнящего на это мое замечание, рекомендую читателям самим повторить проведенный мною сравнительный текстологический анализ указанных книг 1993 и 2003 годов издания и попытаться обнаружить в моем замечании выявленные г-ном Непомнящим «грубую клевету» и «несуразицу».

7. Биографические справки о профессорах Таврического университета см. в кн.: Профессора Таврического национального университета им. В.И.Вернадского / Ред. кол.: Н.В.Багров, В.Н.Бержанский, В.В.Лавров. – Київ, 2007.

8. См. напр.: К вопросу об открытии университета в Ялте / предисл., подгот. текстов к публикации А.В.Ишина // Крымский Архив. – Симферополь, 2000. - № 6. – С. 39 – 50; Обсуждение идеи высшей школы в Тавриде местными органами самоуправления / предисл., подгот. текстов к публикации Л.П.Кравцовой // Там же. – С. 22 – 38; Профессорско-преподавательский состав Таврического университета в 1920 году: по материалам Государственного архива Российской Федерации / предисл., подгот. текстов к публикации В.В.Лаврова // Там же. – С. 58 – 118; Кравцова Л.П. Из истории университета. Архив Симферопольского городского головы В.А.Иванова // Там же. – Симферополь, 2001. - № 7. – С. 323 – 327; Мальгин А.В., Кравцова Л.П. Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920 год. – М., 2006. – С. 125 – 142; Мальгин А.В. Культура Крыма в период Гражданской войны // Крымский Архив. – Симферополь, 2007. - № 10. – С. 12 – 22.

9. См.: «В Крыму был расцвет умственной и религиозной жизни...»: Г.В.Вернадский и его воспоминания о Крыме / предисл., подгот. текста к републикации В.В.Лаврова, комментарии А.В.Мальгина // Крымский Архив. – Симферополь, 1994. - № 1. – С. 28 – 46; Лавров В.В., Ишин А.В. В.И.Вернадский и Таврический университет // Там же. – Симферополь, 2000. - № 6. – С. 182 – 208.

10. См.: Филимонов С.Б. К вопросу об источниковой значимости крымских газет времен Гражданской войны для истории отечественной культуры // Гуманитарская мысль Юга России в XX веке. – Краснодар, 2000. – С. 41 – 43; По страницам первого номера газеты Таврического университета «Vivat Academia!» / предисл., подгот. текстов к републикации С.Б.Филимонова // Крымский Архив. – Симферополь, 2000. - № 6. – С. 171 – 181; Филимонов С.Б. Крымские антибольшевистские газеты времен Гражданской войны как источник по истории науки, культуры и просвещения: постановка вопроса // Там же. – Симферополь, 2001. - № 7. – С. 318 – 322.

11. Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917 – 1920): поиски и находки источниковеда. – Симферополь, 2006.

12. См.: Ишин А.В. [Рецензия] // Крымский архив. – Симферополь, 2007. - № 10. – С. 275; Ратушняк В.Н., Устиновский И.В. [Рецензия] // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – Краснодар, 2007. - № 1/2. – С. 112 – 115; Мохначева М.П. [Рецензия] // Отечественные архивы. – М., 2008. - № 3. – С. 111 – 114; Муравьев В.А. [Рецензия] // Отечественная история. – М., 2008. - № 3. – С. 196 – 198.

13. См.: Таврический университет на страницах крымских досоветских газет / предисл., подгот. текстов к републикации В.В.Лаврова, В.В.Бобкова // Крымский Архив. – Симферополь, 2007. - № 10. – С. 48 – 72. Вынужден констатировать, что указанные публикаторы, следуя недоброму, но распространенному в Крыму обычаю, воздержались от упоминаний трудов предшественников.

14. См.: Филимонов С.Б. Как в 1919 году отмечали первую годовщину Таврического университета: к 90-летию вуза // Брега Тавриды. – Симферополь, 2008. - № 6 (102). – С. 234 – 239.

Филимонов С.Б. Про історіографію та джерелознавство історії Таврійського університету (1918 – 2008) / С. Б. Филимонов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 81-85.

Анотація: У статті розглядаються питання історіографії та джерелознавства історії Таврійського університету в 1918 – 2008 рр.

Ключові слова: Таврійський університет, історіографія, джерелознавство

Filimonov S.B. On Taurida University historiography and history source studies (1918 – 2008) / S.B. Filimonov // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 81-85.

Annotation: In the article examined questions of historiography and of history source studies of the Taurida University in 1918 – 2008

Keywords: Taurida University, historiography, history source studies

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК011/016: 908 (447.75).07/08:930.2

**ПО ПОВОДУ ЗАМЕЧАНИЯ Г-НА ФИЛИМОНОВА
О «МЕТОДИКЕ СОАВТОРСТВА»**

Непомнящий А. А.

Предлагаемый библиографический материал является ответом на замечание С. Б. Филимонова, высказанное в одном из примечаний к его реферату, помещенному в данном сборнике.

Ключевые слова: А. А. Непомнящий, С. Б. Филимонов, авторство

Нами уже выказывалось критическое отношение к научному творчеству С. Б. Филимонова на страницах научных изданий [1]. После чего определенным тоном в его научной практике стало обличение наших научных публикаций в различных огрехах – заимствованиях (читай – плагиате), «беззастенчивом» присвоении себе права на первооткрытие отдельных рукописей и др. Нам весьма льстит то внимание, которое ученый-источниковед уделяет нашим скромным трудам в области крымоведения. Это притом, что анализ индекса цитирования (ссылок) в трудах г-на Филимонова свидетельствует, что 85% их, а иногда и более, приходится на его собственные исследования. И все же, хочется обратить внимание борца за нравственность на необходимость внимательнее читать наши работы, иначе эти обвинения выглядят как грубая клевета. (Правда, с этой целью они и рождались.) Так, в сборнике перепечаток из газет революционных лет С. Б. Филимонова «удивляет и настораживает», что опубликованная впервые нами рукопись А. И. Маркевича «беззастенчиво» выдается Непомнящим за «свои открытия» [2, 208]. При этом Филимонов «принципиально» не захотел увидеть в нашей книге фразу «Информация о публикуемой работе А. И. Маркевича введена в научный оборот в кандидатской диссертации московского историка Владимира Фотиевича Козлова» [3, 315].

Теперь научной общественности представлена новая несурезица – о «методике соавторства», якобы апробированной нами при подготовке очерков истории Таврического национального университета. Этот материал был опубликован Филимоновым в сборнике Русской общины Крыма [4]. Я успел ответить Филимонову на его очередной выпад на страницах двух всеукраинских академических изданий [5] и не вижу смысла занимать полезную площадь в данном журнале, повторяя свои комментарии.

Практика, когда человека огульно вымазывают грязью, заставляя его после долго отмываться (оправдываться, объясняться), не нова ни в научном мире, ни в политике. Однако, объективную оценку деятельности нынешнего поколения крымоведов дадут не наши современники и ученики, не юное научное окружение, не те, с кем мы «благословились в алтаре» и чьи хвалебные опусы тиражируют в печати и в сети Интернет, а последующие беспристрастные поколения историков, которые смогут объективно оценить и авторское право на сборники документов и перепечаток с примитивными комментариями, называемые монографиями, и уровень «сенсационных архивных (документальных) находок».

Список литературы

1. Непомнящий А. А. Про вивчення наукової спадщини кримських краєзнавців / А. А. Непомнящий // Историчний журнал.– Київ, 2005.– № 6.– С. 119–121.– Рец. на кн.: Хранители исторической памяти Крыма / Подг. и вступ. ст. С. Б. Филимонов.– 2 изд.– Симферополь: Черноморпресс, 2004.– 316 с. Видимо, опять же, случайно данная статья не попала в подготовленный С. Б. Филимоновым о себе библиографический указатель. (См.: Филимонов С. Б. Сергей Борисович Филимонов: Биобиблиографический указатель / С. Б. Филимонов.– Симферополь: СГТ, 2007.– 80 с.) И это притом, что принципиальный во всех отношениях автор не поленился указать там даже факты упоминания его статей в ссылках! Правда, назвал это почему-то «отзывы».
2. Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источниковеда / С. Б. Филимонов.– Симферополь: Черноморпресс, 2006.– 232 с.
3. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: Страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Биобиблиография крымоведения; вып. 3).
4. Филимонов С. Б. Об историографии и источниковедении истории Таврического университета: К 90-летию начала разработки истории вуза / С. Б. Филимонов // II Международная научно-практическая конференция «Крым в контексте русского мира: история и современность» / Русская община Крыма.– Симферополь, 2009.– С. 111–119.
5. Непомнящий А. А. До біографії Миколи Ернста: Нові документи з архівів Санкт-Петербурга та Києва / А. А. Непомнящий // Краєзнавство.– Київ, 2009.– № 2; Непомнящий А. А. «Никак не могу пересилить себя...»: Письма Николая Эрнста Федору Эрнсту / А. А. Непомнящий // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України.– Київ, 2009.– Вип. 16.– С. 157–164.

Непомнящий А. А. З приводу зауваження пана Філімонова щодо «методики співавторства» / А. А. Непомнящий // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 86-87.

Запропонований бібліографічний матеріал є відповіддю на зауваження С. Б. Філімонова, яке має вигляд однієї з приміток до його реферату, надрукованому в цьому збірнику.

Ключові слова: А. А. Непомнящий, С. Б. Філімонов, авторство

Nepomnjashij A. A. About Filimonov's remark on «methods of co-authorship» / A. A. Nepomnjashij // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 86-77.

Following bibliographical material is an answer to S. B. Filimonov's remark, which was stated in one of the comments on his review that was given in this collection of articles.

Key words: A. A. Nepomnjashij, S. B. Filimonov, co-authorship.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 001(477.75) «1918 - 1930»: 502.43(477.72)

РОЛЬ КРЫМСКИХ УЧЕНЫХ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ЗАПОВЕДНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА АСКАНИЯ-НОВА (1918 – 1930 гг.)

Безбражная Е.А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: apple@mail.ru*

В работе поднимаются проблемы, связанные с процессами восстановления и развития заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова в период с 1918 по 1930 годы. Рассматриваются направления сотрудничества асканийских ученых с учеными Крыма. Проводится анализ документов, раскрывающих суть деятельности крымских ученых, направленной на организацию административного аппарата и возобновление научной работы в заповедно-исследовательском комплексе Аскания-Нова.

Ключевые слова: Аскания-Нова, Таврический университет, Таврическая ученая архивная комиссия, гражданская война, М.М. Завадовский, Г.Н. Высоцкий, А.А. Яната, А.П. Гунали.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. Двадцатые годы двадцатого века стали для заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова очередным периодом закладывания основ и развития культурного и научного потенциала. Датой основания зоологического сада принято считать 1889 год. В этом году Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн, сын и один из прямых наследников владельцев Аскании-Нова, впервые продемонстрировал ряд достижений своего акклиматизационного зоопарка на Всемирной сельскохозяйственной выставке в Париже. Здесь, согласно утверждению В.М. Рябко, он «имел содержательные беседы с естествоиспытателем Альбертом Жоффруа Сент-Иллером» [1, с. 13]. Именно он посоветовал молодому природоведу заложить в Аскании-Нова, «учитывая ее удаленность от других поселений, большой заповедник» [1, с. 13]. В этом же году в печати, в журнале «Societe national d'acclimation», впервые появилось сообщение о создающемся в Аскании-Нова зоопарке [2, с. 15]. Следует отметить тот факт, что работы по созданию акклиматизационного зоопарка Ф.Э. Фальц-Фейн начал задолго до этого. Еще будучи гимназистом Херсонской гимназии [2, с.14], а затем студентом медицинского факультета Дерптского университета [1, с. 12] молодой исследователь устраивал вольеры для содержания представителей дикой местной орнитофауны и некоторых местных млекопитающих аборигенов [2, с. 14]. В 1884 году в Аскании-Нова был заложен ботанический парк, в котором насчитывалось 220 видов лиственных и хвойных деревьев [1, с. 31]. В 1910 году на базе зоопарка была организована первая зоотехническая станция как часть физиологического отделения ветеринарной лаборатории при Ветеринарном управлении Министерства внутренних дел [2, с. 16].

Революционные события 1917 года застали, на тот момент уже всемирно-известный зоосад Асканию-Нова, в период наивысшего своего расцвета [2, с. 15-16]. Бурные революционные и военные годы негативно повлияли не только на положение материальной базы заповедника, но и на состав научных кадров. В 1917 году талантливый организатор, животновод и природовед Ф. Э. Фальц-Фейн навсегда покинул свое детище Асканию-Нова [1, с. 20]. В этом же году прекратила

свою работу зоотехническая опытная станция, которую возглавлял известнейший зоолог-селекционер, профессор И. И. Иванов [1, с. 34]. В 1917 году также на определенное время прервалась связь с заповедником, тогда уже хорошо известного и опытного зоолога, профессора М. Ф. Иванова [1, с. 39], чье имя впоследствии получит Институт сельскохозяйственной гибридизации и степной акклиматизации животных «Аскания-Нова» [1, с. 487].

Послереволюционная и послевоенная разруха практически не давала возможности правильно определить значение заповедника и наметить дальнейший путь его жизни. Возобновление и постепенное развитие научно-исследовательской деятельности в заповедном комплексе Аскания-Нова во многом стало заслугой активистов крымской интеллектуальной элиты, и, в частности профессуры Таврического университета, организованного в октябре 1918 года. К моменту провозглашения Аскания-Нова Народным заповедным парком в апреле 1919 года, научная база Таврического университета достаточно активно развивалась. Талантливые исследователи, всемирно известные деятели науки составляли профессорско-преподавательский коллектив новообразованного университета [3, с. 28-30]. Согласно утверждению С.Б. Филимонова 1918 – 1920 годы были временем, «когда преподавателями вуза были крупнейшие ученые, бежавшие от большевистского террора из университетских центров России и Украины в белый Крым» [4]. Несмотря на сложную военно – политическую обстановку в Крыму в 1919 году, работа в Таврическом университете шла полным ходом [3, с. 34].

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПУБЛИКАЦИЙ ПО ДАННОЙ ПРОБЛЕМЕ. К сожалению, приходится отмечать тот факт, что данный интереснейший материал слабо освещен в литературе. Информацию, дающую представление о событиях, происходивших в Аскании-Нова в период ее становления как заповедного научно-исследовательского комплекса, в большинстве случаев представляется возможным найти в воспоминаниях научных соотечественников. Краткие, обрывочные сведения о сложностях заповедника в условиях анархии можно узнать из мемуаров Б.М. Завадовского «Живая природа в руках человека: записки охотника за гормонами» [5] и М.М. Завадовского «Страницы жизни» [6]. Военные события 1919 года описаны известным путешественником, исследователем Центральной Азии, П. К. Козловым, возглавлявшим заповедник с 8 декабря 1917 по 8 апреля 1919 годы [7]. Е. В. Козловой в монографии «Аскания-Нова: зоопарк в южно-русской степи» представлены исторические сведения о заповеднике до 1922 года [8]. Из всех вышеуказанных работ можно получить общее представление о сложностях Аскания-Нова в условиях революции и гражданской войны, однако в них детально не рассматривают вопросы, связанные с положением администрации и научной части заповедно-исследовательского комплекса. Необходимо также отметить обобщающие работы, посвященные истории юга Украины в период революции и гражданской войны. Это монографии М.Ф. Бунегина «Революция и гражданская война в Крыму (1917 - 1920 гг.)» [9], А. Г. и В. Г. Зарубиных «Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму» [10], Савченко В. А. «Двенадцать войн за Украину» [11]. Данные работы, позволяют

представить целостную картину исторических событий, происходивших на территории юга Украины, при этом лишь упоминая о событиях, связанных с Асканией-Нова. Отдельного внимания заслуживает монография В.М. Рябко «Аскания-Нова в решении научных проблем» [1]. Данная работа является единственной достойной попыткой обобщить имеющиеся сведения по истории Аскании-Нова с момента ее основания до настоящего времени. В данной работе автор сделал попытку комплексно представить картины исторических процессов, происходивших в поселке Аскания-Нова, в их непосредственной связи с человеческим фактором. Однако необходимо отметить тот факт, что при всех положительных сторонах, вышеуказанная работа скорее относится к категории мемуаров, чем к научной литературе. В своей монографии автор не проводит историографический анализ педшествующих публикаций, посвященных подобным темам, и не приводит ссылок в тексте. Положение крымских ученых в период революции и гражданской войны на Украине во многом раскрыто в работе «История Таврического университета (1918 - 2003)» [3], однако каких-либо упоминаний об Аскании-Нова здесь не представляется возможным найти. Единственной работой, в которой автор касается проблемы взаимодействия крымских ученых с учеными Аскании-Нова в период гражданской войны, является статья С. Б. Филимонова «Об историографии и источниковедении истории Таврического университета: к 90-летию начала разработки истории ВУЗа» [4].

Довольно значимыми для данного исследования являются уже опубликованные источники, непосредственно связанные с заявленной тематикой работы. В частности это протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии [12]. Наибольшую ценность для данной работы представляют материалы, обнаруженные в ходе исследования в ведомственном архиве биосферного заповедника «Аскания-Нова» им. Ф.Э.Фальц-Фейна [13; 14].

Таким образом, исходя из того, что данный вопрос ранее целостно не разрабатывался, **актуальность** данной темы состоит в необходимости комплексного исследования малоизвестных и неопубликованных ранее материалов, связанных с вопросами восстановления заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918 – 1930 гг.) и вкладе крымских ученых в этот процесс. **Целью** данной работы является анализ документов, раскрывающих процессы научного и административно-практического взаимодействия крымских ученых с учеными Аскании-Нова, в период становления заповедника, как цельного научно-исследовательского комплекса. Соответственно для достижения поставленной цели необходимо проанализировать документы, относящиеся к части административно-практических и научных взаимодействий ученых заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова и Крыма.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ. Многочисленные дореволюционные контакты Аскании-Нова с крымской научной элитой, а также географическая близость новообразованного Таврического университета обеспечили возможность возобновления и развития сотрудничества на поприще природоведения. Активное участие в деле охраны природных богатств Аскании-

Нова принимала Таврическая Ученая Архивная Комиссия. 11 марта 1919 года, в разгар гражданской войны, под руководством председателя ТУАК А. И. Маркевича состоялось заседание, на котором одним из рассматриваемых вопросов было положение Аскании-Нова. Для наиболее полной иллюстрации данных событий, следует привести отрывок из протокола заседания ТУАК: «Председатель заявил, что 17-го числа с.г. он принимал участие в экстренном заседании исполнительного бюро Таврической Научной Ассоциации по вопросу о мере защиты и сохранения зоопарка Аскания-Нова. Это заседание было вызвано сообщением, прибывшим из Аскании-Новой служащими лицами о беспомощном положении зоопарка, после того как чины Добровольческой Армии были обезоружены, а грабительские шайки начали опустошать хозяйство Аскании-Новой и предназначенные для корма животных и птиц запасы сена, зерна, муки и т.д. В созванном для обсуждения угрожающего положения зоопарка заседании означенного бюро было постановлено обратиться с ходатайством к Краевому Правительству, высшему начальству Добровольческой Армии и французскому командованию в Севастополе о принятии всех возможных мер к спасению от гибели зоопарка Аскания-Нова» [12, с. 36]. 25 марта 1919 года на очередном заседании ТУАК председатель А.И. Маркевич «заявил о разгроме знаменитого зоопарка в имении Ф.И. Фальц-Фейна Аскания-Нова Днепропетровского уезда» [12, с. 38].

События 1919 года описаны П. К. Козловым следующим образом: «Около сорока снарядов трехдвойного орудия легло в области зоопарка... Всего погибло более трех четвертей населения зоопарка....» [7, с. 12]. Согласно утверждению Е.В. Козловой особенно сильно Аскания-Нова пострадала в 1920 году: «Бывали дни, когда весь парк положительно кишел непрошеными посетителями. Всюду раздавалась стрельба; неслись крики, хохот и ругань» [8, с. 114].

Военные события заставили бежать из Аскании-Нова многих ученых, в том числе, на тот момент уже известного зоолога, Михаила Михайловича Завадовского. Осенью 1919 года он вместе с женой переехал в Симферополь, где при участии руководителя кафедры гистологии, А. Г. Гурвича [6, с. 127], 13 ноября был избран Советом Таврического университета штатным доцентом [15, с. 79-80]. В университете М.М. Завадовский начал читать курс «Экспериментальной биологии и генетики», который долгое время разрабатывал на основе опытов, проводившихся им в Аскании-Нова [6, с. 127].

В апреле 1919 года Декретом Совета Народных Комиссаров Украинской ССР Аскания-Нова была объявлена Народным заповедным парком [16, с. 3], в связи с этим было принято решение «заповедную землю не делить, а охранять как культурное наследие» [1, с. 30-31]. Однако по причине очередной смены политической власти, над заповедным парком вновь нависла угроза. Весной 1920 года вышел приказ врангелевского правительства, согласно которому предусматривалось в обязательном порядке провести разукрупнение земель государственного и частного фонда [6, с. 129]. Не возникало никаких сомнений, в том, что земельные площади Аскании-Нова подпадали под этот приказ, а это, разумеется, повлекло бы неминуемую гибель природных богатств Народного заповедного парка. С целью недопущения подобной катастрофы были

мобилизованы все возможные силы крымской научной интеллигенции во главе с Михаилом Михайловичем Завадовским. В своих мемуарах он говорит следующее: «Я...сделал доклад в Совете Таврического университета о сложившейся угрозе для государственной ценности – Аскании-Нова и попросил возбудить вопрос о недопустимости разукрупнения Государственного заповедника и зоопарка «Аскания-Нова» [6, с. 129]. Согласно решению Совета университета, в Асканию-Нова была направлена комиссия, в состав которой в том числе входил директор Никитского ботанического сада Е.В. Вульф. Главой комиссии был назначен М.М. Завадовский [6, с. 129]. Отчет комиссии был одобрен Советом университета, вследствие чего стало целесообразным организовать еще одну комиссию, цель которой состояла в проведении переговоров с врангелевским правительством о сохранении целостности заповедных земель Аскании-Нова. В составе этой комиссии судьба свела Завадовского с известнейшим зоологом, профессором М.Ф. Ивановым, уроженцем Ялты [1, с. 50]. После долгих и сложных переговоров сначала с правительством П.Н. Врангеля, а затем с Правительством Юга России в лице Г.В. Глинки и А.В. Кривошеина, проблема сохранения целостности Аскании-Нова разрешилась в пользу комиссии [6, с. 129-131].

В июне 1920 года Аскания-Нова была формально подчинена Таврическому университету. По этому поводу симферопольская газета «Южные ведомости» писала: «Знаменитая зоологическая акклиматизационная станция Аскания-Нова переходит со всеми своими сельскохозяйственными угодьями, обширную заповедную степью, зоопарком, музеем и библиотекою в заведывание Таврического университета. Осмотревший недавно эту станцию прив. - доц. Завадовский сделал о ней обстоятельный доклад в последнем заседании Совета университета. После многократных набегов различных банд станция пришла в плачевное состояние: разграблен живой и мертвый инвентарь, опустошены жилые помещения, угнан скот, на всем лежит печать бессмысленного вандализма. Но научные богатства станции все-таки были так велики, а хозяйство ее было поставлено так широко, что она и по сию пору все еще представляет собою учреждение огромного значения и высокой ценности. Университет постановил возбудить ходатайство об ассигновании средств из казны на приведение в порядок и содержание станции, а для ближайшего заведывания ею избрал комиссию из пяти лиц с проф. Ивановым во главе» [4].

8 февраля 1921 года декретом Совнаркома УССР Аскания-Нова была объявлена Государственным степным заповедником [2, с. 17]. Несмотря на это, налаживание работы научного учреждения проходило с большими трудностями [1, с. 31]. Однако асканийские ученые уже в следующем году начали проводить теоретические разработки проектов четырех дополнительных заповедников. Один из них планировалось создать на территории бывшего Юсуповского владения Кокозы в Крыму. Согласно строительной смете зоопарка на 1922 год, в Кокозском заповеднике предусматривались должности для заведующего и пяти сторожей [13, л. 9]. При этом в указанном документе отдельно подчеркивается, что данный заповедник, как и прочие три «находятся в состоянии организации, поэтому детальны штаты их, а также смета представлены быть не могут» [13, л. 9].

В 1922 году руководитель заповедника Я. Савченко [1, с. 485] обратился к заведующему кафедрами почвоведения и лесоводства профессору, теперь уже Крымского университета имени М.В. Фрунзе [4], Георгию Николаевичу Высоцкому [17, с. 818] с просьбой принять на себя руководство Научно-степной станцией заповедника. В связи со своей просьбой Я. Савченко писал: «Уважаемый профессор, дирекция Госзаповедника подтверждая телеграфное сообщение Асканийского комитета об избрании Вас заведующим Научно-степной станцией заповедника, со своей стороны приглашает Вас принять на себя означенное звание. Выбор специальности и работы Дирекция намерена предоставить Вашему усмотрению. Надеюсь на Ваше согласие... Директор Госзаповедника. 18.07. 1922 г.» [14, л. 35]. Высоцкий смог откликнуться на просьбу и приехать в Асканию. Согласно свидетельству ученого, в заповеднике Аскания-Нова ему довелось побывать дважды: «осенью 1922 г. и весной-летом 1923г.» [1, с. 56]. Во время первого визита в заповедник Г.Н. Высоцкий вместе с известнейшим ботаником И.К. Пачоским выполнили съемку территории зоопарка и провели ряд глубокопочвенных исследований степи [1, с. 56]. Во второй раз Высоцкий прибыл в Асканию-Нова вместе со студентом Крымского университета, учеником Е. В. Вульфа, впоследствии известным крымским ученым-ботаником Сергеем Антоновичем Дзевановским [18, с. 17]. Вместе с ним были продолжены глубокопочвенные исследования, а также описаны растительность ботанического сада и целинной степи [1, с. 57]. Результаты своих исследований Г.Н. Высоцкий изложил в статьях «Пробные глубокопочвенные раскопки в Аскании-Нова» (Известия Государственного Степного Заповедника «Аскания-Нова», 1923 г.) [19] и «Про лісові насадження заповідника «Чаплі» (Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі», 1928 р.) [20]. В 1928 году также была опубликована уже посмертная статья С.А. Дзевановского «Матеріяли до вивчення розповсюджености деяких рослин на території Державного Заповідника «Чаплі» (Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі», 1928 р.) [21]. Необходимо отметить, что в мае 1927 года СНК УССР утвердил Положение о заповеднике «Аскания-Нова» с переименованием в «Чапли» [1, с. 486]. В связи с этим, «Известия Государственного Степного Заповедника «Аскания-Нова» были соответственно переименованы в «Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі».

Активнейшее участие в возрождении и реорганизации асканийского заповедно-исследовательского комплекса принимал Александр Алоизович Яната, хорошо известный как один из создателей комиссии охраны памятников природы и старины Крыма [1, с. 67]. Именно по его инициатив в 1920 году на базе Таврического университета состоялось совещание о проблемах и перспективах развития Аскании-Нова [1, с. 67]. Отдельно стоит отметить тот факт, что А.А. Яната является автором Устава Степной Научной Станции в Государственном степном заповеднике [13, л. 18]. Об организации Степной Станции впервые было заявлено одновременно с провозглашением Аскании-Нова Государственным степным заповедником 8 февраля 1921 года [1, с. 31]. Однако первые фактические действия по организации работы Станции были предприняты лишь в конце января следующего года. А.А. Яната составил проект устава для вышеуказанной

организации, который несколько позднее был утвержден сельскохозяйственным научным комитетом [22, с. 125-127]. Таким образом, А.А. Яната может по праву считаться автором первого официального документа Степной Научной Станции Государственного степного заповедника «Аскания-Нова». Кроме того, ученым был опубликован ряд работ, посвященных административному и научному развитию заповедника: «Протоколы совещания по вопросу об Аскании-Нова» (Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі» 1924 г.) [23], «Доповіді про Асканію-Нова» (Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі», 1926 г., 1928 г.) [24; 25], «Науково-стєпова станція Державного степового заповідника «Чаплі» (колишній Асканія-Нова) (Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі», 1926 г.) [26]. А.А. Яната внес значимый вклад в исследования флоры типчаково-ковыльчатой степи и сельскохозяйственной ботаники.

Сотрудничество ученых заповедника с учеными Крыма продвигалось и на поприще зоологии. В 1929 году авторитетный ученый-зоолог, выпускник Крымского университета Александр Павлович Гунали был приглашен в Асканию-Нова в качестве заведующего зоопарком. В 1931 году должность была преобразована в заведующего отделом гибридизации и акклиматизации Института «Аскания-Нова» [1, с. 83]. Научная деятельность А.П. Гунали была посвящена акклиматизации и гибридизации копытных. К сожалению, работы ученого остаются неизвестными широкой публике. Вероятнее всего это связано с тем фактом, что в 1933 году исследователь был репрессирован [1, с. 83]. Единственной известной работой А.П. Гунали, посвященной гибридизации животных, является публикация в сборнике Труды Института гибридизации и акклиматизации животных за 1953 «Новый гибрид – дикая лошадь Пржевальского и зебра» [27].

Таким образом, исходя из цели, заявленной в исследовании, и поставленных задач, следует сделать ряд **выводов**. Научные связи между учеными Аскании-Нова и учеными Крыма существовали и в дореволюционный период. В период революции и начавшейся гражданской войны резко возросло число контактов асканийских исследователей с учеными Крыма. Этот факт объясняется открытием Таврического университета, который за время революции стал пристанищем для известнейших деятелей науки. В условиях анархии и послевоенной разрухи, огромное влияние на налаживание административной и кадрово-научной структуры заповедного комплекса Аскания-Нова оказали крымские организации, а именно – Таврическая Ученая Архивная комиссия и Таврический Университет (позднее Крымский университет им. М.В. Фрунзе). С целью сохранения природных богатств заповедника в июне 1920 года Аскания-Нова была формально подчинена Таврическому университету. Такое положение вещей обеспечило научным сотрудникам заповедника возможность с большей уверенностью в безопасности заниматься научной деятельностью. Об этом свидетельствует тот факт, что уже через пол года после подчинению Таврическому университету, ученые теперь уже Государственного степного заповедника Аскания-Нова начали разработку проектов организации четырех дополнительных заповедников. Один из них планировалось создать именно на территории Крыма.

Несмотря на все сложности, сопутствующие военному положению, сотрудникам Государственного степного заповедника Аскания-Нова удалось наладить работу руководящей администрации и подчиненных ей структурных организаций. Крымские ученые оказали значительное влияние на организацию административного аппарата и возрождение научных исследований в заповедно-исследовательском комплексе.

Список литературы

1. Рябко В.М. Аскания-Нова в решении научных проблем. – Херсон, 2007. – 504 с.
2. Треус В.Д. Акклиматизация и гибридизация животных в Аскании-Нова. 80-летний опыт культурного освоения диких копытных и птиц. – К.: «Урожай», 1968. – 316 с.
3. История Таврического университета (1918 - 2003). – К.: «Либідь», 2003. – 249 с.
4. Филлимонов С.Б. Об историографии и источниковедении истории Таврического университета: к 90-летию начала разработки истории ВУЗа // Крымское эхо. 21 января 2009.
5. Завадовский Б.М. Живая природа в руках человека: записки охотника за гормонами. – М.: «Сельхозгиз», 1935. – 152 с.
6. Завадовский М.М. Страницы жизни. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 336 с.
7. Козлов П.К. Государственный заповедник Аскания-Нова // Научный работник, 1928 г., № 1.
8. Козлова Е.В. Аскания-Нова: зоопарк в южно-русских степях. – Петроград: «Начатки знаний», 1923. – 136 с.
9. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917 - 1920 гг.). – Симферополь, 1927. – 281 с.
10. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. – Симферополь: «АнтикВА», 2008. - 728 с.
11. Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. – Харьков: «Фолио», 2006. – 415 с.
12. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии // ИТУАК., 1920., № 57, С. 1 – 82.
13. Ведомственный архив биосферного заповедника «Аскания-Нова» им. Ф.Э.Фальц-Фейна. – Проект устава степной научной станции в госзаповеднике «Аскания-Нова», сметы на корма, материалы и строительство 1922 год. – 23 л.
14. Ведомственный архив биосферного заповедника «Аскания-Нова» им. Ф.Э.Фальц-Фейна. – Переписка с Наркомземом и учеными о сохранении и восстановлении зоопарка за 1921 – 1922 годы. – 35 л.
15. Лавров В.В. По материалам Государственного архива Российской Федерации // Крымский архив. 2000., № 6.
16. Институт Аскания-Нова: основные итоги научной деятельности и перспективы развития. – Одесса: «Маяк», 1970. – 23 с.
17. Погребняк П.С. Георгий Николаевич Высоцкий (1865 - 1940) // Люди русской науки: Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники: Биология. Медицина. Сельхоз. Науки. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.- С.815 – 824.
18. Сон М. О. Коллекция моллюсков И. И. Пузанова // Известия музейного фонда им. И. И. Браунера. 2005., № 1. –С. 17 – 20.
19. Высоцкий Г.Н. Пробные глубокопочвенные раскопки в Аскании-Нова // Известия Государственного Степного Заповедника «Аскания-Нова». 1923., вып. 2. – С. 145 – 159.
20. Висоцький Г.Н. Про лісові насадження заповідника «Чаплі» // Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі». 1928., вип. 5. – С. 69 – 80.
21. Дзевановський С.А. Матеріяли до вивчення розповсюдженості деяких рослин на території Державного Заповідника «Чаплі» // Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі». 1928., вип. 4. – С. 1 – 9.
22. Яната О. А. Асканія-Нова. Перший степовий заповідник України // Наука на Україні. 1922., № 2. – С. 124 – 127.
23. Яната А. А. Протоколи совещания по вопросу об Аскании-Нова // Вісті Державного Степового Заповідника «Чаплі». 1924., вип. 4. – С. 165 – 171.

24. Яната О. А. Доповіді про Асканію-Нова. // Вісті Державного Степового Заповідника “Чаплі”. 1926., вип. 5.
25. Яната О. А. Доповіді про Асканію-Нова. // Вісті Державного Степового Заповідника “Чаплі”. 1928., вип. 8.
26. Яната О. А. 1928. Науково-степова станція Державного степового заповідника “Чаплі” (кол. Асканія-Нова) // Вісті Державного Степового Заповідника “Чаплі”. 1926., вип. 5. – С. 139 – 142.
27. Гунали А.П. Новый гибрид - дикая лошадь Пржевальского и зебра // Труды Института гибридизации и акклиматизации животных. 1953, – Т. 1.

Безбражна О. А. Роль кримських вчених у відновленні заповідно-дослідного комплексу Асканія-Нова (1918 - 1930 рр.) / О. А. Безбражна // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 88-96.

У роботі підіймаються проблеми, що пов'язані з процесами відновлення і розвитку заповідно-дослідного комплексу Асканія-Нова в період з 1918 по 1930 роки. Розглядаються напрямки співробітництва асканійських вчених з вченими Криму. Проводиться аналіз документів, що розкривають суть діяльності кримських вчених, щодо організації адміністративного апарату і відновлення наукової роботи в заповідно-дослідному комплексі Асканія-Нова.

Ключові слова: Асканія-Нова, Таврійський університет, Таврійська вчена архівна комісія, громадянська війна, М.М. Завадовський, Г.Н. Висоцький, О.А. Яната, О.П. Гунали

Bezbrazhnaya Ye. A. The role of the Crimean scientists in the restoration reserve-research complex Askania Nova (1918 - 1930) / Ye. A. Bezbrazhnaya // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 88-96.

The paper raises issues associated with the processes of reconstruction and development of reserve-research complex Askania Nova in the period from 1918 to 1930. Consider areas of cooperation Askania scientists with scientists of Crimea. The analysis of documents revealing the essence of the Crimean scientists, aimed at organizing the administration and the resumption of scientific work in a conservation-research complex Askania Nova.

Keywords: Askania - Nova, Tavrichesky University, Tauris Academic Archival Commission, the Civil War, M.M. Zavodovsky, G.N. Vysotsky, AA Yanata, AP Gunaly.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 94 (477) "192/193":369.03

ІСТОРІЇ СТАНОВЛЕННЯ РАДЯНСЬКОЇ СИСТЕМИ ДЕРЖАВНОГО СТРАХУВАННЯ. ВИСВІТЛЕННЯ В ІСТОРІОГРАФІЧНИХ ДЖЕРЕЛАХ ТА ЛІТЕРАТУРИ 20-Х РОКІВ

Латишева О. В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина

В цій науковій роботі найважливім є з'ясування теоретико-методологічних підходів учених і практиків тих років стосовно характеристики феномену соціального інституту державного страхування, обґрунтування ними необхідності і доцільності впровадження державної монополії страхової справи.

Ключові слова: джерела, література та статті, публікації, інформативне наповнення, концептуальні оцінки.

Дотримуючись канонів та принципів класичної історіографії, книги, брошури, статті, які з'являлися протягом 20-х рр., слід віднести до історіографічних джерел, у яких висвітлювалися основні етапи становлення та розвитку радянської системи державного страхування в УСРР. Вони є об'єктом нашого дослідження, але не в контексті вибагливого історіографічного аналізу, позаяк система тоді лише формувалася, а з точки зору їх інформативного наповнення, концептуальних оцінок, проблемно-фактологічних пріоритетів, нарешті класифікації самого наративу. Для нас є важливим з'ясування теоретико-методологічних підходів учених і практиків тих років стосовно характеристики феномену соціального інституту державного страхування, обґрунтування ними необхідності і доцільності впровадження державної монополії страхової справи.

Перші публікації про організаційне становлення радянської системи державного страхування почали з'являтися на сторінках фахових часописів у червні 1922 р. Саме тоді виходили "Вестник государственного страхования" (Москва), "Финансовый Вестник" (Харків). Перший видавало правління Держстраху РСФРР, а серед авторів журналу були професори С.О.Рибніков, М.Я.Пергамент, В.В.Святловський, К.Г.Воблий. Головним редактором був голова правління Держстраху Д.І.Єфремов. За два роки поспіль, тобто від 20 червня 1922 до 20 червня 1924 р., на його сторінках було опубліковано понад сто різних статей, які стосувалися загальних, фінансових справ, страхового права, організаційних питань розвитку державного страхування, тарифної політики, пропаганди страхової справи, класифікації видів страхування, становища страхових організацій в західних країнах. Наприклад, до рубрики загальних проблем страхування були віднесені статті К.Воблого про страхову монополію в Польщі [1], М.Я.Пергамента про роль і місце декрету від 6 жовтня 1921 р. в історії становлення радянської системи державного страхування [2, С.7-8.], С.О.Рибнікова про діяльність дореволюційних страхових товариств і банків [3], С.Розеноєра про капіталістичне страхування [4, С.14-16.], В.Святловського про досягнення страхової справи в Росії [5, С.6-8.]. У другому числі цього часопису вийшла критична стаття М.І.Семенова [6, С.24.], одного із ініціаторів відродження страхової справи, на книгу К.Г.Воблого про

основи економії страхування [7]. Книга відомого українського ученого, автора великої низки праць з історії економічного розвитку України, витримала декілька перевидань, навіть була опублікована у 1995 р.. [8] Вона мала характер підручника, але деякі розділи стосувалися історії виникнення окремих видів страхування [9, С.98,152,199.]. Якщо згадувати класиків теорії страхової справи, то необхідно назвати професора О.Г.Чаянова, книга якого про кооперативне страхування побачила світло ще у 1912 р., [10] але він не друкувався на сторінках “ВГС”.

Перше число “ВГС” з’явилося 20 червня 1922 р. Вступну статтю написав Д.І.Єфремов, присвятивши її основним віхам державного страхування [11, С.1-3.], коментуючи зміст декрету 6 жовтня 1921 р. та постанови РНК РСФРР від 30 травня 1922 р. про переведення системи державного страхування на госпрозрахунок. Декрет відновив державне майнове страхування, яке було ліквідоване у жовтні 1920 р., а проголошення непу спонукало органи влади до відродження страхової справи, але на принципах радянської політичної системи. “Державне страхування, - наголошував Д.І.Єфремов, - не буде ні “акціонерним”, ні “земським”: воно буде *радянським*” [12, С.3.]. Його чергова стаття торкалася аналізу перших кроків формування системи державного майнового страхування, яка проіснувала лише 9 місяців, проте створила центральний апарат та на 85-90 відсотків губернські і обласні контори [13, С1-2.]. Він згадав праці відомих учених, які сприяли розвитку страхової справи. “Автори цих статей, теоретиків і практиків страхування, - наголошував Домінік Іванович, - об’єднує наступне переконання: державне страхування є найбільш доцільною формою страхового будівництва в Радянській Росії за нової економічної політики, яке відповідає інтересам широких трудових мас та завданням економічного відновлення Росії” [14, С2.]. Статті Д.Єфремова, які виходили протягом 1922-1925 рр., тобто за його життя, мали загальний політико-економічний контекст, висвітлювали основні етапи організаційно-функціонального становлення радянської системи державного майнового страхування [15, С.1-8.]. Зокрема, в його статтях обґрунтовувалася центристська концепція розвитку державного страхування в СРСР, її унітарна форма, а питання “...чи дробити організацію державного страхування по окремих республіках, чи дробити її по окремих відомствах, та в якому обов’язку здійснювати обов’язкове страхування” було, на його переконання, остаточно вирішено 23 листопада 1923 р., коли сесія ЦВК СРСР законодавчо ухвалила принцип державної страхової монополії, а 11 листопада 1924 р. РНК СРСР підтвердив основні ідеї страхової політики та страхової організації [16, С.10.].

Статті та книги, які виходили протягом 20-х рр., мали теоретичне та суто прикладне спрямування, тому для виявлення світоглядних та концептуальних проблем, а також для історико-соціальної характеристики радянської системи державного страхування, спробуємо застосувати принцип персональної бібліографістики та проблемно-тематичний підхід. Наприклад, в статтях М.Я.Пергаментя, які були опубліковані на сторінках “ВГС” протягом 1922-1924 рр., [17] розкривалися організаційні проблеми юридичного статусу держстраху, права та повноваження іноземних страхових компаній. Учений писав про відновлення “інституту громадянських прав” (право власності, забудови, інші майнові права),

про “інститут страхування”, які стали можливим завдяки проголошенню непу та декрету 6 жовтня 1921 р. “На основі даного декрету, - зазначав він, - інститут страхування є наслідком поєднання дореволюційного російського громадського (земського) страхування з прогресивно-соціальними пошуками західно-європейської страхової думки, у деяких країнах Європи та Америки частково навіть отримавших уже законодавче визнання. Це поєднання вилилось у форму, в систему державної страхової монополії з одночасним широким застосуванням основ обов’язкового страхування” [18,С.6.]. Будучи авторитетним теоретиком страхової справи, професор М.Пергамент звертав увагу на необхідність принципової нормативно-правової бази для повноцінного функціонування системи страхування, на унеможливлення бюрократизму, котрий цілком реальний за умов державної монополії, критично висловився про коремі положення декрету 6 жовтня 1921 р., вважаючи його лише “...декларативним викладом загальних принципів державного страхування” [19,С7.]. Зокрема, він звернув увагу на те, що стаття 5 декрету дозволяє кооперативам страхувати лише їх власне майно, а ст.4 передбачає можливість кооперативного страхування і державного майна, яке перебувало в оренді того чи іншого товариства. Оцінка М.Пергаменту стосовно поєднання історичного досвіду функціонування різних систем державного страхування вирізнялася новизною для того часу, яку не всі поділяли.

Організаційно-правовими питаннями розвитку державної системи страхування в СРСР, взаєминами союзного та республіканського центрів страхової справи займався тоді Є.Мен. Він опублікував низку статей, прикладних праць та брошур, у яких розкрив проблему правових, тобто майнових відносин на час страхування, дав оцінку радянських законодавчих актів, виявив їх прогалини [20]. Дотримуючись “духу декрету”, а також погоджуючись з думкою М.Я.Пергаменту, він вважав права кооперативних товариств стосовно страхування державного майна такими, що “... не відповідають задуму законодавця” [21,С.15-17.]. Коментуючи положення про Головне правління Держстраху, яке видали 27 листопада 1922 р., Є.Мен підкреслював адміністративну та організаційну підпорядкованість республіканських страхових установ Головному правлінню, визнаючи цілком оптимальною унітарну систему державного страхування [22,С.2.].

Постать професора С.О.Рибнікова серед фахівців страхової справи була такою ж помітною, як О.В.Чаянова серед теоретиків кооперативного руху, М.Д.Кондратьєва в колі спеціалістів фінансово-економічного розвитку суспільства. У статті про вплив радянської конституції на розвиток системи державного страхування учений виклав не лише відносини союзного центру з республіканськими страховими організаціями, а також висловив власну політичну позицію, лояльне ставлення до влади та готовність до співпраці з нею [23,С.4-6.]. Він досліджував правові підвалини страхових операцій, питання соціально-правової довіри клієнтів до системи страхування, узагальнював досвід її функціонування, коментував специфіку здійснення перестраховування в умовах монополії [24]. За його редакцією побачив світло словних страхових термінів [25], брошура про страхову справу [26]. Коментуючи Положення “Про державне страхування СРСР”, яке було опубліковано 28 жовтня 1925 р., С.Рибніков зазначив, що створення СРСР висунуло

черговий раз питання про повноваження центру та республік, але “...державне монопольне страхування є єдиним і цілісним загальносоюзним апаратом” [27,С.3-4.]. Його позицію поділяли уже згаданий Є.Мен, Є.Перепелкін [28,С.6-8.], В.Александрович [29] та багато інших, позаяк державна монополія унеможливила існування будь-якої іншої системи страхування, відтак зникла і потреба дискусії стосовно її альтернатив.

Статті, якщо застосувати текстологічний аналіз та проблемно-тематичний принцип, розподілялися доволі рівномірно, тобто не було домінуючого фактологічного пріоритету. Виокремлювалися певною мірою загальні питання організації та розвитку державного страхування, пропорційно представленими виглядали публікації про страхове право, тарифікацію, види страхування (від вогню, транспорту). Приділялася увагу пропаганді страхової справи, якою професійно займався С.Розеноєр, друкуючи відповідні матеріали [30]. Він упорядкував страховий довідник, опублікований у 1925 р., котрий мав важливе значення для пропаганди ідей страхування [31], а також написав біографічний нарис про діяльність Д.І.Єфремова на посаді голови Держстраху СРСР, висвітливши його особистий внесок в організацію державної системи страхування [32]. Фактично ця брошура була ледве не першою, яку можна вважати короткою історією становлення радянської системи страхування. Акціонерне страхування, на його думку, існувало в Росії майже сто років, але жовтнева революція ліквідувала усі види страхування, однак нова економічна політика та ініціатива селянства Тверської губернії, які ніби звернулися особисто до Леніна, започаткували відродження страхової справи. Автор брошури цитує висловлювання М.П.Брюханова, А.М.Лежави, М.Семашко, які стосувалися організаційної роботи Д.Єфремова на посаді голови Держстраху. Вона мала ідейно-політичне забарвлення, пропагандистський пафос та публіцистичний стиль. “Було б утопією, - наголошував С.Розеноєр, - будувати страховий апарат без страховиків-спеціалістів. Але ще більшою утопією було б створення радянського страхового апарату без участі партійців. Комуністи в якості керівного і спрямовуючого елементу були безумовно потрібні. І тут тов. Єфремову на перших порах доводилося долати не мало перешкод. Тоді серед багатьох комуністів було поширеним переконання, що страхування в умовах непу є справою некоммуністичною і займатися ним комуністу неварто” [33,С.12.]. В брошурі згадується прізвище Є.П.Поморцева, до якого Д.Єфремов звертався за консультацією, працюючи над організаційною схемою. Ним була запропонована структура земського страхового апарату, яку “радянський чиновник” відредагував та частково використав для формування радянської системи держстраху. Зазначу, що Є.Поморцев був “конструктором” схеми державного страхування, опублікувавши з цього питання низку статей [34], які викликали жваве обговорення, тому що багатьом не зовсім подобалася його земська схема побудови органів страхування [35,С.16-18.]. Брошура С.Розеноєра мала реферативно-аналітичний характер, автор якої виклав основні положення публікацій Д.Єфремова про особливості впровадження системи державної страхової монополії в СРСР.

На сторінках періодичних видань з’являлися публікації функціонерів страхової справи. Так, голова правління Укрдержстраху В.М.Богословський показав

особливості становлення системи державного страхування в Україні протягом 1922 р. [36,С.52-56.] “З часу встановлення нової економічної політики, - наголошував він, - знову постало питання про створення страхового апарату: саме створення, а не відтворення, позаяк організаційні форми Радянського страхування не копіюють колишніх форм страхової справи. Цією новою формою і є форма державного монопольного страхування, яке, будучи позбавленим прагнення до вилучення прибутку, має вичерпну можливість обслуговувати безпосередньо нагальні інтереси населення, не лише рятуючи його від стихійного лиха, але і створюючи умови життя, що унеможливають саму можливість їх виникнення” [37,С.52.]. Оптимістичність, з якою він говорив про радянську страхову систему, була декларативною, але поняття “відновлення” та “відтворення” мали концептуальне значення для тлумачення початкового періоду її становлення. В.М.Богословський обстоював концепцію унітарного розвитку системи державного страхування, про що не раз писав в газетах [38], займався фактично її популяризацією та пропагандою [39].

Диспропорції в інтенсивності появи статей на сторінках періодичних видань за тематичним принципом свідчили про нехтування тією чи іншою проблемою. Наприклад, рубрика про теоретичні та прикладні питання страхування посів від градопобиття, тварин від падежу, кооперативного майна від втрат займала незначне місце серед публікацій. Про кооперативне страхування було опубліковано лише декілька матеріалів: стаття В.Гартунга про загальні принципи кооперативного страхування [40] та З.Лінденбрата про страхування майна кооперативних товариств [41,С.14-16.]. Незважаючи на певну упередженість державних службовців до інституту кооперативного страхування, зумовлену недоречностями в декреті від 6 жовтня 1921 р., виходила історико-теоретична література та інструктивно-нормативні матеріали. Зокрема, у 1924 р. було опубліковано звіт про діяльність Всеросійського кооперативного союзу за 1922-1924 рр., у якому викладено історію його створення [42]. У 1923 р. вийшли з друку дві брошури, які мали певний пропагандистський характер, але проливали світло на специфіку цієї організаційної форми страхування [43]. Вона мала більше опонентів, ніж прихильників, але діла в умовах повноцінного функціонування самої кооперативної системи, яка заявила про себе в сільському господарстві, кустарно-ремісничій промисловості.

У 1995 р. вийшов бібліографічний покажчик літератури з страхової справи, охопивши майже два століття [44], але період 20-х рр. представлений недостатньо вичерпно, тому що значна колекція книг репресованих авторів не повернулася зі сховищ колишніх органів цензури. Протягом 20-х рр. виходили монографічні дослідження та інструктивний матеріал: основні положення про організацію державного страхування [45], книга В.І.Серебровського про фінансово-економічну складову страхування [46], матеріали Всесоюзного з'їзду страхових працівників [47], інструкції агентам державного страхування [48], брошура В.Міндовського про шестидесятирічну історію сільського обов'язкового страхування [49], практичні рекомендації про ліквідацію збитків при окладному і додатковому страхуванні, підготовлені В.А.Морозовим [50], В.Малаховського про страхування майна

селянських господарств [51], В.К.Райхера про становлення та розвиток державного майнового страхування в СРСР [52], І.Личко про кооперативне страхування [53].

Наприкінці 20-х рр. система державного страхування перебувала в умовах згорання непу та формування чергової концепції глобальної соціально-економічної революції, якою стала колективізація сільського господарства. Інколи в матеріалах прикладного характеру з проблем державного страхування майна знаходилися аналітичні статті про стан тваринництва, його падіж та умови і принципи повернення страхових винагород [54]. Ідея класового підходу стосовно майнового страхування не була пріоритетною в літературі 20-х рр., особливо в працях справжніх теоретиків страхової справи. Вона почала виникати та оформлюватися наприкінці 20-х рр., проникаючи до інструктивних матеріалів з оподаткування селянських господарств. Зокрема, у 1929 р. вийшла книга про “методологію класового оподаткування майна, що підлягає обов’язковому сільському окладному страхуванню”, передумову до якої написав голова Укрдержстраху С.Мазлах [55]. Його оцінки відповідали новій революційній риторичній, яку диктувала партія, розпочинаючи радикальну соціалістичну реконструкцію народного господарства. Передмова, яка мала 17 сторінок, тобто майже повноцінна стаття, засвідчила новий етап чергової реорганізації системи державного страхування. Пропонувалося ліквідувати принцип добровільності страхування майна соціалістичного сектору, гарантійне страхування, усунути “Коопстрах” від страхових операцій, “...виправити та поглибити класову лінію в галузі обов’язкового сільського страхування” [56,С.3.]. Визначення мали категоричну форму, які стосувалися колишніх буржуазних “спеціалістів”, “...особливо із акційних страхових товариств дореволюційної доби, а ніяк не могли або не хотіли зрозуміти колосальну різницю та протилежність між соціально-економічною й політичною побудовою країни Рад, країни диктатури пролетаріату, та буржуазно-капіталістичним ладом” [57,С.4.]. Систему державного страхування майна в сільських районах чекали революційні перетворення. “В сучасний період реконструкції народного господарства, - наголошував С.Мазлах, - Державне Страхування мусить перетворитися в руках пролетарської держави на одну із підойм, що сприяє: з одного боку, переливанню коштів куркульських та заможних верств селянства до верств бідняцько-середняцьких для допомоги господарствам бідноти, а з другого боку – колективізації тих таки бідняцько-середняцьких верств селянства” [58,С.4.]. За цією класовою риторикою проглядалися принципи нової системи державного страхування на селі, позаяк масова колективізація змінювала об’єкт майнового страхування – приватне селянське господарство.

Проаналізувавши літературу та статті з теорії та частково історії становлення і функціонування радянської системи державного страхування 20-х рр., автор дійшла принципового висновку про органічний зв’язок державної страхової монополії з її одностайною інтерпретацією в контексті розвитку унітарності, централізації та єдності. Думки про альтернативну унітарної організаційної форми державного страхування не мали підтримки, хоча радянська система держстраху запозичила принципи і схему земських та акціонерних страхових організацій дореволюційної доби. Права і повноваження кооперативних страхових органів викликали нападки з

боку державних функціонерів лише тому, що виникла ілюзорна можливість якоїсь автономності і самодіяльності. Література мала переважно прикладний характер, а теоретичні праці переважали над історичними, бо тоді лише відбувалося формування самої системи, тобто історії радянської страхової справи. Виокремлювався з поміж інших напрямків правовий аспект проблеми, котрий стосувався прав і повноважень суб'єктів страхування. Основні теоретичні питання розробляли земські фахівці, учені-теоретики, які тривалий час займалися нормами, правилами, тарифами, принципами страхування майна. Історії виникнення радянської системи державного страхування, вони не написали, але долучилися до її становлення.

Джерела та література

1. Воблый К. Страховая монополия в Польше // Вестник государственного страхования (далі - ВГС). – 1923. - №9-10.
2. Пергамент М.Я. О декрете 6-го октября 1921 г. // ВГС. – 1922. - №5.
3. Рыбников С. Страховые общества и банки // ВГС. – 1923. - №13-15.
4. Розеноер С. Капиталистическое страхование // ВГС. – 1923. - №18.
5. Святловский В. Главнейшие достижения страхового дела в России // ВГС. – 1922. - №2.
6. Семенов М.И. По поводу книги акад. Воблого «Основы экономики страхования» // ВГС. – 1923. - №18.
7. Воблый К.Г. Основы экономики страхования, 2- перер. изд. – К.: «Коопстрах», 1923. – 256с.
8. Воблый К.Г. Основы экономики страхования. – М.: Изд. центр «Анкил», 1995. – 228с.
9. Там само.
10. Чайнов А.В. Кооперативное страхование скота /Александр Васильевич Чайнов. – Х., 1912. – 79с.
11. Ефремов Д. Вехи государственного страхования // ВГС. – 1922. - №1.
12. Там само.
13. Ефремов Д. Первые шаги государственного страхования // ВГС. – 1922. - №2.
14. Там само.
15. Ефремов Д. Основные вопросы государственного страхования // ВГС. – 1924. - №8.; Его же. 11 ноября 1924 года // Там само. – 1924. - №23.
16. Ефремов Д. 11 ноября 1924 года
17. Пергамент М. К вопросу о государственном имущественном страховании // ВГС. – 1922. - №2. ; Наше государственное страхование и концессионер-иностранец // Там само. - №8-9; Институт государственного имущественного страхования в РСФСР // Там само. - 1923. - №1-2; Еще к вопросу о юридической природе страхования // Там само. - №21; В праве ли иностранные общества назначать агентов и принимать страхование на территории СССР? // Там само. – 1924. - №1.
18. Пергамент М. К вопросу о государственном имущественном страховании..
19. Там само.
20. Мен Е. Вопросы права и государственного страхования // ВГС. – 1922. - №1; Обязательное страхование государственных имуществ // Там само. - №2; Положение о Главном Правлении Государственного Страхования // Там само. - №11-12; Юридическая природа страхового договора по законодательству РСФСР // Там само. - 1923. - №7-8; Договор страхования жизни по правилам Госстраха // Там само. - №18; Его же. Государственное страхование имущества сельского хозяйства. Практический комментарий / Е.М.Мен. – М.: ОГИЗ, 1931. – 192с.
21. Мен Е. Страхование государственных имуществ // ВГС. – 1922. - №7.
22. Мен Е. Положение о Главном Правлении Государственного страхования...
23. Рыбников С. Союзная конституция и страхование // ВГС. – 1923. - №1-2.
24. Рыбников С. Юридическая природа взаимоотношений сторон в обязательном страховании // ВГС. – 1923. - №11-12; О доверии к государственному страхованию // Там само. - №3-5; Итоги и перспективы государственного страхования // Там само. – 1924. - №8; Перестрахование при монопольной организации // Там само. – 1923. - №7-8.

25. Словарь страховых терминов / Под ред. С.А.Рыбникова и В.С.Гохмана / С.А.Рыбников. – М.: Изд-во ГПГС,1925. – 145с.
26. Рыбников С.А. Страховое дело / Сергей Александрович Рыбников. – М.: «Мысль печатника»,1929. – 58с.
27. Рыбников С. Положение о государственном страховании // ВГС. – 1925. - №20.
28. Перепелкин Е. Положение о государственном страховании и отчисления на меры превенции и репрессии // ВГС. – 1925. -№23-24.
29. Александрович В. К вопросу о реконструкции местных органов Госстраха
30. Розеноер С. Организация страховой пропаганды // ВГС. – 1923. - №24-25; О страховом плакате // Там само. – 1924. - №3-4; Капиталистическое страхование // Там само. - №18; Идея государственного страхования за границей // Там само. – 1922. - №2.
31. Розеноер С.М. Страховой справочник (огневое, транспортное и личное страхование / Соломон Моисеевич Розеноер. – М.: Фин. изд-во НКФ СССР,1925. – 134с.
32. Розеноер С.М. Д.И.Ефремов и совесткое страхование / Сост. С.М.Розеноер. – М.: ГПГС,1925. – 36с.
33. Там само.
34. Поморцев Е. К организации сельской агентуры // ВГС. – 1922. - №8-9; Реконструкция агентского аппарата Госстраха // Там само. – 1923. - №18; Реконструкция местных органов Госстраха в связи с районированием СССР // Там само. – 1923. - №22-23; Аппарат Госстраха и областное районирование // Там само. – 1924. - №5-6.
35. Разумов С. Реконструкция местных органов Госстраха (к проекту Е.П.Поморцева) // ВГС. – 1924. - №2.
36. Богославский В.Н. Государственное страхование на Украине // Финансовый Вестник. – 1922. - №9.
37. Там само.
38. Богословский В.Н. Основы организации государственного страхования // Экономическая жизнь. – 1922. – 27 июня.
39. Богословский В. Памятка колхознику по страхованию.- Новосибирск: ОГИЗ,1931. – 50с.
40. Гартунг В. Кооперативное страхование // ВГС. – 1923. - №7-8.
41. Линденбратен З. Страхование имущества кооперативов // ВГС. – 1922. - №1.
42. Всероссийский кооперативный страховой союз в 1924 г. Отчет за 1924 год с кратким обзором деятельности союза за 3-х летие 1922-1924 гг. С табл. и диаграм. – М.: Центр. т-во «Кооперативное изд-во»,1925. – 96с.
43. Матвеев Н.Г. Кооперативное страхование в прошлом и настоящем / Н.Г.Матвеев. – М.: Изд. «Центросоюза»,1923. – 46с.; Кооперативное страхование. – М.: Всерос. коопер. страх. союз,1923. – 33с.
44. Библиографический указатель литературы по страховому делу 1800-1995 / Науч. ред. Л.И. Рейтман. – М.: ЮКИС,1995. – 300с.
45. Основные положения организации государственного страхования. Доклад Всероссийского Исполнительного Комитета Советов. – М.:ГПГС,1922. – 23с.
46. Серебровский В.И. Страхование / В.И.Серебровский. – М.: Финансовое издательство НКФ СССР,1927. – 144с.
47. Всесоюзный съезд страховых работников. Труды, 11-25 марта 1925 г. – М.,1925. – 194с.
48. Инструкция агентам государственного страхования. Раздел IX-XI. – М.: Изд. ГПГС СССР,1926. – 39с.
49. Миндовский В. Шестдесят лет сельского обязательного страхования / В.Миндовский. – М.: ГПГС,1927. – 24с.
50. Морозов В.А. Руководство по ликвидации убытков в окладном и дополнительном страховании от огня / В.А.Морозов. – М.: ГПГС,1926. – 96с.
51. Малаховский В. Страхование крестьянского имущества. – Л.;М.: ГИЗ,1925. – 48с.
52. Райхер В.К. Государственное имущественное страхование в СССР / Под ред и с предисловием М.Я.Пергамента. – М.: Известия ЦИК СССР и ВЦИК,1924. – 124с.
53. Личко І. Що таке кооперативне страхування та як ним користуватись? / Іван Личко. – Х.:Книгоспілка,1928. – 96с.

54. Материалы по страхованию сельско-хозяйственных животных. – М.: Издание Финиздата НКФ СССР, 1927. – 168с.
55. Угрунтування та методологія клясового оподаткування майна, що підлягає обов'язковому сільському окладному страхуванню та матеріали щодо реорганізації державного страхування. – Х.: Видання ЦСу УСРР, 1929. – 64 с.
56. Там само.
57. Там само.
58. Там само.

Латышева Е. В. История становления советской системы государственного страхования. Освещение в историографических источниках и литературе 20-х годов / Е.В. Латышева // Ученые записки ТНУ. Серия: История. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 97-105.

В этой научной работе наиболее важным является выявление теоретическо-методологических подходов ученых и практиков тех лет относительно характеристики феномена социального института государственного страхования, обоснования ими необходимости и направленности проведения государственной монополии страховой дела.

Ключевые слова: источники, литература и статьи, публикации, информативное наполнение, концептуальные оценки.

Latysheva E.V. The History of Formation of Soviet System of State Insurance. Coverage in Historiography Sources and Literature of 1920's / E.V. Latysheva // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 97-105.

The importance of this research consists in finding out of theoretical and methodical approaches of scientists and practical workers of those years in relation to description of the phenomenon of social institute of state insurance, grounded by them, and necessity and expedience of introduction of government monopoly of insurance business.

Keywords: sources, literature and articles, publications, informational filling, conceptual estimations.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК:94 (477)(=112.2) «192/194»

КЛУБНІ ЗАКЛАДИ В СИСТЕМІ ПРОСВІТИ НІМЦІВ

КРИМУ 20-30-Х РР. ХХ СТ.

Задерейчук І.П.

Кримській юридичний інститут Одеського державного університету внутрішніх справ, Україна

Розглядається роль клубних закладів у системі просвіти німців Криму. Проаналізовано основні причини їх створення, динаміку розбудови мережі та основні види діяльності.

Ключові слова: заклади культури, німці Криму, просвіта, радянська влада.

Розбудова Української держави тісно пов'язана з відродженням національної культури не лише українців, але й численних етнічних груп, які втратили свою самобутність в умовах тотальної русифікації ХХ ст. Шлях до відновлення духовності є складним й пов'язаний з низкою проблем: мізерне державне фінансування, відсутність приміщень, розкол у середині самих національно-культурних товариствах тощо. Важливу роль у відродженні культури мають відіграти будинки культури різних типів. Вони повинні стати однією з ланок у процесі відтворення національної самобутності національних меншин.

Мета статті – привернути увагу влади й громадськості до клубних закладів як важливого елементу у відродженні культури кримських німців, а також та інших етнічних груп. Тому необхідно, з'ясувати причини відкриття клубів, прослідкувати динаміку розвитку мережі, дослідити основні напрямки їх діяльності, виявити, яку нішу вони займали у системі просвіти німців Криму.

Для усвідомлення місця та ролі німців в історії Криму періоду 20-30-х рр. ХХ ст. треба відмітити, що вони склали п'ятку за чисельністю етнічну групу після росіян, українців, кримських татар, євреїв. Станом на 1 січня 1935 р. у Криму проживало 44 723 німців. Найбільш компактно вони були представлені у Тельманському районі – 9006, Біюк-Онларському – 4134, Сакському – 3581, Сімферопольському – 3140, Ічкінському – 2976, Карасубазарському – 2397, Колайському – 2333, Ларіндорфському – 2313, Фрайдорфському – 2157, Євпаторійському – 1921, Ак-Шейхському – 1599, Старо-Кримському – 1334, Ленінському – 1100 [1, арк. 7].

Зі зміцненням радянського режиму у Криму відбувається активізація його наступу на традиційний уклад життя етнічних німців: активізується боротьба з німцями-куркулями, церквою й у цілому з національним світоглядом. Саме на прищеплення нових радянських цінностей й була направлена робота відділів пропаганди при районних й обласному комітеті комуністичної партії КАРСР. Важливе місце відводилося створенню розгалуженої мережі клубних закладів у місцях з компактним проживання національних меншин. Можливість втілити ці плани на практиці з'явилися по завершенню колективізації на півострові на початку 30-х рр. ХХ ст. Влада використовувала клуби для розширення свого впливу серед німців, а також формування у них «нової» політичної свідомості відповідно до завдань соціалістичного будівництва [2, с. 306]. Саме клуби, хати-читальні та

червоні кутки стали головними центрами поширення просвіти серед населення Криму.

У 20-х рр. у КАССР розбудова мережі закладів культури у місцях компактного проживання німців відбувалася повільно. Станом на середину 1926 р. у республіці існувало лише 9 хат-читалень і 16 червоних кутків [3, с. 78]. На кінець 1926 р. діяло 12 хат-читалень і 36 червоних кутків у місцях компактного проживання німців, загалом нараховувалося 21 хата-читальня та 48 червоних, які обслуговували національні меншини [4, с. 19.]. У 1935 р. ситуація мала наступний вигляд [5, арк. 19].

Табл. 1.

Обслуговування населення КАССР закладами культури.

Тип клубних закладів	росіян	татар	німців	євреїв	вірмен	болгар	греків	українців
колгоспні клуби	167	155	58	25	9	8	3	2
колгоспні червоні кутки	96	46	25	17	2	4	1	-
політико-просвітницькі бази	16	9	1	5	-	-	-	1
Усього	284	215	84	47	12	12	5	3

Отже, радянська влада спромоглася у стислий термін організувати розгалужену мережу закладів культури в місцях компактного проживання найбільш численних етнічних груп півострову. Особливої уваги заслуговують статистичні показники по німцям. У них підкреслюється, що цій етнічній групі влада приділяла значну увагу разом з кримськими татарами та євреями, на відміну від українців. Досягнутий успіх пояснюється відносною компактністю проживання німців й можливістю пристосувати під клуби будинки розкуркулених односельців.

Ситуація з розбудовою мережі клубних закладів у місцях компактного проживання німців станом на 1 листопад 1937 р. була така: Тельманський район – 9 клубів; Кіровський – 6; Біюк-Онларський – 5; Джанкойський та Сакський по 4 клуби в кожному; Сімферопольський, Зуйський та Фрайдорфський по 3 відповідно [6, арк. 10-105]. Усі клуби діяли у селах, де німці становили більшість населення.

На території КАССР з 1930-1935 р. існував Біюк-Онларський німецький національний район, а у 1935 р., у наслідок розкрупнення, на його базі було створено Тельманський німецький національний район. У цих двох районах також проводилася активна робота з організації розгалуженої мережі клубних закладів. Так, 1 жовтня 1940 р. у Біюк-Онларському районі функціонувало 36, а у Тельманському районі 32 клуби [7, арк. 13-52]. Вони знаходилися у всіх селах, що входили до складу районів. Тобто можна говорити про 100% охоплення німців клубними закладами, схожа ситуація спостерігається й у інших регіонах республіки. Подібний висновок можна зробити на підставі аналізу статистичних матеріалів наведених нижче у таблиці.

Культурні заклади станом на 1 січня 1940 р. [8, арк. 30]

Назва району	Хати-читальні	Сільські клуби	Колгоспні клуби
Біюк-Онларський	7	10	14
Джанкойський	16	17	36
Євпаторійський	7	11	18
Зуйський	8	1	16
Сакський	13	14	10
Сімферопольський	23	1	18
Тельманський	18	11	31

Таким чином, у районах, де німці склали значний відсоток населення, була організована розгалужена мережа просвітницьких закладів клубного типу. В окремих селах відкривалися будинки культури. Станом на 1 січня 1941 р. вони вже існували у Біюк-Онларі, Тельмані, Джанкої, а також у колгоспі П'ятирічки, який знаходився у Тельманському районі с. Наймані де німці переважали [9, арк. 113].

Клуби, які функціонували у кримських селах, здійснювали свою просвітницьку діяльність шляхом організації різноманітних гуртків, бібліотек, читання тематичних лекцій, театральних вистав, організації прослуховування радіопередач і проведення кіносеансів. Ці напрямки діяльності культурних закладів стали пріоритетними у 20-30-х рр. ХХ ст.

Для проведення окреслених видів культурно-просвітницьких заходів потрібно було мати відповідні приміщення. Ця проблема постала одразу після встановлення радянської влади на території півострову. Адже у дорадянський час у німецьких селах не було спеціальних будівель для клубів. Роль останніх виконували церкви та школи, бо саме на релігійне виховання була направлена їх діяльність. Більшовики знайшли вихід зі складної ситуації у пристосуванні різних приміщень під клуби. Уже в 1921 р. на засіданні німецької секції при обласному комітеті розглядалося питання про можливість передачі кращих будинків, у яких проживали куркулі, для потреб культпросвіти [10, арк. 89]. Якщо у 20-ті та на початку 30-х рр. ХХ ст. влада пішла саме таким шляхом, то вже у другій половині 30-х рр. ХХ ст. простежується тенденція щодо будівництва спеціальних приміщень: у яких, як правило, існував актовий зал, а також кімнати для роботи гуртків, бібліотек тощо.

У великих колгоспах і районних центрах з компактним проживанням німців функціонували актові зали розраховані у середньому на 200-400 місць. Наприклад, у Біюк-Онларі актовий зал мав 230 місць, Тельмані й у колгоспі «П'ятирічка» - 300 місць [9, арк. 113]. У 1937 р. майже в усіх клубах КАСРР, де застосовувалася німецька мова, існували актові зали [6]. У Тельманському районі на 1 жовтня 1940 р. у 30 з 32 клубів існував актовий зал, у 18 були кімнати для клубної роботи, 16 клубів мали бібліотеку [7, арк. 58].

Отже, у більшості колгоспів діяли культурні заклади, які мали приміщення для проведення просвітницької роботи. Саме клуби стали центрами проведення зустрічей з місцевими жителями. Під час масових зібрань селяни прослуховували просвітницькі бесіди й тематичні лекції. Наприклад, в 1940 р. у Спатському будинку культури було проведено 11 бесід, присвячених антирелігійній тематиці, й 18 з

сільського господарства. У Тельманському районному будинку культури в 1940 р. проведено 84 бесіди на суспільно-політичну тематику з охопленням 19580 осіб, 6 – на антирелігійну тематику з охопленням 3408 осіб [11, арк. 108-159].

Водночас протягом 20-х, а особливо 30-х рр. ХХ ст., саме боротьба з релігією стала одним із головних напрямів діяльності клубів у місцях компактного проживання німців-лютеран, католиків і менонітів. Красномовним є приклад Тельманського району, коли навіть у 1940 р. держава посилено вела роботу направлену проти церкви. Цього року в районі було організовано 88 ячеек Союзу воюючих безбожників і залучено до членства 2856 осіб; було проведено 207 антирелігійних бесід, доповідей, лекцій з охопленням 13566 осіб, з них 13 лекцій було прочитано лекторами Московського планетарію, 92 лекції прочитали лектори районного Союзу, а решту – учителі та інша інтелігенція безпосередньо на місцях у колгоспах [12, арк. 49]. Наведений приклад свідчить, що німці, незважаючи на репресії 20-30-х рр. ХХ ст., продовжували зберігати свої релігійні переконання. Саме цим можна пояснити таку активну пропаганду держави, яка продовжувалася навіть у 1940 р.

Поряд з бесідами на антирелігійну тематику чимала кількість лекцій присвячувалася різним історичним і політичним датам, обговоренню важливих подій у державі. Для ілюстрації доцільно буде навести тематику бесід, проведених у Найманському сільському клубі на честь жовтневих свят: «Герої визволення Криму від білих», «Про три Сталінські соціалістичні п'ятирічки та їх значення для розвитку соціалістичного господарства», «Наш колгосп до дня 20-річчя» [12, арк. 2-6].

Але не лише тематичні лекції переважали у діяльності клубів. Вагома роль відводилася організації різноманітних агітбригад, до складу яких входили тематичні колективи. Наприклад, при Тельманському районному будинку культури в 1940 р. було створено агітбригади з драматичним колективом, духовим і струнним оркестрами. Силами цих колективів під час жнив було проведено збори з трактористами та комбайнерами з охопленням 540 осіб; прочитано 5 лекцій на різні теми, що прослухало 863 осіб [13, арк. 41]. Такі види діяльності клубів, як читання лекцій, проведення тематичних бесід насамперед було розраховано на охоплення якнайбільшої аудиторії німців. Наведені матеріали підкреслюють, що масова робота була одним з головних напрямків діяльності районних і сільських клубів. Мета такої масштабності полягала в закріпленні у свідомості населення нової ідеології й водночас не допущення будь-яких інших виступів, що йшли у розріз з генеральною лінією партії.

Також чільне місце в діяльності клубів посідала робота гуртків. При німецьких сільських клубах функціонували гуртки наступних напрямків: театральні, хорові, агротехнічні, війни та оборони, музичні, фізкультурні, з політичних та антирелігійних питань тощо. Зокрема, у сільському будинку культури села Німецький-Джанкой Тельманського району станом на 1940 р. діяло 8 гуртків, які відвідувало: з політичних питань – 39 осіб; антирелігійний – 16 осіб; агротехнічний – 24 особи; загальноосвітній (географія, література тощо) – 14 осіб; 42 особи відвідувало військовий та оборонний гурток; 16 осіб – театральний, 11 – осіб

оркестровий та 15 осіб –хоровий. Інший сільський клуб у селі Ней-Лібенталь Тельманського району мав 4 гуртки. Зокрема, присвячений антирелігійній роботі – відвідувало 13 осіб, 10 працювало в агротехнічному, військовий та оборонний нараховували 16, а театральний 11 осіб відповідно. Проте найбільш показовим у Тельманському районі продовжував залишатися сільський клуб у с. Найман. Станом на 1940 р. в ньому працювало 20 гуртків: 4 з політичних питань, який відвідувало 95 осіб; антирелігійних 2 гуртки – 32 осіб; агротехнічний – 24 особи; загальноосвітній (географія, література тощо) – 5 осіб; 6 гуртків, військових та оборонних, відвідувало 103 особи; театральний – 14 осіб; оркестровий – 28 осіб; хоровий – 18 осіб; фізкультури – 33 особи; ще 2 гуртки відвідувало 47 осіб [11, арк. 168 – 172]. Наведені дані підкреслюють різноманітність гуртків, що діяли у місцях компактного проживання німців. Але перевага надавалася антирелігійним, агротехнічним, театральним і хоровим гурткам, а також гуртку, що готував юнаків і дівчат до майбутнього захисту держави. Разом з тим наведена статистика стосується насамперед найбільш успішних клубів, в яких робота була організована на належному рівні. Водночас у доповідних відповідальних працівників з питань антирелігійної та культурно-просвітницької роботи у 1937 р. акцентується увага на проблемі відсутності у багатьох німецьких колгоспах гуртків – хорових і театральних [14, арк. 1-6].

Театральні гуртки, які діяли у колгоспах з компактним проживанням німців, час від часу проводили вистави. Наприклад, силами драмгуртка сільського клубу колгоспу «ім. П П'ятирічки» селище Найман Тельманського району було організовано святкування жовтневих свят. Програма передбачала перегляд уривку з п'єси М. Горького «На дне». У другому акті показували п'єсу, присвячену підпільній боротьбі більшовиків Ялти в 1920 р. Третій акт розкривав сучасне життя прикордонників. Такий репертуар за задумом керівника театального гуртка мав у одній виставі шляхом об'єднання трьох епох показати якісні зміни, що відбулися в роки радянської влади. Другий день свят був цілковито присвячений сталінській національній політиці. Зокрема, відбувся виступ колгоспного ансамблю на тему «Дружба народів СРСР». На третій день відбулися народній гуляння, танці, виступи гімнастичного гуртка й проведено військові змагання [13, арк. 2-6]. Наведений приклад підкреслює, що влада активно використовувала клубні заклади для формування нового світогляду серед німецької етнічної групи.

Велика увага у клубній роботі приділялася наочній агітації, що була частинної політичної та партійної просвіти німців. У клубах наочна агітація була представлена портретами керівників держави та видатних революціонерів (Сталіна, Молотова, Тельман, Калініна, Косіора й Постишева) і, гасла з Конституції, антифашистськими плакатами [15, арк. 8]. Також випускалися тематичні стінгазети. Вони були присвячені антирелігійній пропаганді, боротьбі за врожай, у цілому відображали побут і життя населення району, який обслуговував клуб. Стінгазети мітили політичний розділ і розділ хроніки [3, с. 84].

Однією з головних проблем діяльності клубних закладів стала відсутність відповідно підготовлених кадрів. Радянській владі протягом 20-30-х рр. ХХ ст. не вдалося організувати підготовку спеціалістів для клубної роботи. Керівниками

гуртків як правило були люди, які не мали спеціальної фахової освіти. Наприклад, гурток з агрономії очолював місцевий агроном, драмгуртки – активісти-селяни [3, с. 82]. Значна увага приділялася якісній підготовці агітаторів-лекторів. Вони мали доносити до свідомості німців нову ідеологію, формувати «радянську людину». Зокрема, у 1939 р. з метою якісної підготовки лекторів при районних будинках культури організовувалися агітбригади, створювалися міські та районні лекційні бюро, що дозволило підготувати актив для читання лекцій з районної та сільської інтелігенції. Така увага влади до просвітницьких лекцій пояснювалася тим, що саме лекційна робота мала стати сильним важелем у справі комуністичного виховання трудящих, сприяти подоланню пережитків капіталізму у свідомості людей, мала підвищувати культурно-просвітницький рівень. До проведення лекційних занять залучалися особи, що мали вищу освіту або належали до партійного активу. Влада вважала, що такий підхід забезпечить покращення якості лекцій та підвищить інтерес з боку населення до тем, які розглядалися на лекціях [11, арк. 52].

Таким чином, становлення радянської влади у Криму супроводжувалося не лише докорінними змінами у соціально-економічних відносинах, але й посиленою боротьбою з церквою та формуванням нових ідеологічних цінностей. Головна роль у поширенні радянської ідеології відводилася клубним закладам, які були культурно-просвітницькими центрами на місцях. Хоча відкриття хат-читалень, клубів в місцях компактного проживання німців в 20-х рр. відбувалося повільно. Такий стан справ свідчить про небажання німців підтримувати новий вид культурних закладів, а також про відсутність у влади реальних засобів для будівництва їх розгалуженої мережі. Лише після проведення суцільної колективізації з'явилася можливість забезпечити усі населені пункти клубними закладами.

Завдяки створенню клубів у місцях компактного проживання німців вдалося організувати серед них роботу. Вона здійснювалася шляхом читання тематичних лекцій, проведення гурткової роботи, перегляду театральних вистав, випуску стінгазет.

Саме клуби, поряд зі школою, стали головними центрами радянської політико-просвітницької роботи серед німців. Напрямки й тематика їх роботи були направлені перш за все на знищення традиційного способу життя сформованого протягом багатьох століть. Радянська влада використовувала ці заклади культури для боротьби з духовністю, куркулями та виховання у німців Криму нового світогляду.

Перелік використаних джерел і літератури.

1. ДААРК, ф. Р-663, оп. 16, спр. 84.
2. Солодова В.В. Одесский немецкий рабоче-колхозный театр: истоки и становление // Немцы Одессы и Одесского региона. – Одесса: «Астропринт», 2003. – С. 306 – 318.
3. Резников И.Э. Работа изб-читалень и ликпунктов в Крыму // Пути Коммунистического просвещения. – 1926. – №6-7. – С. 78 – 87.
4. Балич У. Народное образование КАССР к 10-летию октябрьской революции // Пути коммунистического просвещения. – 1927. – №9-10. – С. 14 – 20.
5. ДААРК, ф. Р-219, оп.1, спр. 1758.
6. ДААРК, ф. Р-219, оп.1, спр. 1791.
7. ДААРК, ф.Р-219, оп. 1, спр. 1853.
8. ДААРК, ф. Р-219, оп.1, спр. 1851.

9. ДААРК, ф. Р-219, оп.1, спр 1854.
10. ДААРК, ф.П-1., оп.1., спр. 105а,
11. ДААРК, ф. Р-20, оп. 10., д.219.
12. ДААРК, ф. Р-20, оп. 7, спр. 32.
13. ДААРК, ф. Р-20, оп. 1, д. 36.
14. ДААРК, ф. П-1, оп. 1, спр. 1812.
15. ДААРК, ф. П-1, оп.1, спр. 1805.

Zadereichuk I.P. Clubs buildings in a system of enlighten deutch in Crimea in 20-30-x XX century/ I.P. Zadereichuk // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 106-112.

Looked the role of clubs enlighten in a system of deutch of Crimea. Analyzed main matter of their creation, dynamic upgrade of the network and main types of their development.

Key words: Cultural buildings, deutch of Crimea, Librarys, enlight, Soviet domination.

Задерейчук И.А. Клубные учреждения в системе просвещения немцев Крыма в 20-30-х гг. XX ст. / И.А. Задерейчук // Ученые записки ТНУ. Серия: История. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 106-112.

Рассматривается роль клубных учреждений в системе просвещения немцев Крыма. Проанализировано основные причины их создания, динамику развитие сети и виды их деятельности.

Ключевые слова: культурные заведения, немцы Крыма, просвещение, советская власть.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 0.25.2 «1920/1934» (477.75)

СПРАВОЧНАЯ РАБОТА БИБЛИОТЕК КРЫМА В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Назарчук Т. Б.

*Крымский университет культуры искусств и туризма, Украина
E-mail: apple@mail.ru*

В статье обоснована необходимость развития и совершенствования справочной работы в библиотеках Крыма в 20–30-е годы XX века. Раскрыты основные формы работы с читателями. Освещена деятельность крымских библиотек в этом направлении.

Ключевые слова: библиотеки, справочная работа, справочно-библиографическое обслуживание, читатель, библиография, библиотечные каталоги, картотеки, библиографические справки, справочные пособия.

К концу декабря 1920 года на территории полуострова насчитывалось 34 библиотеки. К июню 1921 – 84, а к концу года – 137 библиотек и 120 изд-читален [1, с. 51]. Б. А. Смирнова, главный библиограф Морской библиотеки в Севастополе в 1921 году, вспоминала: «Перед библиотеками встали большие серьезные задачи: мы должны были принять нового читателя. Он требовал иной литературы и новых форм обслуживания» [2, с. 20].

Первоочередной задачей было восстановление и организация книжных фондов. Необходимо было удовлетворить возросший спрос на книги. Требовалось привести в порядок все имущество библиотек, создать новые каталоги и картотеки, восстановить старые, в большинстве своем серьезно пострадавшие в годы Гражданской войны. Одной из причин, срывающих плановую работу библиотек, были их частые переброски из одного помещения в другое. В результате колоссальная утечка книжного имущества, невозможность полной обработки оставшихся книг. В подобной ситуации справочно-библиографической работе время практически не уделялось. «Каталоги в очень немногих библиотеках заведены. Причина тому: отсутствие материала и времени, а также и то, что подписчики не обращают внимания. Конечно, наши подписчики легче обращаются к библиотекарю с просьбой указать книгу, но надо приучать их пользоваться каталогами» [3, с. 74].

Библиотекам Крыма в срочном порядке необходимо было приступить к организации справочного обслуживания читателей. «Работа эта требует и энергии и любви и дает удовлетворение тем, кто не по-чиновничьи относится к своей работе» [4, с. 75]. Но напряженная социально-политическая и экономическая ситуация в стране не позволили в максимально короткие сроки наладить работу. Библиографическое обслуживание всегда было неотъемлемой функцией библиотеки как информационного учреждения. Справочно-библиографический аппарат – это прежде всего совокупность традиционных справочных библиографических изданий, библиотечных каталогов, используемых при обслуживании читателей. Формирование подобного аппарата стало первоочередной задачей для библиотек Крыма в начале 20-х годов XX века.

К этому моменту крупнейшей библиотекой полуострова являлась Областная центральная библиотека в городе Симферополе. Начало ее организации относится к

ноябрю 1920 года. К ней были присоединены районные библиотеки «Гумановская» и «Просвещение». 7 ноября 1921 года в годовщину революции была открыта читальня, с января месяца 1922 года планировалось открытие остальных залов библиотеки. Но с «наступлением лета работа замерла. Когдаходишь в библиотеку, то невольно бросается в глаза вялость сотрудников, какое-то подавленное настроение. Работа движется, но не хватает живого нерва, того нерва, который так необходим, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. А объясняется это просто – сотрудники голодают. Вот уже с января месяца им не выплачивается жалованье» [5].

Тем не менее, в библиотеке было организовано «Справочное бюро». Сотрудники всеми силами «шли навстречу различным вопросам публики по книжной части; для вопросов имеется в зале библиотеки особый ящик. Также библиотека стремится с другими однородными учреждениями Крыма и в ней можно получить сведения имеется ли нужная литература в Ялте или Евпатории» [6]. Центральная областная библиотека впервые проделала в Крыму подобную работу. «Началось все дело с объяснения непонятных слов, встречающихся в книгах. Отвечали и устно и письменно на специально вывешенных листах. Некоторые слова требовали день-два для подыскания им точного объяснения. Затем стали задаваться вопросы и реального характера, заставившие библиотеку связаться с некоторыми учреждениями и записаться от них уставами, положениями, просто адресами и телефонами, так как вопросы были, например, такого характера: «Как можно записаться в пионеры?». Затем появились вопросы и библиографического характера с просьбой указать систематический список книг по тому или иному вопросу. И, наконец, вопросы так называемого текущего момента в роде: «В чем сущность троцкизма?». Пришлось к ответам привлекать тех или иных специалистов, обращаться просто к местным работникам соответствующих специальностей» [7, с. 75].

Большое значение для развития библиотечного дела имели проводившиеся в 20-е годы библиотечные съезды и конференции. На них были решены многие спорные вопросы, обоснованы ведущие положения, намечены пути дальнейшей научно-исследовательской работы в этой среде. Особая роль в формировании библиотечной теории, упорядочении справочно-библиографической работы Крымских библиотек принадлежит Первому библиотечному съезду РСФСР (1 – 7 июля 1924 года). Съезд опирался на фундаментальные принципы библиотечного строительства, сформулированные В. И. Лениным. В материалах съезда всестороннее обоснование получили принцип партийности, ленинское положение о положительном характере библиотечной работы; принцип взаимосвязи деятельности массовых и научных библиотек. Документы съезда содержат богатый материал для анализа развития теоретических основ руководства чтением, изучения читательских интересов, формирования библиотечных фондов, построения единой системы библиотечного обслуживания, формирования единых каталогов и принципов выдачи справок на запросы читателя [8, с. 60].

С этого момента в библиотечной работе постепенно стала выдвигаться на первый план так называемая «справработа». Обычные формы пропаганды книги-

плакаты, выставки – стали будничным явлением, «приелись» читателю, результат перестал оправдывать труд, потраченный на эти формы политпросветработы.

В решениях съезда 1924 года ощущалась «огромная потребность в справочной работе, но не всеми еще осознана та огромная роль, какую может сыграть справработа в деле приближения библиотеки к массам, а также в деле всего строительства СССР. Правда, иногда раздавались еще голоса против ведения этой работы, в библиотеке потому, что в них нет достаточно литературы, что у библиотекарей нет навыка, нет знаний. Смущаться этим нельзя. Мы знаем, что для высокой политпросветработы наши библиотеки слабы, но все же работа эта как-то проводится в них. Начать работу надо с того количества книг, какое имеется. На самой работе библиотекарь будет учиться, и пополнение библиотеки нужными книгами пойдет быстрее и целесообразнее под давлением начатой работы. Связь с крупными библиотеками и с различными учреждениями помогут библиотекарю выходить из затруднительного положения» [9, с. 59].

Потребность в справочной работе в духе времени объяснялась следующим образом: «1) сложностью жизни, 2) сменой законов и учреждений, 3) ломкой старых взглядов, 4) малограмотностью масс и их потребностью искать удовлетворения своих запросов в клубе и библиотеке, 5) переходом к реконструкции всего хозяйства. Отвечая на вопросы политики, экономики, на вопросы религиозные, производственные, международные, разъясняя законы, составляя жалобы и заявления – справработа этим самым приобщает население к новому строительству, способствует поднятию производительности труда, улучшает хозяйство СССР, помогает переходу на новый быт, борется с бюрократизмом, служит прекрасным средством профпропаганды. Не надо забывать и общеобразовательного значения справработы: библиотекарь может не только дать ответ, но и порекомендовать книгу, чем расширит знание спрашивающего; объяснением непонятных слов – обогащается его язык; при помощи библиографических – справработа руководит чтением его и т. д.» [10, с. 41]. Учитывая это, XIII Съезд РКП(б) происходивший в мае 1924 г., уделивший большое внимание политпросветработе, признал, что самой важной работой в библиотеке должна быть справработа. Важнейшей задачей для библиотечного дела СССР стало проведение и упрочение справочной работы во всех сельских и городских библиотеках.

Библиографу, работавшему в библиотеке в 20–30-х годах XX века, необходимо было познакомиться с основными типами справок, с формами справработы, видами справок, перечнем и качеством наиболее нужных справочников, организацией справработы и ее учетом. К основным типам справок рассматриваемого периода можно отнести следующие: 1) индивидуальные, представляющие интерес для отдельного лица, 2) массовые, необходимые целому коллективу, группе лиц, 3) смешанные. Каждый тип справок имел свои формы работы. Индивидуальные справки: 1) тетрадь вопросов и ответов, 2) письменная справка на карточке, 3) устная справка, 4) составление заявлений и жалоб. Для массовых справок были характерны следующие формы: 1) выступление справочного характера на собраниях, 2) плакатные справки, 3) световые справки, 4) инсценированные справки, 5) чтение газет вслух. Смешанные справки: 1) вечера вопросов и ответов,

2) ответы на вопросы после докладов и лекций, 3) доска вопросов и ответов. Наиболее простыми и удобными формами справработы, доступными как клубным, так и политпросветским библиотекам, являлись: 1) тетрадь вопросов и ответов; 2) доска вопросов и ответов; 3) устные справки.

Для «тетради вопросов и ответов» использовалась обычная общая тетрадь. Левая, сторона тетради служила для вопросов, правая для ответов, при чем номер ответа должен был совпадать с номером вопроса. Не менее удобной формой работы считалась «доска вопросов и ответов». «Достаточно было иметь лист александрийской или какой-либо цветной бумаги, наколоть ее на фанеру или же на доску и сверху сделать надпись: «О чем нас спрашивают?» или же другую соответствующую надпись; рядом привесить ящик, куда спрашивающий опускал записку с вопросом. Библиотекарь, вынимая вопросы, переписывал их, тут же давал ответ и прикреплял этот лист кнопкой на доске. Если справка представляла собой значительный интерес, то она могла оставаться на доске дольше, чем справка менее интересная для массы» [11, с. 61].

Устная справка предоставляла возможность пользоваться справками неграмотным лицам. «При таком близком общении с читателем является возможность учесть его знания и дать спрашивающему ответ применительно к уровню его развития» [12, с. 60]. Также необходимо было записать устный вопрос и ответ на него на карточку или в тетрадь. Отличной формой работы считались выступления на собраниях, вечерах вопросов и ответов.

Кроме того, существовали различные виды справок. Первая – это справка по существу. Она определяла какое-либо понятие, объясняла непонятное слово, справка юридическая, статистическая, справка, указывающая библиографию, точные адреса учреждений и т. д. Справки такого рода в большинстве случаев касались общественных вопросов. Статистическая справка должна была быть точной, с указанием источника, откуда взята данная цифра. Выдавая юридическую справку, необходимо было сослаться на соответствующий кодекс законов. Научная справка требовала не только определение, но и указание соответствующей литературы.

Иногда практиковались справки, «приглашающие для личной беседы, отсылающие к специалистам и справки-отказ». Часто прибегать к ним не рекомендовалось, но практика показала, что в сложившейся ситуации обойти их было невозможно. Возникали моменты, когда необходимо было выяснить ряд подробностей, когда у спрашивающего имелись «неправильные представления или идеологические уклоны». В таких случаях библиотекарь обязан был вызвать для личной беседы. Случаи неявки были, но крайне редко. Если справка требовала специалиста, то библиотекарь вынужден был отослать к нему. Отказ в справке практиковался только в случае полной невозможности дать какой-либо ответ. Справка должна была быть точной, понятной, конкретной, убедительной и, естественно, идеологически выдержанной.

Успех справочно-библиографического обслуживания читателей, оперативность и качество справок и библиографических изданий зависит от хорошо организованного справочно-библиографического аппарата библиотеки, от того,

насколько богата библиотека справочным материалом, от хорошо организованного библиографического поиска. В прошлом библиографы применяли термин «библиографическое разыскание» (еще в 1846 году вышла работа В. М. Ундольского «Библиографические разыскания»). Родоначальником теоретического осмысления этого явления традиционно принято считать Н. Ю. Ульянинского, который рассматривал «разыскание» как первый элемент любой библиографической работы, за которым следует описание, классификация материала. П. Н. Берков утверждал, что без библиографического разыскания невозможна никакая библиографическая работа, так создание любого библиографического пособия предполагает в качестве предварительного этапа разыскание и отбор материала.

Поиск информации в библиотеке практически невозможен без наличия необходимых справочных пособий. Значительную роль продолжали играть библиографические указатели, изданные в дореволюционный период. Основателем крымской исторической библиографии по праву может считаться известный российский библиограф-энциклопедист Г. Н. Геннади. В 1855-1856 гг. на страницах «Вестника императорского Русского географического общества» им был опубликован список зарубежных произведений о Крыме (XVIII – первая половина XIX века) [13]. В нем были указаны наиболее известные сочинения путешественников, которые были изданы европейскими языками. Важной составляющей этого списка является наличие аннотаций. Через десятилетие «Список сочинений о Крыме Г. Н. Геннади был опубликован на страницах авторитетного издания «ЗООИД».

В 1894, 1898 и 1902 гг. вышли в свет три издания универсального указателя печатных материалов о Крыме – «TAURICA», составленная А. И. Маркевичем [14], который и на сегодняшний день остается единственным универсальным библиографическим пособием среди крымоведческой литературы. Вся перечисленная в указателе литература о Крыме разделена на 12 больших разделов. В каждом разделе литература размещена в алфавитном порядке. Всего в указателе 10811 пронумерованных публикаций.

Значительную роль для удовлетворения крымоведческих интересов читателя играли указатели научных периодических изданий, на страницах которых преобладали сюжеты, связанные с историей Крымского полуострова. Важнейшим из изданий этой группы были «ЗООИД». Первая публикация содержания этого издания была предложена в 1870 году Ф. К. Бруном и охватывала 1844–1868 года [15]. После выхода в свет двадцати томов было издано справочное пособие, автором которого стал А. Л. Бертье-Делагард [16]. Указатели построены по хронологическому принципу, но отсутствовали алфавитный и систематический указатели.

Неоднократно делались попытки систематизации публикаций «ИТУАК». Первый печатный указатель содержания «Известий» был составлен Д. С. Спиридоновым [17]. Он охватывал содержание 40 номеров издания и был опубликован в 1908 году. Указатель представлял собой хронологическое описание статей без указания страниц.

Среди библиографов советского периода наиболее существенный вклад в дальнейшее развитие каталогизации опубликованного наследия по истории и этнографии народов Крыма внес В. В. Симоновский. В 1926 году был опубликован наиболее известный из его указателей «Библиография по Крымоведению» [18]. В справочник вошли наиболее известные работы о Крыме, изданные в 1917–1926 гг. (720 наименований). Значительное место занимают публикации на русском и крымскотатарском языках.

К наиболее массовым и распространенным справочникам в крымских библиотеках периода 20–30-х годов следует отнести следующие: справочники общего характера 1) всеобщий настольный календарь, 2) календарь и записная книжка рабочего, 3) спутник рабочего, 4) спутник гражданина СССР, 5) народное хозяйство СССР в цифрах, 6) политегловарь Эльцина, 7) словарь иностранных слов Левбег. Справочники политические: 1) календарь коммуниста, 2) памятка коммуниста, 3) памятка отпускника о работе в деревне, 4) словарь-справочник по истории рабочего движения, 5) программы ВКП и ВЛКСМ. Для успешной работы необходимо было иметь также кодекс законов о труде, уголовный, гражданский кодекс, налоговые справочники, жилищные, военные, по сельскому хозяйству, технические. Часть библиотек была снабжена библиографическими указателями: «Что надо читать по общественным наукам», «Беллетристика. на социальные темы», «Художественная литература на социальные темы», «Вестник книги». «Красный Библиотекарь» и др. От библиотекаря, вполне естественно требовалось знание этих справочников, знание литературы, имеющейся в библиотеке, а «главное – марксистское мировоззрение» [19].

Практически повсеместно возникали трудности с практической организацией справочной работы. Одной из важнейших проблем была нехватка помещений [20]. Часто отдел располагался в углу библиотеки, где концентрировалось все необходимое для справработы: книга или доска вопросов и ответов, необходимые словари и справочники, правила пользования справочными материалами, объявление, когда, и какие справки можно получить, какие специалисты дают справки.

Весомую помощь в работе оказывали учреждения и организации: ячейка ВЛКСМ, Женотдел, Культкомиссия, Инспекция труда, Нарсуд, а также организованный при справотделе кружок справработы, помогающий выполнять техническую работу, поддерживающий связь с учреждениями. Кроме своего справочного кружка, справотдел должен был иметь связь с другими клубными кружками, куда можно было отсылать заинтересовавшихся теми или другими вопросами. Необходимо было иметь точные адреса, часы приема соответствующих учреждений, куда могли быть направлены читатели с запросом.

Составной частью справочной работы являлся ее постоянный учет. Он позволял в полной мере выявить интересы читателей, определить необходимость приобретения той или иной литературы, того или иного справочника, выяснить необходимость лекций на интересующие большинство читателей темы. Для эффективной работы при выдаче справок отмечалось их содержание. Все справки заносили в тетрадь с соответствующими предметными рубриками. Так,

политическая справка вносилась в рубрику «политика», справка о труде – «труд» справка по литературе – «литература» и т.д. Такой учет позволял в полной мере ориентироваться самому библиотекарю при массовых справках.

Наиболее продуктивно справочную работу вели библиотеки города Симферополя. Только за время открытия читальни Областной центральной библиотеки (октябрь-март) выдано 240 справок (в книге вопросов и ответов) и дано определение 238 непонятным словам (на доске непонятных слов). Из 240 справок первое место принадлежит справкам политического характера (73), второе – вопросам литературы (25), третье – половой вопрос (20), четвертое принадлежит вопросам естествознания и математики (14), остальные – вопросом религии, искусства, вопросам медицины [21, с. 63].

За пределами центра справочно-библиографическая работа практически не велась, либо же ей уделялось внимание в очень ограниченном количестве. Работникам областных районных библиотек в первую очередь необходимо было справиться с огромным количеством самых разнообразных проблем, которые накопились к началу 20-х годов XX века. Так, в ведении Керченского Райполитпросветав в этот период находилось три библиотеки: Центральная и две районных (Пушкинская и Гоголевская). Детская Гоголевская библиотека при рассмотрении сметы на 1925–1926 г. была, несмотря на все принятые меры, снята с содержания и весной 1926 года была закрыта [22, с. 64]. Деревенской библиотечной сети в Керченском районе не существовало. Имелись лишь библиотеки при избах-читальнях. На первый план выдвинулись проблемы комплектования, снабжения, оборудования помещений. О справочной работе встречаются лишь отдельные упоминания, свидетельствующие о том, что «Керченская Центральная библиотека имела пользующиеся большим успехом каталоги из обложек и готовилась постепенно ввести альбомные предметные каталоги» [23, с. 66].

Определенную помощь работе справочно-библиографических отделов крымских библиотек оказывали избы-читальни. В 1924–1925 году их насчитывалось 119, в 1926 количество выросло до 146 и продолжало неуклонно расти далее. Справочная работа в большинстве изб-читален носила примитивный характер и заключалась в основном лишь в механической выдаче справок. Вечера массовой справочной работы, популярные в библиотеках, проводились только в некоторых избах Симферопольского, Керченского и отчасти Джанкойского районов. Иногда содержание справочной работы в избе-читальне выражалось в образовании справочных бюро, организации «справочных кружков» [24, с. 78]. Директивы о комплексной проработке кампаний и об участии в них кружков, справочных столов не выполнялись.

Справочная работа в избе-читальне подразделялась на следующие отрасли: 1) выдача справок по различным вопросам правового характера, 2) сбор необходимого законодательного, справочного и литературного материала 3) пропаганда. Наибольшее распространение в Крыму получила первая форма справочной работы, «что касается второй и третьей – собирание материала и правовая пропаганда, – то она имеет место только в незначительном количестве примерных изб, а именно: в

Сарабузе, Биюк-Онларе (Симферопольский район), Корбеклыном совете (Ялтинский район) и еще в двух-трех избах-читальнях. Справочные бюро также организованы только в 15-ти избах-читальнях Симферопольского и частично Керченского и Феодосийского районов». Источником для выдачи справок служил «Справочник для изб-читален», которым избы в 1926 году были снабжены практически повсеместно [25, с. 83]. Учет справочной работы показал, что в 20-х годах избы выдавали справки в основном по вопросам налогового обложения; землеустройства, сельскохозяйственной кооперации; трудового найма и аренды; семейного права. В среднем изба-читальня за месяц выдавала 20-25 справок [26, с. 82].

Перелом в организации библиотечного дела в СССР начался после того, как было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы» (30 октября 1929 года). В этом постановлении партия, признав состояние библиотечного дела неудовлетворительным, наметила меры к тому, чтобы «решительно перестроить библиотечную работу в соответствии в возрастающим ее положительным значением» и «превратить библиотеки в культурные центры, активно содействующие мобилизации масс на выполнение пятилетнего плана социалистического строительства». Партийным организациям, профсоюзам, наркомпросам союзных республик рекомендовалось расширять сеть библиотек и улучшать их материальное положение, привлекая к библиотечному строительству трудящихся. Постановлением было положено начало ряду государственных мероприятий по подъёму библиотечного дела в стране. Одним из них стала организация по примеру похода за культуру, за ликвидацию неграмотности и малограмотности, - библиотечного похода, похода за книгу, за библиотеку. Он должен был способствовать привлечению в библиотеки новых категорий читателей, организации широкой пропаганды литературы. Библиотечный поход начал активно развёртываться в стране с конца 1929 года, достигнув наивысшего размаха к середине 1930 года [27]. Во время похода улучшилась организация обслуживания читателей, большое применение получили такие формы, как передвижные библиотеки и книгоношество, массовая пропаганда литературы, в том числе и различные виды наглядной пропаганды, использовались как действенное средство привлечения специалистов библиотечного актива. С этого момента справочная работа полностью была подчинена идеологическому аппарату страны. «Всякая справка теперь должна была служить средством пропаганды марксизма и ленинизма, пропаганды политических, экономических и др. сведений в целях построения могущественного социалистического государства» [28].

Выполняя решения партии, партийные, профсоюзные организации и органы народного образования в союзных республиках провели в начале 30-х гг. большую работу по перестройке библиотечной сети, превращению массовых библиотек в очаги социалистической культуры, в общедоступные центры распространения среди трудящихся политических и производственных знаний. Основное внимание было уделено улучшению состава книжных фондов библиотек и организации пополнения их новейшей литературой.

В этот период продолжала активно формироваться система библиотечных каталогов и библиографических картотек. Традиционно складывался минимальный набор каталогов (алфавитные каталоги неперiodических изданий и сериальных изданий, систематический каталог книг и брошюр) и картотек (систематическая картотека статей из журналов, газет, продолжающихся изданий, краеведческая картотека и др.). Подобный состав был явно недостаточен для оперативного поиска информации по многим темам и аспектам, но он был ограничен наличием материальных и трудовых ресурсов библиотеки. По возможности велись также предметные каталоги. Постепенно ведущее место среди библиографических картотек заняла универсальная. Подобная картотека была более удобна для читателей, но трудоемкая для ведения. Она менее «управляема» чем систематическая, особенно при отсутствии систематического поиска предметных рубрик.

Проведенная по постановлению правительства Всесоюзная перепись библиотек отразила быстрый рост библиотечной сети в стране. По сравнению с дореволюционным временем их число увеличилось более чем в 3,5 раза, а книжных фонд – в 10 раз. По данным, подготовленным Крымским Центральным статистическим управлением по материалам Всесоюзной библиотечной переписи на 1 октября 1934 года по Крымской АССР числилось всего библиотек – 209: до 1917 г. – 12 городских массовых библиотек, за период 1917-1927 гг. – открыто новых 55 библиотек, за 1928-1932 гг. – открыто 74 библиотеки, за 1933-1934 гг. – открыта 41 новая библиотека, Основная масса библиотек была сельскими – 172, а центральных областных, районных и городских только 37 [29, с. 52].

В 20–30-х годах XX века обслуживание читателей в Крымских библиотеках, несмотря на наличие огромных материальных проблем, невозможно было представить без хорошо организованной справочно-библиографической работы. К этому моменту уже сформировались основные методы и приемы работы с читателем. В зависимости от уровня сложности запросов применялись различные виды справок, что позволяло значительно повысить уровень предложенной читателю информации и при этом сэкономить время. Велась активная работа по составлению библиотечных каталогов и картотек. Ведущее место, как и ранее, продолжали занимать алфавитные и систематические каталоги. По возможности в крупнейших библиотеках Крыма в этот период начали формироваться универсальные библиотечные каталоги. Среди библиографических указателей главную роль продолжали играть пособия, изданные до революционных событий в стране, как то «ТАURICA» А. И. Маркевича, «Список сочинений о Крыме» Г. Н. Геннади и ряд других.

Список литературы

1. Ушатая Р. И. Библиотечное дело в Крыму в 20-30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья.– № 98.– С. 49–54.
2. Сироткин В. П., Шварц Е. М. Севастопольская Морская библиотека. К 150-летию со дня основания.– Севастополь, 1972.– 235 с.
3. Тверская. К вопросу о библиотечной работе в Крыму // Пути коммунистического просвещения.– 1926.– № 1.– С. 73–76.
4. Там же.

5. Областная Центральная библиотека // Красный Крым.– 1922.– 25 июля.
6. Берегите нашу библиотеку // Красный Крым.– 1922.– 2 ноября.
7. Тверская. К вопросу о библиотечной работе в Крыму // Пути коммунистического просвещения.– 1926.– № 1.– С. 73–76.
8. Чулановская Е. О справочной работе в библиотеке // Пути коммунистического просвещения.– 1927.– №7/8.– С. 58–64.
9. Там же.
10. Медынский Е. И. Справочная работа в городе.– М.: Долой неграмотность, 1926.– 128 с.
11. Чулановская Е. О справочной работе в библиотеке // Пути коммунистического просвещения.– 1927.– №7/8.– С. 58–64.
12. Там же.
13. Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме // Вестник императорского Русского географического общества, 1855.– 1856.– Кн. 4, отд. 4. – С. 55–62.
14. Маркевич А. И. «YAUICA»: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще: В 3 вып. – Вып. 1 // ИТУАК.– 1894.– № 20.– С. 1–395; То же. – Вып. 2 // Там же. – 1898. – С. 92–185; То же. – Вып. 3 // Там же. – 1902. – С. 47–128.
15. Брун Ф. К. [Указатель содержания тт. 1–7 «ЗООИД»] // ЗООИД.– 1872.– Т. 8, отд. 3.– С. 335–340.
16. Бертье-Делагард А. Л. Указатель статей, помещенных в тт. I–XX «Записок императорского Одесского общества истории и древностей» // ЗООИД.– 1898.– Т. 31.– Прил.
17. [Спиридонов Д. С.] «Известия Таврической ученой архивной комиссии»: Содержание // ИТУАК.– 1908.– №41.– С. 241–255.
18. Симоновский В. В. Библиография по крымоведению // Весь Крым, 1920–1925: Юбилейный сб.– Симферополь: Изд-во КрымЦИКа, 1926.– С. 517–534.
19. Тихомиров П. Превратим книгу в орудие! Созывается всеукраинская конференция библиотечных работников // Красный Крым.– 1931.– 16 января.
20. Центральная библиотека // Красный Крым.– 1923.– 18 января.
21. Чулановская Е. О справочной работе в библиотеке // Пути коммунистического просвещения.– 1927.– №7/8.– С. 58–64.
22. Харитонова С. Библиотечная работа в Керчи // Пути коммунистического просвещения.– 1927.– №7/8.– С. 64–68.
23. Там же.
24. Резников И. Э. Работа изб-читален и ликпунктов в Крыму // Пути коммунистического просвещения.– 1926.– №6/7.– С. 78–86.
25. Там же.
26. Там же.
27. Гютерев. Начался библиотечный поход // Красный Крым.– 1931.– 31 декабря.
28. Тихомиров П. Превратим книгу в орудие! Созывается всеукраинская конференция библиотечных работников // Красный Крым.– 1931.– 16 января.
29. Ушатая Р. И. Библиотечное дело в Крыму в 20-30-е годы XX века // Культура народов Причерноморья.– № 98.– С. 49–54.

Назарчук Т. Б. Довідкова робота бібліотек Криму у 20-30-ті роки ХХ століття / Т. Б. Назарчук // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 113-123.

У статті обґрунтована необхідність розвитку і вдосконалення довідкової роботи в бібліотеках Криму в 20–30-і роки ХХ століття. Розкриті основні форми роботи з читачами. Висвітлена діяльність кримських бібліотек в цьому напрямку.

Ключові слова: бібліотеки, довідкова робота, довідково-бібліографічне обслуговування, читач, бібліографія, бібліотечні каталоги, картотеки., бібліографічні довідки, довідкові посібники.

Nazarchuk T. B. Certificate work of libraries of Crimea in 20-30th of XX century/ I.P. Zadereichuk // Scientific Notes of Taurida V. Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 113-123.

In the article is grounded the necessity of development and perfection of certificate work in the libraries of Crimea in 20–30th of XX century. The basic forms of work with readers are exposed. Activity of the Crimean libraries is lighted up in this direction.

Keywords: libraries, certificate work, certificate-bibliographic service, reader, bibliography, catalogues of libraries, card indexes, bibliographic certificates, manuals of certificates.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 94(477.75)“192/193”:061.12

**ПИТАННЯ ВИВЧЕННЯ СЕРЕДНЬОВИЧНОЇ ІСТОРІЇ КРИМУ
У НАУКОВІЙ СПАДЩИНІ РОСІЙСЬКОГО ТОВАРИСТВА
З ВИВЧЕННЯ КРИМУ (1922–1932 рр.)**

Севастьянов О. В.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина

На основании анализа опубликованных исследований членов Российского общества по изучению Крыма освещается ход и методология рассмотрения отдельных аспектов истории Крыма периода средневековья в советской исторической науке 20-х гг. XX в. Представляется историографическая оценка вклада ряда ученых (А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, Б. Н. Засыпкин) в развитие исторических крымоведческих штудий.

Ключевые слова: Российское общество по изучению Крыма, журнал «Крым», научные экспедиции, А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, Б. Н. Засыпкин, У. А. Боданинский.

Російське товариство з вивчення Криму (РТВК) – громадська наукова організація, яка об'єднувала в своїх лавах представників еліти радянської науки 20-тих рр. XX ст., широкі кола державних посадовців, наукової, творчої інтелігенції регіонального рівня та краєзнавців-ентузіастів. Створене на хвилі буму краєзнавчих досліджень [1], товариство спромоглося інтегрувати у своєї діяльності традиції дорадянської науки та нові методологічні принципи радянської науки, що проходила етап становлення.

Інтерес дослідників краєзнавчого руху в Криму до діяльності регіонознавчої організації був фрагментарним. Наукова спадщина учасників товариства не стала предметом цілеспрямованого вивчення. Науковці зупинялись у своїх розробках на сюжетах діяльності РТВК, торкавшись загальних тенденції розвитку краєзнавства в Кримський АСРР (етнологічні студії, участь столичних вчених у наукових експедиціях до Криму, розвиток наукової періодики) [2]. Саме цим пояснюється необхідність створення повного нариса наукової і масової діяльності РТВК та ролі організації в краєзнавчому русі СРСР. Це становить **актуальність** вивчення теми діяльності РТВК в 20-х – на початку 30-х рр. XX ст.

Діяльність Російського товариства з вивчення Криму в 1922–1925 рр. становить перший етап в історії дослідницької та популяризаторської роботи цієї авторитетної кримознавчої організації. Його можна охарактеризувати як період становлення та розвитку керівних та низових структур товариства: Правління, Московського осередку, регіональної ланки відділень в Ленінграді і Криму, Гурзуфської наукової та Карадазької екскурсійної баз. За три роки були сформульовані основні завдання і форми роботи товариства, які полягали в найбільш широкому вивченні потенціалу регіону та розповсюдженні результатів цих наукових студій. До співпраці були заохочені представники радянської наукової еліти Москви та Ленінграду – О. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловський, І. М. Бороздін, Б. Ф. Добринін, М. І. Кузнецов, М. М. Кніпович, Б. О. Куфтін, А. П. Пінкевич, М. О. Семашко, М. І. Тезяков та інші, в регіонах навколо відділень РТВК була згуртована наукова

громадськість (У. А. Боданінський, К. Е. Гріневич, А. І. Маркевич, Ю. Ю. Марті, Л. О. Мойсєєв, О. І. Полканов, В. Й. Філоненко, П. Я. Чепуріна та інші), краєзнавці-ентузіасти, педагоги, представники влади тощо. Була налагоджена конструктивна співпраця з контролюючими органами – Головною Наркомосвіти та НКВС РРФСР, до складу керівних органів Товариства увійшли співробітники Представництва кримської автономії при ВЦВК РРФСР та органів влади Кримської АСРР.

Основні форми діяльності РТВК носили як масовий (публічні виступи, повідомлення, вечори, концерти), так й дослідницький (збір колекцій та матеріалів, підготовка публікацій по різноманітним науковим проблемам, стаціонарні роботи на базах організації та виїзні експедиції) характер.

Товариство к 1925 року постало як незалежний центр з досліджень питань історії, археології, етнографії, географії, геології, економіки, курортології та музейної справи півострова. Логічним завершенням процесу становлення товариства стало заснування власного наукового часопису «Крым» і розробка нового проекту статуту організації. Журнал «Крым» став зв'язуючою ланкою між кримськими відділеннями та столичним центром організації, друкований орган дав можливість публікації досліджень, передусім членів РТВК з Криму. Проект статуту, розроблений при плідній співпраці з відділеннями товариства наприкінці 1925 року, визначив нові пріоритети в організації роботи, висунув на провідні позиції філії РТВК, які становились ключовою ланкою діяльності всієї організації надалі [3].

Друга половина 20-х рр. ХХ століття стала найбільш продуктивним етапом в діяльності Російського товариства з вивчення Криму. Восени 1925 року в організації почалось широке обговорення проекту нового статуту РТВК, передбачавшого перенесення основних розпорядчих функцій в впровадження регіональних відділень. Результатом дискусії стало скликання першого з'їзду РТВК 16–18 квітня 1927 року в Сімферополі: був прийнятий новий текст статуту, змінений статус організації – вона отримала всесоюзну реєстрацію та змінила назву на Товариство з вивчення Криму (ТВК). Все це зробило можливим для РТВК/ТВК приступити до більш продуктивного виконання сформульованих при заснуванні цілей та задач.

Ключовою темою в дослідженнях окремих членів та РТВК/ТВК було вивчення та висвітлення історичного минулого Криму. В цьому контексті здійснювалась робота історико-археологічної та етнографічної секцій товариства, яка була створена при заснуванні організації.

Оригінальні археологічні дослідження в Криму проводились членами РТВК/ТВК на всьому протязі існування товариства. Була сформована спеціалізація інтересів вчених: найдавніше минуле людства по залишкам матеріальної культури кам'яного віку вивчали науковий співробітник Державного Руського музею (м. Ленінград), антрополог та етнограф, член правління Ленінградського відділення РТВК/ТВК, професор Гліб Анатолійович Бонч-Осмоловський та археолог, доцент Першого Московського державного університету, член Правління РТВК/ТВК Борис Сергійович Жуков, середньовічні пам'ятники Судака стали предметом публікацій вченого секретаря Державного історичного музею у Москві, члена Правління РТВК/ТВК Миколи Дмитровича Протасова. Найбільш масштабними в цьому

напрямку стали праці директора розкопок та музею в Севастополі, професора, члена правління Ленінградського відділення РТВК/ТВК Костянтина Едуардовича Гріневича, розгорнувшого комплексні археологічні розкопки на території античного й середньовічного городища Херсонес Таврійський в Севастополі та директора Керченського історико-археологічного музею ім. О. С. Пушкіна Юлія Юлійовича Марти на античних та варварських поселеннях Керченського півострова. Розкопки та висновки, сформульовані за результатами цих досліджень, зроблені членами товариства у 1925–1929 рр., заклали підвалини системних відомчих археологічних студій за державної підтримки в Криму у майбутньому.

Історичні долі, побут, культура та мистецтво кримських етносів також звернули увагу до себе, як столичних вчених, так і місцевих краєзнавців. Експедиції під керівництвом завідуючого історико-етнологічним відділом Всесоюзної наукової асоціації сходознавства при ВЦВК РРФСР Іллі Миколайовича Бороздіна в 1925–1926 рр., які були ініційовані Раднаркомом Кримської АСРР та сходознавця, архітектора Центральних державних реставраційних майстерень Бориса Миколайовича Засипкіна (за направленням Головнауки НКП РРФСР) в 1926–1929 рр. надали новий матеріал для реконструкції минулого кримськотатарської архітектури. Аналіз зачатків організованого промислового виробництва став темою публікації директора Палацу-музею тюрко-татарської культури у Бахчисараї Усеїна Абдурейфійовича Боданинського. Збір пісенного фольклору та його аналіз були здійснені музикознавцем та співаком А. К. Кончевским під час наукових відряджень у 1923–1924 рр. Стан розвитку народів Криму на сучасному етапі, їхній побут, культура мешканців Криму стали предметом нарисів С. А. Гамалова, Х. Каралезли, членів Правління РТВК/ТВК Б. О. Куфтїна, І. М. Саркізова-Серазіні. Шляхи подальшого етнографічного дослідження Криму та його мешканців стали предметом дискусії між столичною школою етнографії (дефініції якої репрезентував І. М. Бороздін), відстоюювальною пріоритет вивчення татарської культурної спадщини, та колами кримських етнографів-практиків (найбільш повний перелік їхніх поглядів на методологію досліджень кримських етносів представив В. Й. Філоненко), вважавшими нагальним збалансований розвиток вивчення народів Криму [4].

Загалом, протягом 1925–1929 рр., в період активної дослідницької та масової роботи РТВК/ТВК, був створений основний масив оригінальних наукових праць, присвячених вивченню археології та етнографії Криму, зайнявши гідне місце в історії вітчизняної історичної науки.

В 1929–1931 рр. на тлі загальної кризи в краєзнавчому русі СРСР сталося згортання діяльності РТВК/ТВК як в центральних установах, так и в регіональних відділеннях. Був зупинений випуск журналу «Крым», не вдалося налагодити видання «Бюллетеня» ТВК в Сімферополі. В 1932 році РТВК/ТВК було змушено увійти в сформоване владою Кримське обласне бюро краєзнавства. В 1934–1935 рр. экс-членами РТВК/ТВК було здійснено намагання поновити діяльність товариства, але дієвої підтримки як з боку влади, так і з боку кіл громадськості регіону надано не було, документальних підтверджень позитивних результатів цієї акції поки що не виявлено.

У сприятливих супутніх умовах, не менш значимими були дослідження, присвячені вивченню середньовічної історії Криму що проводились в 1925–1929 рр. членами РТВК/ТВК. Результати найбільш оригінальних з них докладно висвітлювалися в публікаціях періодичного органа РТВК/ТВК – журналу «Крым». Сукупність цих наукових праць можна умовно розділити на два наступних напрями: етнічна історія півострова, яка вивчалась шляхом етно-археологічних розкопок та розвиток мистецтв народів Криму в контексті історичного розвитку.

У рамках першої теми, дослідження членів РТВК/ТВК зосередилися на вивченні етнічної історії кримських татар в етно-археологічному напрямку. Матеріалом для першого сюжету цих студій стали результати експедиції співробітників Всесоюзної наукової асоціації сходознавства при ВЦВК РРФСР, яка відбулася протягом 1925–1926 рр. Її очолив завідувач історико-етнологічним відділом Всесоюзної наукової асоціації сходознавства при ВЦВК РРФСР, член Правління РТВК/ТВК Ілля Миколайович Бороздін. Публікації щодо ходу досліджень були зроблені керівником заходу, а ґрунтовний аналіз матеріалів результати та висновки експедиції здійснив професор Першого Московського державного університету, зберігач Державного історичного музею, член Правління РТВК/ТВК Олексій Степанович Башкіров [5]. У роботі також брали участь завідувач художнім відділом Центрального музею Тавриди Павло Іванович Голландський і викладач Кримського педагогічного інституту ім. тов. М. В. Фрунзе Осман Нурі-Асанович Акчокракли. Експедиція, відповідно нарисам О. С. Башкірова, зосередила увагу на дослідженні пам'яток архітектури стародавньої столиці кримських татар – міста Солхата (нині – місто Старий Крим). Одним з її головних висновків стала концепція про значний вплив на архітектуру кримських татар в XIV–XVI ст. сельджуцького компонента, що мав походження з Малої Азії. О. С. Башкіров виділяв цей вплив, як у пам'ятках монументальної архітектури, так й в деталях декоративного орнаментального різьблення на кам'яних спорудженнях [6]. Як приклад для підтвердження гіпотези приводився докладний опис споруди солхатської медресе-мечеті «часів хана Узбека», датованої 1314 роком. Вона являла собою два, тісно зв'язані між собою, але самостійні по призначенню, спорудження. Обое мали квадратну форму, приміщення мечеті в чотири рази перевершувало по площі медресе. Мечеть була побудована в характерній для сельджукизму манері 3-нефного комплексу, із входом у північній стіні, міхрабом (молитовною нішею) – у південній, перекритою плоскою стелею. О. С. Башкіров наводив аналогії солхатської мечеті Узбека з іншими пам'ятками сельджуцької архітектури Малої Азії й зупинявся на загальних рисах орнаменталії цих споруд [7]. Вчений сформулював основні подібні риси техніки будівництва солхатської медресе-мечеті й сельджуцьких пам'яток: використання білого зернистого вапняку, як у кладці стін, так й в орнаменталії деталей; техніка кладки стін масивними блоками (квадрами); повна подібність проектування й орнаменталії порталів, міхраба мечеті й надгробків похованих на її території [8]. Ці тези органічно доводили позицію так званої «московської школи», яка розгорнула свою діяльність в 20-тих рр. XX ст. Найбільш системно дефініції цієї групи науковців були відображені в працях І. М. Бороздіна. В журналі «Крым» в 1927 році він надрукував одну з своїх програмних статей [9].

Головним змістом праці був проміжний аналіз тюркологічних досліджень на теренах СРСР, здійснених в середині 20-х рр. ХХ ст. І. М. Бороздін відмічав недостатність або упередженість у вивченні тюркських народів загалом, та кримських татар зокрема у дорадянський період. Сучасний розвиток сходознавчих та історіографічних студій спростовує це твердження вченого та змушує констатувати, можливо, вимушеність використання таких тез, вочевидь з політико-ідеологічних причин, зумовлених особливостями національної політики того часу [10]. Втім, слід визнати, безумовно, слушними тези І. М. Бороздіна про розповсюдження через дорадянську пропаганду та ідеологію міфу про «варварство» кримських татар. Разом з тим, етно-археологічні дослідження середньовічних пам'яток Поволзького регіону та Криму продемонстрували високий рівень культури тюркських народів, створивших ці пам'ятки. Тому нагальною потребою у вивченні історії цих етносів слід було вважати, за твердженням І. М. Бороздіна загальне вивчення всіх етапів їхнього становлення та розвитку [11]. Задля виконання цієї дослідницької потреби І. М. Бороздін пропонував вирішити низку завдань: організація постійних етно-археологічних експедицій щодо вивчення татарських пам'яток; пріоритетна організація охорони культурної та історичної спадщини татар у Криму; публікація новітніх досліджень по культурі та історії татар; фіксування форм «старого бити» татар; збір та археографічна публікація невідомих матеріалів щодо татарського побуту та історії; створення монографічного опису татарських поселень [12]. Результати експедиції 1925-1926 рр. згідно з цими методологічними тезами, були не тільки розповсюджені через публікації у науковій та науково-популярній періодиці. У 1927 році в Москві, у Музеї східних культур була проведена виставка, експонати якої склалися із знахідок, здійснених у Старому Криму у 1925–1926 рр. [13]. Також основні висновки експедиції, сформульовані у нарисі О. С. Башкірова були виголошені також І. М. Бороздіном у підсумковій праці [14], яка, вочевидь, з огляду на принциповість дефініцій, була також видана окремою брошурою [15].

У нарисі «Художні пам'ятки Солхату», який був надрукований у 1927 році, О. С. Башкіров спробував реконструювати первісний вигляд дослідженого раніше медресе-мечеті у Солхаті й привів ще один приклад сельджуцького впливу в архітектурі – мечеть Куршум-Джамі у Старому Криму, що зберігала основні архітектурні риси сельджукизму, і, разом з тим, що відрізнялася плануванням від медресе-мечеті Узбека [16]. Значна частина нарису була присвячена огляду масиву солхатських надгробків, досліджених експедицією І. М. Бороздіна. Завдяки характерному орнаменту сельджуцького походження, О. С. Башкіров датував 10 надгробків XIV – XV ст. [17].

У серпні-вересні 1926 року за завданням Головнауки НКО РРФСР у Крим для досліджень архітектури кримських татар прибув співробітник Центральних державних реставраційних майстерень, член Правління РТВК/ТВК Борис Миколайович Засипкін. В його завдання входило комплексне вивчення пам'яток давньої кримськотатарської архітектури. Результатом експедиції став вичерпний на той час нарис «Пам'ятки архітектури кримських татар», надрукований у журналі «Крым» [18].

Аналіз, здійснений Б. М. Засипкіним, поширювався на основні історичні форми архітектури кримських татар – дюрбе (мавзолеї), мечеті, медресе, караван-сараї, лазні (хамам). Основну увагу автор приділив особливостям кримських дюрбе, надавши їм загальну характеристику, визначивши основні матеріали, що використалися для їхньої будівлі, етапи будівельних робіт. Б. М. Засипкін констатував, що на початковому етапі в XII – XIII ст. головну роль у будівництві похоронних споруджень кримськотатарської знаті грали не татарські майстри, а заохочені італійські колоністи, турецькі зодчі й вірменські переселенці. Для підтвердження своїх спостережень вчений приводив комплекс дюрбе з місцевості Азіс на околицях Бахчисарая. Усього було досліджено 4 дюрбе, що належали представникам вищої верстви кримськотатарського суспільства – членам ханської родини. Ці споруди були датовані Б. М. Засипкіним XIV ст. [19].

В нарисі репрезентувалася оригінальна класифікація кримськотатарських середньовічних мечетей – автор підрозділяв їх на купольні та базилічні. Пам'ятки першого виду Б. М. Засипкін розділяв по приналежності до двох періодів татарського мистецтва. Перший – XIV – XV ст. – характеризувався тісним зв'язком з мистецтвом Вірменії, сельджуцької Туреччини та Єгипту. Як приклади цього періоду приводилися вже досліджена експедицією І. М. Бороздіна купольна мечеть Узбека й Куршум-Джамі в Старому Криму й мечеть у Судаку, досліджена автором нарису [20]. Можна також наголосити на відсутності суттєвих розбіжностей між етнологічно-історичними висновками І. М. Бороздіна та архітектурними дослідженнями Б. М. Засипкіна. Незважаючи на різницю методологічного підходу, беззаперечна системність яка була основним критерієм під час проведення польових робіт, що сприяло формулюванню не тільки змістовних, але й консолідованих висновків.

Другий період розвитку татарського мистецтва, відповідно до аналізу Б. М. Засипкіна, відносився до XVI ст., і характеризувався значним османським впливом. Самими виразними пам'ятками цього типу автор називав купольні мечеті султана Селіма у Феодосії, Хан-Джамі хана Девлет-Гірея в Євпаторії й мечеть у селищі Колеч поблизу Феодосії [21].

Час появи в Криму базилічних мечетей автор обмежував XIV – XV ст. і зв'язував це із впливом візантійських і генуезьких будівельних традицій. Ці пам'ятки також мали у своєму вигляді риси впливу, як першого, так і другого періодів розвитку татарського мистецтва. Як відповідність першому періоду Б. М. Засипкін приводив базилічні мечеті Текіє-Хан Джамі й Шор-Джамі в Карасубазарі, другому – мечеть Єшил-Джамі в Бахчисарая [22].

Оглядовому аналізу в нарисі Б. М. Засипкіна піддавалися середньовічні мінарети, медресе, караван-сараї, лазні й фонтани, що були невід'ємною частиною архітектурного вигляду центрів життя татарського суспільства – Бахчисарая, Солхата, Карасубазара [23].

На закінчення своєї ґрунтовної праці, Б. М. Засипкін констатував необхідність нових досліджень в області вивчення татарського архітектурного мистецтва, також наполягав на неприпустимості ігнорування культурної спадщини народів,

заснавши значної зовнішньої етнічної експансії (перейняті звичаї, мова, віра тощо) з боку кримських татар – кримчаків і караїмів [24].

Екскурс до історії татарського виробництва з вовни й килимарства збережений ще з часів Кримського ханства зробив засновник і директор Державного палацу-музею тюрко-татарської культури в Бахчисараї, глава Бахчисарайського краєзнавчого кружка, член РТВК/ТВК Усеїн Абдурефієвич Боданінський [25]. Автор зупинявся на природності поширення цього виду виробництва в скотарському середовищі кримських татар, вказував на давні коріння килимарства, характерні для монгольських кочівників ще в XII ст., до експансії в Крим. Для підтвердження своєї гіпотези, вчений посилався на відомості середньовічних мандрівників Вільгельма де Рубрука й Марко Поло, що відзначали наявність вироблених повстяних тканин і килимів у монгольських орд, що кочували [26].

Далі автор аналізував збережені форми середньовічного виробництва в кримських татар. Як приклади У. А. Боданінський приводив «цеха» по виробництву повсті – «кечеджи» – збережені в архаїчному варіанті до 20-х рр. XX ст. у Бахчисараї й Карасубазарі [27]. Слід відмітити, що основні історичні аналогії щодо організації цехової індустрії у кримських татар дослідник надав за оригінальними даними, які були опубліковані в статті академіка В. О. Гордлевського, тому в цієї частині нарис У. А. Боданінського навряд чи можна вважати суто авторським [28].

Безпосереднім предметом дослідження вченого стала колекція стародавніх татарських килимів без ворсу – «килимів», що надійшла до фондів Державного палацу-музею тюрко-татарської культури в 1927 році. У. А. Боданінський відзначав відсутність яких-небудь подібних рис «килимів» з «кавказькими, середньоазійськими й малоазійськими традиціями», простежував віддалену подібність із «килимами», розповсюдженими в Україні. Особливістю колекції були сильно схематизовані рослинні орнаментальні мотиви, рідкість побутових сцен в оформленні. Нетрадиційної була й гама фарб, використана при розписі килимів: переважали темно-синій, жовтий, рудий, коричневий кольори; бірюзовий, рожевий, зелений, кремовий півтони; фарбування проводилося рослинними, мінеральними й тваринними фарбами [29].

Ґрунтуючись на особливостях технічного виконання повстяних килимів, У. А. Боданінський сформулював їхню класифікацію на три типи. Перші – «орта» – склалися з вузьких і широких прямокутних рамок, при їхньому створенні використали темно-сині, жовті, коричневі, руді, блакитні, білі, рожеві, зелені барвники. Застосовували дані вироби для покриття статі в житлових приміщеннях або в мечетях. Другий тип – «кобекли-орта» – ткалися з 3 рядів прямолінійних рамок зі схематичними рослинними мотивами. Середина таких килимів – «кобек» – складалася з п'яти рядів концентричних ромбів, в орнаменті також переважали рослинні візерунки, у колірну гама «килимів» додавалися чорний і голубий кольори. Килими третього типу – «намазлик» – призначалися для мусульманської молитви, вони склалися з вузьких і широких прямокутних рамок із дрібним однорідним візерунком. Звичайно ці «килими» розфарбовувалися в синій, жовтий, кремовий, коричневий і білий тони [30]. Місцем виготовлення всієї колекції У. А. Боданінський визначав Крим, час виготовлення обмежував серединою XIX

століття. На закінчення свого дослідження вчений констатував відсутність у сучасний йому період, як майстрів, так й технічної бази для відродження виробництва повстяних килимів у кримськотатарському середовищі [31].

Як бачимо, дослідження членів РТВК, присвячені вивченню історії Криму середньовічної доби були загалом зосереджені на питаннях висвітлення не конкретних подій минулого, а впливу того чи іншого побутового чи мистецького чинника на еволюцію світогляду та розвитку самовизначення кримських народів. Ця тенденція була викликана відповідністю основних історико-етнологічних тез товариства установкам програм радянської влади щодо заохочення так званих «корінних народів» до повноцінної участі в управлінській, просвітницькій та культурній сферах життя радянського суспільства. Наукова спадщина РТВК в цьому питанні репрезентує, таким чином, яскравий приклад затвердження у науці принципів толерантності, комунікації та загального порозуміння.

Список літератури

1. Про період 20-х рр. ХХ ст. в кримському краєзнавчому русі див. вичерпно: Непомнящий А. А. Арсеній Маркевич: Страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с.– (Библиография крымоведения; Вып. 3); Він же. Нові матеріали з історії кримознавства 20-х років ХХ століття в листуванні Г. Ю. Крачковського та В. Й. Філоненка // Краєзнавство. – 2008. – № 1/4. – С. 85–95.
2. Див. оглядові праці з історії діяльності РТВК: Козлов В. Ф. Из истории деятельности Российского Общества по изучению Крыма (РОПИК) // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах.– М., 2000.– Вып. 1.– С. 272–280; Моисеенкова Л. С., Шарапа В. Ф. Из истории журнальной периодики: журнал «Крым» (1925–1927 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.– Симферополь, 2000.– Вып. 7.– С. 393–400. В біоісторіографічному контексті відновлення наукової спадщини членів РТВК цінними є нариси У. К. Мусаєвой: Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / Таврический нац. ун-т. им. В. И. Вернадского; Под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: Таврия, 2004.– 214 с.– (Библиография крымоведения; Вып. 2).
3. Детально про діяльність РТВК див.: Севастьянов А. В. «...Работа Российского общества по изучению Крыма является в интересах Крыма крайне желательной...»: Документы архивов свидетельствуют // Историческое наследие Крыма.– 2006.– № 12/13.– С. 128–152.
4. Див. про це також: Севастьянов А. В. Этнографические исследования в деятельности Российского общества по изучению Крыма (1922–1932 гг.) // Археологія та етнологія Східної Європи: Матеріали і дослідження / Донецький нац. ун-т.– Донецьк, 2004.– Т. 4.– С. 81–83.
5. Бороздин И. Н. В древней столице крымских татар // Красная Татария.– 1925.– 27 авг.– С. 3; Бороздин И. Н. Новейшие открытия в области татарской культуры в Крыму // Педагогическая жизнь Крыма.– 1925.– № 9/10.– С. 17–20; Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым.– 1926.– № 2.– С. 108–125; Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым.– 1927.– № 1 (3).– С. 122–144; Одинцов М. Б. Бахчисарайский краеведческий кружок: С мая по ноябрь 1925 г. // Крым.– 1926.– № 2.– С. 178–179.
6. Башкиров А. С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым.– 1926.– № 2.– С. 109–115.
7. Там само.– С. 122–123.
8. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым.– 1927.– № 1 (3).– С. 123–135.
9. Бороздин И. Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым.– 1927.– № 2 (4).– С. 108–112.
10. Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения.– Симферополь: СГТ, 2008.– Т. 2: *Taurica orientalia*.– 600 с.– (Библиография крымоведения; Вып. 12)
11. Бороздин И. Н. Некоторые очередные задачи изучения татарской культуры в Крыму // Крым.– 1927.– № 2 (4).– С. 108–109.
12. Там само.– С. 109–112.

13. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: Историографические очерки / Таврический нац. ун-т. им. В. И. Вернадского; Под ред. и вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Симферополь: Таврия, 2004.– С. 74–75.– (Биобиблиография крымоведения; Вып. 2).
14. Бороздин И. Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года // Новый Восток – 1927.– № 16/17.– С. 256–274.
15. Бороздин И. Н. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму: Работы археологической экспедиции 1926 года. – М., 1927.– 21 с.
16. Башкиров А. С. Художественные памятники Солхата // Крым.– 1927.– № 1 (3).– С. 122–144.
17. Там само.– С. 136–144.
18. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым.– 1927.– № 2 (4).– С. 113–168.
19. Там само.– С. 114–120.
20. Там само.– С. 130–139.
21. Там само.– С. 140–146.
22. Там само.– С. 146–154.
23. Там само.– С. 154–168.
24. Там само.– С. 168.
25. Боданинский У. [А.] Производства из шерсти у крымских татар // Крым.– 1928.– № 1 (6), вып. 2.– С. 67–75.
26. Там само.– С. 67.
27. Там само.– С. 68–70.
28. Гордлевский В. А. Организация цехов у крымских татар: Из поездки в Карасубазар // Труды Этнографо-археологического музея этнологического факультета Московского государственного ун-та.– 1928.– Вып. 4: Быт.– С. 58–65.
29. Боданинский У. [А.] Производства из шерсти у крымских татар // Крым.– 1928.– № 1 (6), вып. II.– С. 70–71.
30. Там само.– С. 72–75.
31. Там само.– С. 75.

Севастьянов А. В. Вопрос изучения средневековой истории Крыма в научном наследии Российского общества по изучению Крыма (1922-1932 гг.) / А.В. Севастьянов // Ученые записки ТНУ. Серия: История. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 124 - 132.

На основании анализа опубликованных исследований членов Российского общества по изучению Крыма освещается ход и методология рассмотрения отдельных аспектов истории Крыма периода средневековья в советской исторической науке 20-х гг. XX в. Представляется историографическая оценка вклада ряда ученых (А. С. Башкиров, У. А. Боданинский, И. Н. Бороздин, Б. Н. Засыпкин) в развитие исторических крымоведческих штудий.

Ключевые слова: Российское общество по изучению Крыма, журнал «Крым», научные экспедиции, А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, Б. Н. Засыпкин, У. А. Боданинский.

Sevastjanov A. V. The question of studying of medieval history of Crimea in a scientific heritage of the Russian society on studying of Crimea (1922-1932) / A. V. Sevastjanov // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 124 -132.

On the basis of the analysis of the published researches of members the Russian society on studying of Crimea the course and methodology of consideration of separate aspects history of Crimea of the period of the Middle Ages in the Soviet historical science of 20th XX century is shined century the historiographic estimation of the contribution of some scientists (A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninsky, I. N. Borozdin, B. N. Zasyupkin) in development historical crimenian studies is represented.

Keywords: the Russian society on studying of Crimea, magazine "Crimea", scientific expeditions, A. S. Bashkirov, U. A. Bodaninsky, I. N. Borozdin, B. N. Zasyupkin.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 94 (477.75). «1940/1950»: 371.233

КРЫМСКАЯ ДЕТСКАЯ ЭКСКУРСИОННО-ТУРИСТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1940–1950-Е ГГ.)

Попов А.Д.

Крымский институт бизнеса, Симферополь, Украина

В статье впервые охарактеризована организационная и методическая работа по развитию туристско-краеведческого движения среди детей и юношества, осуществлявшаяся с 1944 до конца 1950-х гг. Крымской детской экскурсионно-туристической станцией.

Ключевые слова: молодежь, путешествие, поход, экскурсия, краеведение.

В период существования Советского Союза туристские поездки, походы и экскурсии с учащимися приобрели значительные масштабы. Одним из важнейших центров детского туристско-краеведческого движения в стране стал Крымский регион, отличавшийся высокой степенью концентрации природных и историко-культурных достопримечательностей на сравнительно небольшой территории. Ретроспективный анализ функционирования сети внешкольных учреждений СССР, специализирующихся на организации детско-юношеского туризма, присутствует в отдельных работах российских [1] и украинских [2] исследователей. Существует также несколько попыток представить историю деятельности созданной в 1934 г. Крымской детской экскурсионно-туристической станции, авторами которых стали краеведы-практики, в разное время принимавшие непосредственное участие в её работе [3; 4]. Однако ни в одной из названных публикаций нельзя найти подробной характеристики сложного и противоречивого периода возрождения детско-юношеского туризма в Крымской области после Великой Отечественной войны.

Цель исследования – на основе архивных документов и опубликованных источников проанализировать основные направления работы Крымской детской экскурсионно-туристической станции (далее КрымДЭТС) в период с 1944 до конца 1950-х гг.

Задачи исследования: охарактеризовать процесс восстановления материально-технической базы детско-юношеского туризма в Крыму после его освобождения от немецких захватчиков; проследить деятельность КрымДЭТС по организации путешествий, походов и экскурсий с учащимися; выявить специфические проблемы туристско-краеведческого обслуживания пионеров и школьников в послевоенный период.

На протяжении довоенного периода в Крыму существовала довольно широкая сеть внешкольных учреждений (станций, баз, лагерей) туристско-экскурсионного профиля, специально предназначенных для детей и юношества. Организационно-методическим центром туристско-экскурсионной и краеведческой работы среди школьников являлась КрымДЭТС [5, с. 27-30]. В первые годы войны Станция лишилась своего имущества, библиотеки, был утрачен практически весь собранный ранее методический и краеведческий материал [3, с. 114].

В мае 1944 г., через месяц после освобождения Симферополя, Народный комиссариат просвещения Крымской АССР выделил 50 тыс. руб. на ремонт здания

КрымДЭТС. Официально Станция возобновила свою деятельность с 1 августа 1944 г. До конца года в её помещении остановилось 136 юных путешественников из различных городов Крыма, а также из Москвы. Несмотря на сложности военного времени, группа из 27 московских школьников провела в Крыму 24 дня, причем половину этого срока – на берегу Черного моря, в Ялте. Вместе с тем, в отчете КрымДЭТС за 1944 г. констатировалось, что «оборудование станции очень скромное», «снаряжения по туризму совершенно нет», «вопросы питания, топлива весьма сложны в обстановке нашей военной действительности», «разработанных маршрутов станция не имеет» [6, л. 1-1об.]. Следует отметить, что с 1944 по 1955 г. КрымДЭТС располагалась в том же небольшом здании на ул. Одесской (бывшей Греческой) г. Симферополя, что и в довоенный период [4, с. 27].

Крымская детская экскурсионно-туристическая станция возобновила свою работу одной из первых в стране среди учреждений подобного профиля. Кроме неё ещё до окончания Великой Отечественной войны начали действовать республиканские экскурсионно-туристические станции в Татарии и Чувашии, а также областные ДЭТС в Архангельской, Вологодской и Кемеровской областях [1, с. 40].

За 1945 г. через Станцию прошло уже 413 юных путешественников, которые кроме Крыма и Москвы представляли также Киев, Ярославль, Сибирь. С июля 1945 г. в Ялте была открыта сезонная детская турбаза КрымДЭТС. Во время пребывания в Симферополе школьники-туристы осматривали город, посещали Краеведческий музей, Неаполь Скифский, пещеру Чокурча, Жигулину рощу, а также места массовых расстрелов советских граждан периода оккупации в районе совхоза «Красный». В Ялте они совершали экскурсии в дом-музей А.П. Чехова, Алупку, Ливадию, Ореанду, Массандру, Никитский ботанический сад [7, л. 4-5].

Однако материальное положение дел для КрымДЭТС и тех энтузиастов, которые занимались восстановлением её работы, оставалось весьма неблагоприятным. Для нужд юных туристов с большим трудом удалось «выбить» из централизованных фондов 200 детских пайков. Немногочисленные работники Станции не имели никакого дополнительного продовольственного снабжения, кроме обычных хлебных карточек. В ходе восстановления работы КрымДЭТС её сотрудники испытывали острую нехватку самого необходимо инвентаря и расходных материалов. Достаточно сказать, что в их обязанности входило постоянное оказание методической помощи всем школам Крыма по организации туристско-экскурсионного дела, ведение с ними переписки по этому вопросу. При этом для нужд Станции на весь 1945 г. было выделено всего лишь 5 кг бумаги. В отличие от довоенного периода в первые послевоенные годы КрымДЭТС не имела собственных транспортных средств. Только к началу 1950-х гг. Станция получила в свое распоряжение две единицы автотранспорта – старый грузовой автомобиль марки «Форд» и пассажирский автобус марки «ГАЗ» [7, л. 2, 4, 5об.].

К лету 1947 г. КрымДЭТС смогла развернуть сезонные турбазы для приема юных туристов в Алуште, Симферополе и Ялте. Они размещались в арендованных на время летних каникул школьных помещениях, плохо приспособленных для размещения туристов. На этих базах не хватало самого необходимого инвентаря –

кроватей, матрацев, подушек, одеял. Часто, в нарушение санитарно-гигиенических норм, детям приходилось спать на полу, по 2 человека на одном матраце и под одним одеялом. Еще хуже обстояло дело с самым элементарным туристским снаряжением – палатками, рюкзаками, флягами. Нередко юные туристы вынуждены были отправляться в турпоходы с корзинами и чемоданами вместо рюкзаков [8, л. 2-3].

Вскоре, несмотря на перечисленные выше трудности, КрымДЭТС начинает создавать специальные туристские лагеря. В отличие от детских турбаз, где юные туристы располагались в капитальных зданиях, в туристских лагерях они размещались только в палатках, а приготовление пищи производилось исключительно на костре или походном очаге. Таким способом предполагалось развить у подрастающего поколения самостоятельность, привить необходимые туристские и спортивные навыки. Подъем в турлагере осуществлялся в 6.30, отбой – в 23.00. Не менее 8 часов каждый день ребята занимались т.н. «туристской работой», включающей физкультурные, краеведческие моменты, развитие навыков ориентирования на местности и т.п. [9, л. 29-31]. В летний сезон 1950 г. подобные туристские лагеря, рассчитанные в общей сложности на 800 мест, действовали в Алуште и Ялте [10, л. 10].

Туристские базы и лагеря КрымДЭТС не только обслуживали крымских школьников, но и принимали организованные группы юных туристов, путешествовавших по плановым маршрутам Центральной детской экскурсионно-туристической станции (ЦДЭТС, г. Москва). Например, в 1953 г. по территории Крымской области проходило 2 плановых туристских маршрута, которые специально предназначались для школьников: 1) Симферополь – Бахчисарай – Счастливое – Ялта – Гурзуф; 2) Феодосия – Карадаг – Судак – Алушта – Гурзуф. За тот год путешествия по этим маршрутам совершили учащиеся из Архангельска, Казани, Кемерово, Ленинграда, Львова и многих других городов Советского Союза [3, с. 118-119].

С 1947 г. при КрымДЭТС начал действовать Клуб юных путешественников, который имел свой устав, правление, отделения в городах и районах Крыма. Первыми его членами стали симферопольские школьники. Каждый из них записывался в одну из секций: историческую, географическую, геологическую или ботаническую. Руководство секциями осуществлялось опытными педагогами и краеведами. Помимо теоретических занятий, подготовки снаряжения и разработки маршрутов, в выходные дни и каникулярное время члены Клуба активно практиковали походы и экскурсии по Крыму. Например, в июне 1947 г. группа из 30 учащихся симферопольских школ совершила пеший поход общей протяженностью 472 км по круговому маршруту: Симферополь – Алушта – Крымский государственный заповедник – Ялта – Байдары – Севастополь – Бахчисарай – Симферополь. Ребята поочередно поднялись на горные вершины Роман-Кош, Эклизи-Бурун и Ай-Петри, причем на высшей точке Чатырдага ими был «установлен бюст товарища Сталина» [11, с. 46]. По всей видимости, в те годы это был довольно распространенный среди юных туристов идеологический ритуал. Известно, что симферопольские школьники, совершившие восхождение на высшую точку Чатырдага зимой 1952 г., также установили здесь бюст И.В. Сталина [3, с. 118].

Следует отметить, что во второй половине 1940-х гг. во многих крымских школах, по примеру довоенных лет, стали практиковаться многодневные туристские походы. Например, учащиеся Алушкинской средней школы под руководством военрука, опытного альпиниста М.Г. Когана, неоднократно совершали восхождения на Ай-Петри, в том числе и в зимнее время [12, с. 144-145]. Показательно, что туристские походы тех лет не рассматривались только лишь как развлекательные или физкультурные мероприятия. В ходе их проведения всегда ставились и общественно-полезные задачи. Так, в условиях послевоенной нехватки рабочих рук, юные туристы оказывали колхозам помощь в уборке урожая, участвовали в проведении археологических раскопок под руководством известного крымского археолога О.И. Домбровского, причем не только в летний период, но и во время зимних каникул [13, л. 61]. Юные туристы из Алушты систематически выступали с самодеятельными концертами в селах горного Крыма, а также занимались расчисткой туристских троп, благоустройством родников [14, с. 78].

В 1957 г. для учащихся крымских школ был подготовлен специальный сборник «Задания юным краоведам-путешественникам», куда вошли общественно-полезные задания для юных туристов, полученные от научных и хозяйственных организаций Крымской области. Например, Государственная инспекция по карантину сельскохозяйственных растений составила для них инструкцию по выявлению и ликвидации карантинных сорняков и больных растений, а также по борьбе с садовыми насекомыми-вредителями [14, с. 3-4].

Постепенно вокруг КрымДЭТС сформировался постоянный актив учащихся, интересующихся краеведением и активными видами туризма. Весной 1948 г. в Симферополе состоялся первый областной слет юных путешественников Крыма, на который прибыло 120 делегатов, представлявших все города и многие районы полуострова. Ещё 400 школьников, учителей и пионервожатых принимало в нем участие в качестве гостей [3, с. 114]. Наиболее активные члены Клуба юных туристов при Станции побывали в 1948 г. на Всесоюзном слете юных путешественников в Москве [11, с. 50]. К 1950 г. было открыто 11 клубов юных путешественников в Симферополе, Севастополе, Алуште, Белогорске, Евпатории, Керчи, Феодосии, Ялте и Советском районе. 7 ноября 1951 г. в Симферополе, во время праздничной демонстрации, по улицам города впервые прошла организованная колонна юных туристов Крыма, которая стояла из 400 школьников [15, л. 10].

С 1952 по 1973 г. под руководством КрымДЭТС ежегодно проводились Областные звездные туристские походы школьников Крыма. Экспедиционные отряды школ различных городов и районов совершали походы к заранее намеченным опорным пунктам, выполняя краеведческие задания определенной тематики [4, с. 27]. Несмотря на чрезмерную политизацию подобных массовых мероприятий, приуроченных к таким датам, как 40-летие советской власти, 40-летие создания пионерской организации, 90-летие со дня рождения В.И. Ленина и т.д., они, несомненно, способствовали популяризации туристско-краеведческой работы среди школьников. Если в 1952 г. на территории Крымского полуострова их участниками стало 4,2 тыс. юных туристов (250 экспедиционных отрядов), то

спустя 15 лет, в 1967 г., их количество достигло уже 68,7 тыс. чел. (4640 отрядов) [16, л. 15].

Политический климат в стране периода «позднего сталинизма» налагал свой отпечаток на все сферы жизни общества, в том числе на развитие краеведения и туристско-экскурсионного дела среди молодежи. При проведении историко-краеведческой работы юные путешественники должны были следовать официальной линии советской исторической науки тех лет. Основным лозунгом нового понимания истории было утверждение «Крым – издревле русская земля» [17, л. 19]. Показательны названия некоторых экскурсий для школьников, проводимых КрымДЭТС в послевоенные годы: «Борьба русского народа с татаро-турецким владычеством в Крыму и воссоединение Крыма с Россией», «Сталинский план преобразования природы в действии (строительство Симферопольского водохранилища и Северо-Крымского канала)» и т.п. [10, л. 19-20]. Во время аудиторных занятий и экскурсий географо-краеведческого и историко-археологического кружков значительное внимание уделялось вопросам научно-атеистической пропаганды. Знакомству детей с Крымской астрофизической обсерваторией предшествовала беседа на тему «Торжество советской материалистической науки – запуск первой в мире космической ракеты». Посещение стоянок первобытных людей сопровождалось откровенно атеистическими материалами по темам «Происхождение человека», «Происхождение религии», «О культуре предков и тотемизме» [18, л. 28].

В мае 1948 г. было утверждено новое «Положение об областной, краевой, городской, республиканской детской экскурсионно-туристической станции». В документе говорилось о том, что подобные учреждения являются главными организационно-методическими центрами органов народного образования по туризму и экскурсионной работе с учащимися. На систему ДЭТС возлагались обязательства «путем проведения в различных формах экскурсионно-туристической работы с учащимися воспитывать в них любовь и преданность к социалистической Родине», а также «содействовать укреплению здоровья и выработке физической закалки у будущих строителей коммунистического общества», «воспитывать мужество и сильную волю», «прививать умения и навыки преодолевать трудности и препятствия» [19, л. 1].

КрымДЭТС велась активная организационно-методическая работа, направленная на развитие туристско-краеведческого движения среди учащихся области. Например, в мае 1950 г. Станцией был подготовлен информационный листок «Знай свой край», а также проведен методический семинар для руководителей многодневных пеших походов, в котором приняло участие 62 педагога [13, л. 4, 7-8]. Важной задачей деятельности КрымДЭТС стала подготовка юных крымчан к сдаче норм на значок «Турист СССР». Только за 1959 г. в Крыму этот его получило 960 пионеров и школьников, а около 4 тыс. учащихся стало обладателями значка «Юный турист» [20, л. 22].

Данные о количественных результатах деятельности КрымДЭТС в отдельные послевоенные годы (в сравнении с довоенными показателями) представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Динамика показателей туристско-экскурсионной работы КрымДЭТС в 1940–1950-е гг. [21]

Показатель туристско-экскурсионной работы	1940 г.	1949 г.	1955 г.	1949 г. в сравнении с 1940 г.	1955 г. в сравнении с 1940 г.
Кол-во участников экскурсий (чел.)	7 305	5 346	15 092	73,2 %	206,6 %
Кол-во участников турпоходов (чел.)	581	480	4 878	82,6 %	839,6 %
ВСЕГО	7 886	5 826	19 970	73,9 %	253,2 %

Приведенные цифры свидетельствуют о том, что к концу 1940-х гг. показатели туристско-экскурсионной деятельности КрымДЭТС составляли около 70-80 % от цифр предвоенных лет. Однако к середине 1950-х гг. число участников экскурсий, непосредственно проведенных КрымДЭТС, превысило показатели 1940 г. более чем в 2 раза, а количество участников туристских походов, по сравнению с тем же годом, увеличилось более чем в 8 раз. После страшных испытаний, связанных с Великой Отечественной войной, детско-юношеский туризм в Крыму не только возродился, но и продолжил свое активное развитие, вопреки всем социально-экономическим проблемам послевоенного времени.

В то же время, на рубеже 1950–1960-х гг. окончательно обозначились основные проблемы, тормозившие дальнейший рост туристско-краеведческой работы пионеров и школьников Крыма. В отличие от параллельно существующей сети станций юных натуралистов и юных техников, не были созданы городские станции юных туристов в Ялте, Алуште, Феодосии, Евпатории (исключение составил лишь Севастополь, где появилась собственная ДЭТС) [22, л. 19]. Другой существенной проблемой было то обстоятельство, что КрымДЭТС не имело собственных капитальных зданий для туристских баз на Южном берегу Крыма и продолжало использовать арендованные школьные помещения. Здесь не могли быть созданы полноценные бытовые условия для проживания и питания юных туристов, а период их работы строго привязывался к периоду летних каникул, не превышая двух месяцев в году (середина июня – середина августа). Кроме того, необходимый для приема путешествующих пионеров и школьников инвентарь дважды в год приходилось транспортировать из Симферополя на ЮБК и обратно, из-за чего быстро приходил в негодность. Однако наиболее существенной проблемой являлось отсутствие долгосрочных перспективных планов развития детского туризма в регионе [23, л. 25]. Решение названных выше проблем стало приоритетной задачей руководителей детско-юношеского туризма Крыма в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Детский туризм в России. Очерки истории: 1918-1998 гг. / Автор-сост. Ю.С. Константинов. – М., 1998. – 176 с.
2. Колотуха О.В. Розвиток туристсько-краєзнавчої роботи в позашкільних закладах (Історичний аспект) // Туристично-краєзнавчі дослідження. Вип. 3. – К., 2000. – С. 227-239.

3. Шляпошников В.И. Работа Крымской областной детской экскурсионно-туристической станции // Известия Крымского отдела Географического общества СССР. Вып. 3. – Симферополь, 1954. – С. 113-120.
4. Дыбов П.П. Из истории Крымского республиканского центра детского и юношеского туризма // Клио. – Симферополь, 2001. – № 2. – С. 27-28.
5. Попов А.Д. Из истории детско-юношеского туризма в Крыму до начала Великой Отечественной войны // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2005. – № 68. – С. 27-30.
6. Государственный архив в Автономной республике Крым (ГААРК) – Ф. Р-1752. – Оп. 2. – Д. 2. – 4 л.
7. Там же. – Д. 6. – 9 л.
8. Там же. – Д. 13. – 5 л.
9. Там же. – Д. 33. – 54 л.
10. Там же. – Д. 32. – 42 л.
11. Кузьмина Р., Присковер С. Юные путешественники Крыма (из опыта работы областной детской туристической станции) // Опыт крымской школы: Краеведческая работа. – Симферополь, 1948. – С. 39-52.
12. Баташов И.И. Туризм со школьниками // Опыт крымской школы: Внеклассная работа. – Симферополь, 1947. – С. 144-150.
13. ГААРК. – Ф. Р-1752. – Оп. 2. – Д. 25. – 70 л.
14. О походах и экскурсиях крымских школьников (из опыта работы ОДЭТС). – Симферополь, 1958. – 92 с.
15. ГААРК. – Ф. Р-1752. – Оп. 2. – Д. 47. – 72 л.
16. Там же. – Д. 252. – 42 л.
17. Там же. – Д. 40. – 30 л.
18. Там же. – Д. 120. – 28 л.
19. Там же. – Д. 18. – 4 л.
20. Там же. – Д. 136. – 33 л.
21. Источники для составления таблицы: ГААРК. – Ф. Р-1752. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 21; Оп. 2. – Д. 25. – Л. 2об.; Д. 60. – Л. 2об.
22. ГААРК. – Ф. Р-1752. – Оп. 2. – Д. 121. – 26 л.
23. Там же. – Д. 174. – 35 л.

Попов О.Д. Крымська дитяча екскурсійно-туристська станція у післявоєнний період (1940-1950-ті рр.). / О. Д. Попов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 133-139.

Анотація: В статті вперше охарактеризовано організаційну, а також методичну роботу щодо розвитку туристсько-краєзнавчого руху серед дітей та юнацтва, що здійснювалася з 1944 до кінця 1950-х рр. Кримською дитячою екскурсійно-туристичною станцією.

Ключові слова: молодь, подорож, похід, екскурсія, краєзнавство.

Popov A.D. The Crimean Children's Excursion-Tourist Station in a post-war period (1940th - 1950th) / A. D. Popov // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 133-139.

Summary: In the article for the first time the organizational and methodical work on development of tourist-regional movement among children and youth, carried out from the 1944th to the end of the 1950th, has been described by the Crimean Children's Excursion-Tourist Station.

Keywords: youth, trip, hike, excursion, study of local lore.

Статья поступила в редакцию 18.12.2008 г.

УДК 355.433.5(569.4)+341.231 «1948/1949»

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ. ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ 1948-49 ГГ

Ермаков С. Г.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: panzerkrieg84@mail.ru*

В статье рассматриваются подробности провозглашения государства Израиль и ход боевых действий в Войне за независимость. Дипломатическая деятельность стран участниц конфликта. Данные о потерях стран принимавших участие в боевых действиях, а также потери среди мирного населения.

Ключевые слова: Израиль, Война за независимость.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

История арабо-израильского конфликта не только многократно описана как в академической, так и в научно-популярной литературе, но и стала едва ли не неотъемлемой темой всех ведущих мировых СМИ. По причинам естественным отечественный исследователь был знаком более всего с преваляровавшей в советский период версией, основанной на понимании «сионизма как формы расизма». Исчезновение в 90-е годы идеологической составляющей «ближневосточного заказа» открыло дорогу на постсоветский рынок книгам, написанным с противоположной точки зрения. При этом большая их часть отличалась идеологической страстностью и полемичностью, характерной для сионизма не меньше, чем для коммунизма.

Эта работа представляет собой попытку подробного описания так называемой «Войны за независимость», в результате которой появилось на свет государство Израиль. Мы попытались максимально беспристрастно описать события тех лет не симпатизируя ни одной из сторон конфликта. Рассмотреть боевые операции проводившиеся в рамках этого конфликта и развеять укоренившиеся мифы. Связанные с этим периодом истории XX века.

14 мая в пятницу последние члены английской мандатной администрации покинули территорию Палестины.

В 4 часа дня по радио была передана трансляция из тель-авивского музея, где проходила церемония провозглашения государства. Название нового государства было определено в последний момент, а окончательный вариант Декларации независимости напечатан лишь за час до официальной церемонии. Декларация независимости была оглашена Бен Гурионом. В ней, в частности говорилось: «29 ноября 1947 года Генеральная ассамблея Организации Объединённых наций приняла резолюцию о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль. Ассамблея возложила на жителей страны обязанность самим предпринимать все необходимые шаги к осуществлению этой резолюции. Это признание со стороны ООН права еврейского народа на создание своего государства незыблемо.

Это – естественное право еврейского народа, как любого другого народа, быть хозяином своей судьбы в своём суверенном государстве.

США через два часа признали Израиль де-факто. Формально они ждали процедуры выборов и избрания легитимного правительства для того, чтобы признать Израиль де-юре. СССР признал Израиль через два дня после провозглашения независимости. Но сразу де-юре. Арабские государства отказавшиеся признать резолюцию ООН о разделе Палестины, готовились к вторжению[2, с. 80].

В соответствии с соглашением от 27 апреля 1948 года, к Хагане присоединились отряды ЭЦЕЛа и ЛЕХИ, образовав там самым единые вооружённые силы и всё же не признавая главенство Хагана и принимали участие в проводимых ею акциях по своему усмотрению [3, с. 12].

ХОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ВОЙНЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

14-15 мая бригада Александрони, боевые части Лехи и ЭЦЕЛа провели операцию «Кильшон» с целью овладения зданиями, оставленными британскими войсками, для укрепления израильских позиций в Иерусалиме. Были заняты железнодорожный вокзал, Русское подворье, военная база «Аленби», монетный двор и гостипография. Попытка захвата Старого города Иерусалима потерпела неудачу[9].

Ливанцы обстреливали Малкию из пушек, а в атаке на неё участвовали броневики. Малкия пала 16 мая и возникла опасность захвата Нахарии, но дальше ливанцы двигаться не смогли.

Иракские войска, переправившись через Иордан, продвинулись по территории предполагаемого арабского государства Палестины на запад. Ими были захвачены Дженин и Тулькарем. Когда до Средиземного моря оставалось 20 км, иракская армия была остановлена еврейской бригадой Александрони, воевавшей в той местности с остатками освободительной армии Каукджи, удерживавшей гору Гильбоа. Каукджи разбили 28 мая, а иракцы отошли к Дженину. Город выдержал две атаки еврейских сил, но смог выстоять. Вплоть до перемирия боевых действий здесь больше не велось.

Египетские силы двигались двумя группировками. Одна египетская бригада двигалась приморской дорогой через Газу и Ашдод на Тель-Авив, а другое соединение наступало на Хеврон, имея дальнейшей целью Иерусалим. Египетская авиация смогла разбомбить аэропорт Дов на севере Тель-Авива, вскоре бомбёжкам подвергся и сам город. Двигаясь по арабским районам, египетская «тель-авивская» колонна спокойно вошла в арабскую Газу, а «иерусалимская» заняла Беэр-Шеву. Выйдя из Газы, египтяне безуспешно атаковали кибуц Нирим, обойдя его, войска потратили пять дней на взятие кибуца Яд Мордехай. После чего египетские силы штурмовали кибуц Негба. К концу мая египтянам удалось подойти к Ашдоду (Исуду). В окрестностях Ашдода развернулись тяжёлые бои, и дальнейшее продвижение на Тель-Авив стало невозможно.

В это же время, «иерусалимская» группировка генерал-лейтенанта Абд аль-Азиза, после успешного взятия Беэр-Шевы 20 мая, продвигалась на Иерусалим. Они быстро продвинулись к Хеврону и 22 мая уже входили в Вифлеем (Бейтлехем), где их ожидали войска иорданского Арабского легиона. Здесь египтянам противостоял

укреплённый кибуц Рамат Рахель под командованием Абрама Гальперина, за которым начинались еврейские кварталы Иерусалима. После атаки объединённых иорданских и египетских сил под командованием египетского полковника Азиза, территория кибуца была захвачена. Последние защитники укрылись в бетонном здании столовой. Одновременно иорданский командир Абдулла Тель начал обстреливать Еврейский квартал старого города в Иерусалиме. Но Рамат Рахель удалось выстоять, и дальнейшее продвижение арабских войск с юга на Иерусалим прекратилось.

На тель-авивском направлении, после ряда успешных ночных атак, египтянам пришлось отвести свои войска от Тель-Авива. Перед перемирием египтянам здесь всё же удалось захватить стратегическую высоту 69, но Тель-Авив так и не удалось взять.[5, с. 137-141].

В ночь с 24 на 25 мая 1948 Хаганой была проведена операция «Бин-Нун алеф», целью которой был захват шоссе на участке Латрун — Шаар ха-Гай, создание условий для прорыва в осаждённый Иерусалим. В операции принимали участие 7-я моторизованная бригада и 32-й батальон бригады Александрони. Этот бой стал одним из самых кровопролитных сражений в истории вооружённых сил Израиля — погибли более 70 бойцов, 140 были ранены. Из-за очень больших потерь израильтянам пришлось отступить.

В ночь с 30 на 31 мая в рамках операции «Бин-Нун бет» была предпринята вторая попытка захвата шоссе на участке Латрун - Шаар ха-Гай. В операции принимали участие 7-я моторизованная бригада и бригада Гивати. В ходе операции удалось совершить прорыв на одном из участков шоссе, что дало возможность создания новой окружной дороги на Иерусалим («Бирманская дорога»). Однако главное шоссе на Иерусалим продолжало оставаться в руках противника.

С 1 по 3 июня в рамках операции «Филистия» в окрестностях Явне и Ашдода израильтяне попытались атаковать войсковые соединения египетской армии продвигающиеся вдоль побережья на север силами бригады Голани, бригады Негев и батальона ЭЦЕЛа. Операция закончилась неудачей. С большими потерями израильтяне отступили. Неудачей закончилась и операция «Ицхак», проводившаяся с 1 по 9 июня целью которой был захват Дженина, его штурмовали бригада Голани и бригада Кармели. Понеся большие потери, бригады отступили.

8-9 июня была предпринята третья попытка захвата шоссе на участке Латрун - Шаар ха-Гай бригадами Ифтах и Харель. Операция закончилась неудачей. С большими потерями израильтяне отступили. Тем не менее, удалось расширить брешь на одном из участков шоссе, что позволило вновь получить доступ к окружной дороге на Иерусалим и открыть её для сообщения [9].

Иорданским Арабским легионом командовал английский офицер Джонн Баготт Глабб. Это была одна из последних легендарных фигур английской ближневосточной политики времён колониализма. С началом Второй мировой войны Глабб уходит из британской армии и принимает в 1939 г. командование над иорданским Арабским легионом. Эмиром Абдаллахом ему присваивается титул паши[10]. Но он был не единственным англичанином легиона, командиром первой

бригады был офицер Десмонд Голди. Легион был разделён на четыре полка. Два полка заняли Наблус, остальные силы двигались через Иерихон на Хеврон и Иерусалим. 16 мая была взята Рамалла, а 17 мая иорданские войска не входящие в состав Легиона заняли Масличную гору, ограничивающую Иерусалим с востока. Линия фронта между местными арабскими и еврейскими частями пролегла между еврейским кварталом Меа Шарим и арабскими кварталами Шейх Джарра и Мусрара. Позже евреи смогли захватить квартал Шейх Джарра. Арабы оборонялись так же по линии стен Старого Города. За этой линией фронта, однако, оставалось два еврейских очага сопротивления – ими являлись здания Еврейского Университета и больницы Хадасса на горе Скопус (Хар Ха-Цофим) и в еврейском квартале Старого Города. Вечером 21 мая 3-й полк Легиона, под командованием австралийца майора Уильяма Ньюмана двинулся на Иерусалим. Еврейский квартал Старого Города был блокирован, попытки захвата Нового города потерпели неудачу из за неудачного штурма французского монастыря Нотр Дам де Жерузалем. 28 мая раввины и командиры Хаганы, будучи отрезанными от остальных войск сдали еврейский квартал старого Города. Генералу Глаббу так же удалось перерезать линию снабжения еврейских войск в городе проходящую по шоссе Тель-Авив – Иерусалим, в местности под общим названием Латрун. Многочисленные атаки евреев с целью деблокации Иерусалима, как уже говорилось выше, ни к чему не привели. В самом городе евреи контролировали гору Скопус и университет [5, с. 141-147]. К 9 июня израильтяне построили новую дорогу через иерусалимские холмы. Они расчистили небольшую тропу, по которой ранее могли передвигаться только пехотинцы, по ней и пошли грузовики с продуктами и водой.

Для того чтобы содействовать прекращению боевых действий, ООН назначила своего представителя шведского дипломата Фольке Бернадотта посредником между воюющими сторонами. У Бернадотта имелся штаб, в который входили более 300 шведских, американских и бельгийских военных наблюдателей, в его распоряжении были транспорт, технический персонал и средства связи. При посредничестве дипломата 11 июня 1948 года удалось достичь соглашения о прекращении огня, которое длилось до 8 июля.

В ходе первого прекращения огня Бернадотт, исходя из ситуации, сложившейся на фронтах, разработал свой собственный план урегулирования. Он был обнародован 27 июня 1948 года. Полагая, что резолюция ГА ООН 181/II неудачна и предложенный в её рамках раздел Палестины на два независимых государства никогда не будет осуществлённых на практике, Бернадотт выдвинул следующие идеи:

1. Вместо двух независимых государств следует создать союз двух независимых образований, в котором арабская сторона будет представлена расширенным королевством Трансиордания.
2. В течение первых двух лет еврейская иммиграция в Палестину будет неограниченной, после чего право определять абсорбционные возможности Палестины перейдёт к одному из комитетов ООН (Совету по социальным и экономическим делам).

3. Все палестинские арабы должны иметь возможность вернуться к своим очагам и получить назад своё имущество.
4. Необходимо осуществить обмен территориями в соответствии с реальным положением дел. Негев перейдёт к Трансиордании, а Западная Галилея к Израилю. Иерусалим будет отдан Трансиордании с гарантией предоставления автономии его еврейскому населению. Хайфа и аэропорт Лод получают статус свободной зоны.

Арабы и евреи с крайним раздражением восприняли предложения Бернадотта. Его вариант не достаточно учитывал максималистские позиции сторон и требовал от них уступок по принципиальным вопросам. Единственный участник, которому план понравился, был король Абдалла. План также поддержал в СБ ООН британский представитель, поскольку в соответствии с ним большая часть Палестины досталась бы союзнику Великобритании. [2, с. 83-84].

Во время первого прекращения огня в Израиль прибыли 10 танков «Гочкис» Н-39, приобретённых во Франции. Вместе с танком «Шерман», купленным у англичан в Израиле, и двумя танками "Кромвель", украденными у англичан перед тем, как они покинули свои базы в Израиле, они составили 82-й батальон, ставший первым и единственным танковым батальоном Израиля. Экипажи были составлены из добровольцев из других стран (МАХАЛ, Митнадвей Хуц ла-Арец) и солдат - ветеранов Второй Мировой войны (ГАХАЛ, Гдудей Хуц ла-Арец), воевавших в танковых войсках. [11].

На первом этапе Войны за независимость евреи только отражали удары войск арабской коалиции. Было совершенно очевидно, что таким образом разгромить их не удастся. И военные руководители еврейского государства решили овладеть инициативой.

По всему фронту начались наступательные действия против позиций арабских войск. На Севере наступление бригад Гивати и Негев (операция «Ан-Фар») началось ночью 9 июля, были захвачены ряд арабских деревень и опорных пунктов египтян, однако блокаду с Негева снять не удалось. И на рассвете сирийцы контратаковали. Их наступление продолжалось пять дней, но также было отражено.

С 9 по 18 июля в окрестностях окрестности Мишмар-ха-Ярден, Верхняя Галилея проходила операция «Кипарис», целью которой был захват моста Бнот Яков — переход через границу с Иорданией, который удерживался сирийцами. В операции участвовали бригада Кармали и бригада Овед. В боях с сирийскими войсками, поддерживаемыми артиллерией, авиацией и танками, израильтяне потеряли 95 человек убитыми и были вынуждены отступить.

В нижней и Западной Галилее в это же время проводилась вторая наступательная операция. В которой участвовали 3 бригады (бригады голани, Кармели и 7-я механизированная бригада) под общим командованием генерала Хаима Ласкова. Этим соединениям удалось отбросить части Арабской Освободительной Армии аль-Каукджи. Были заняты города Шефарам, Назарет и арабские деревни в их окрестностях. На Центральном фронте и у Иерусалима проводилась операция «Дани», с целью захвата Лода и Рамле. Одна из самых

крупных военных операций периода Войны за независимость. Бригада Харель, бригада Ифтах, 8-я бронетанковая бригада (включая 89 десантный батальон под командованием Моше Даяна) а также части из бригад Александрони и Кирьяти. Общее командование — Игаль Алон. За десять дней боёв сумели потеснить «Арабский легион» и снять тем самым непосредственную угрозу Тель-Авиву, но деблокировать Иерусалим так и не удалось. На Южном фронте 5-я и 12-я бригады сумели отбить атаки египтян и попытались пробить коридор, соединяющий Неgev с центральной частью страны.

11-12 июля проводилась операция «Разуб» на границе между долиной Шарон и приморской низменностью Шфела. Операция по захвату Мигдаль Цедек и арабской части Рош-ха-Аин. Проводилась силами бригады Александрони. Поставленные задачи выполнены. Иракская армия отброшена от Петях-Тиквы и истоков реки Яркон.

17 июля бригада Эциони, части ЭЦЕЛа и Лехи совершили последнюю попытку захватить Старый город Иерусалима в период Войны за независимость. Операция закончилась неудачей.

17-18 июля проведена операция «Смерть захватчику» с целью прорыва блокады Негева. Силами бригад Гивати и Неgev. Были захвачены ряд арабских деревень и опорных пунктов египтян, однако блокаду с Негева снять не удалось.

28-30 июля была в рамках операции ГаИС совершена ещё одна попытка пробиться к Негеvu. В операции принимали участие бригады Гивати, Ифтах, Неgev и 8-я бронетанковая бригада. Операция закончилась неудачно, так же как и предыдущие. Неgev остался в блокаде.

Второе перемирие вступило в силу 18 июля благодаря постоянным усилиям представителя ООН графа Бернадотта. В отличие от первого перемирия не были указаны сроки его действия. В ходе него Армия обороны Израиля снова перегруппировалась на всех четырёх фронтах. Ими командовали генералы: Моше Кармель – Северным, Дэн Эвен – Центральным, Цви Алон – иерусалимским, Игал Аллон – Южным. [4, с. 457-458, 9.]

К этому времени Хагана контролировала на 30% больше территории, чем отводилось еврейскому государству по плану раздела Палестины.

17 сентября 1948 года граф Бернадотт был убит членами организации «Лехи».

В период второго перемирия ЛАГ объявила о создании палестинского правительства во главе с Ахмедом Хильми-пашой Абдель Баки. 30 сентября Высший арабский комитет по Палестине создал в Газе Палестинскую арабскую ассамблею в составе 85 членов. Её представителем, т.е. практически главой государства был избран муфтий Палестины Амин аль-Хуссейни. В течение октября газское правительство было признано всеми членами ЛАГ кроме Иордании [6, 7 с.]. В чьих интересах было присоединение Палестины к своему государству.

Несмотря на перемирие. 24 и 25 июля израильтяне атаковали 3 арабские деревни, блокировавшие дорогу на Хайфу, при этом использовались бомбардировщики В-17.

Решающая стадия боёв началась после убийства графа Бернадотта 17 сентября.

Несмотря на постоянно вспыхивавшие на фронтах бои, официальная историография относит период до 15 октября 1948 года к перемирию. А вечером 15 октября израильтяне начали новое наступление, получившее название операция «Иоав». Целью Израильского наступления было деблокирование Негева. Для этого были сосредоточены бригады Гивати, Ифтах, Негев, Одед и моторизованные подразделения 7-й бригады, привлечена артиллерия, авиация и флот.

Операция «Иоав» началась 15 октября в 17.40 воздушной атакой израильтян на Эль-Ариш, в которой участвовали два «Бофайтера» и три «Спитфайра» с бомбами. В результате был разбомблен большой ангар и повреждены два истребителя египтян. Ответным зенитным огнём был тяжело повреждён один «Бофайтер» с трудом приземлившийся в Тель Нофе. Бомбовый удар по Газе был сорван противодействием авиации противника. Ночная бомбардировка так же не достигла своих целей. Третий удар наносили три Б-17. Целью выступал Маджал, но город экипажи не нашли и сбросили бомбы около одной из деревень.

16 октября израильская бригада «Негев» при поддержке танков атаковала египетскую оборону в Ирак-эль-Маншуя. В операции приняли участие по меньшей мере два танка «Кромвель», четыре «Гочкиса» и. Возможно, несколько «Шерманов». В ожесточённом многочасовом сражении «Кромвели» получили повреждённые и отошли, а все «Гочкисы» были уничтожены. Израильская пехота несла потери от артиллерийского огня противника, но один взвод всё же смог ворваться на высоту, где располагался штаб противника. Майор Гамаль Абдель Насер (будущий президент Египта) вызвал огонь артиллерии на себя. Потеряв убитыми и ранеными треть солдат, израильский взвод отступил. А вскоре израильское командование отдало приказ отойти на исходные позиции всей бригаде. В 16.00 египетские позиции атаковали израильские «Бофайтеры». В 16.30 три Б-17 под охраной «Спитфайра» нанесли удар по египетской артиллерии в Феллуджи, что во многом повлияло на исход сражения. На Приморском направлении израильские бригады «Гивати» и «Ифтах» угрожали отрезать египтян в Ашдоде и Маджалде, поэтому египетские войска начали отход из Ашдода.

В итоге боевых действий на юге. Несмотря на грамотную и упорную оборону египтян, а также тяжёлые потери наступавших израильских подразделений, израильтянам удалось действуя на флангах перерезать коммуникации противника и расчленив фронт на три части, ликвидировав блокаду Негева. Египтяне отступили из Беэр-Шэвы, Ашдода и Маджала, тем самым была окончательно ликвидирована угроза Тель-Авиву. Более того, 27 октября израильский батальон захватил форт Бейт Джибрин, окружив 9-ю пехотную бригаду в Феллуджи.

Нанеся поражение египетской армии, израильтяне начали 28 октября наступление против полупартизанской «Армии освобождения арабов», которая контролировала часть арабской Галилеи, опираясь на ливанскую и сирийскую границы. В операции принимали участие бригада Кармели, бригада Одед, 7-я моторизованная бригада, при поддержке друзского и черкесского батальонов. Разбив эту армию, евреи отбросили от границы 4 ливанских батальона и оккупировали ливанскую территорию Верхней Галилеи включая поселения Манара, Саса, Таршиха, Илабун, и Мрар. Арабская Освободительная Армия отброшена за

реку Литани. На этом боевые действия в Галилее закончились, а её территория стала козырной картой в переговорах о перемирии.

28 ноября моряки-десантники ВМС Израиля попытались уничтожить железнодорожное полотно и взорвать ряд коммуникационных сооружений на перегоне Рафах - Эль-Ариш в рамках операции «Хатхала», попытка не удалась.

5 декабря, при подготовке операции «Хорев» в Западном Негеве 89-й десантный батальон 8-й бронетанковой бригады и 13-й батальон бригады Голани. Провели операцию «Хатхала», целью которой было уничтожение опорных пунктов египетской армии. Опорные пункты были уничтожены. Египетская армия понесла тяжёлые потери в живой силе и технике.

Наступление, начавшееся 22 декабря, получило название «Хорев». В ней участвовали бригады Голани, Негев, Харель, бригада Александрони, 8-я бронетанковая бригада, ВВС Израиля. Несмотря на то, что египтяне отбили атаки на Феллуджи и полосу Газы, их обошли с флангов и все их коммуникации в Палестине и Северном Синае были перерезаны. Египетская армия оказалась перед угрозой полного разгрома. 1 января 1949 года Израиль получил от англичан ультиматум с требованием вывести свои войска с территории Синае, иначе Великобритания окажет Египту военную помощь в соответствии с договором 1936 года. К утру 2 января израильтяне покинули Синайский полуостров [1, с. 50,60, 68].

28 декабря бригада Александрони попыталась зачистить Фалуджийский карман — местность, в которой в результате операции «Иоав» оказалась запертой в окружении египетская бригада. Операция закончилась неудачей. Бригада понесла большие потери, пятеро бойцов попали в плен к египтянам.

2 января 1949 года проходила операция «Оз». Была совершена вторая попытка нарушить железнодорожное сообщение между Газой и Египтом. Операция не удалась. Высадка десанта была обнаружена египтянами.

8 марта 1949 года ВМС Израиля и бригада Александрони захватили местность в районе Эйн-Геди. Арабский легион отступил без боя.

6-10 марта 1949 года израильтяне провели операцию «Увда», взяв под свой контроль южную часть Негева, которая по резолюции ООН 1947 года отходила Израилю. 10 марта израильские войска вошли в Ум Рашраш (ныне порт Эйлат), самую южную точку созданного государства Израиль. Таким образом, боевые действия и здесь завершились.

24 февраля 1949 года было подписано перемирие с Египтом, к которому отошёл Сектор Газа. 23 марта израильтяне заключили перемирие с Ливаном и вывели войска с территории этого государства. 3 апреля – перемирие с Иорданией, которая сохранила за собой почти все территории, занятые в первые недели войны, - часть Иерусалима, Латрун и почти весь западный берег реки Иордан, включённые в состав Иорданского Хашимитского королевства. Последней перемирие подписала Сирия – 20 июля, к ней отошёл район Аль-Химма [1, с. 72-73].

Израиль захватил 6.7 тыс. Квадратных километров территории Палестины, которая по решению Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1949 года предназначалась для арабского государства, и западную часть Иерусалима. Другая часть Палестины, отведённая арабскому государству и восточная часть Иерусалима

(5,5 тыс. кв. км) вошли в состав Трансиордании. Сектор Газа (258 кв. км.) перешёл под контроль Египта, район аль-Химма – Сирии. Во время войны 1948-1949 гг. свыше 1 млн. арабов было согнано с родных мест [6, с. 8].

Потери арабских армий точно неизвестны, разброс общего числа потерь колеблется между 10 и 15 тыс. чел.

Израилю эта война обошлась в 6400 (4000 солдат и около 2400 мирных жителей) убитых и 12 тыс. раненых [7].

Война впоследствии была названа «Войной за независимость» или Первой арабо-израильской войной. Этот конфликт окончательно закрепил на Ближнем востоке еврейское государство, похоронив тем самым идею арабского государства на территории Палестины. События 1948-49 годов стали первым звонком для палестинских арабов показав им неустойчивость позиций арабских стран в борьбе против государства Израиль. В последствии борьба за Палестину целиком ляжет на плечи палестинцев.

Список литературы

1. Жирохов М.А. История ВВС Израиля – М.: АСТ, 2001. – 400 с.
2. Звягельская И.Д. Карасова Т.А. Федорченко А.В. Государство Израиль. – М.: ИВ РАН, 2005. – 560 с.
3. Лаффин Д. Чаппел М. Израильская армия в конфликтах на Ближнем Востоке 1948 – 1973. – М.: АСТ, 2002. – 66 с.
4. Штейнберг М. Евреи в войнах тысячелетий – М.: Мосты культуры, 2005. – 592 с.
5. Штереншис М. ЦАХАЛ – армия обороны Израиля. - Герцлия: ISRADON, 2005. – 352 с.
6. Щевелев С.С. Палестинский аспект Ближневосточного конфликта (1947-2005 гг.) – Симферополь-Москва: МЦСПИ, 2005. – 184 с.
7. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/112848> – 15.08.2009
8. http://artofwar.ru/z/zhirohow_m_a/text_0360-1.shtml – 20.08.2009
9. http://ru.wikipedia.org/wiki/Военные_операции_ЦАХАЛ_в_Арабо-израильской_войне_1948—1949_годов – 20.08.2009
10. http://ru.wikipedia.org/wiki/Глабб,_Джон_Баггт – 18.08.2009
11. <http://www.waronline.org/IDF/Articles/tanks48.htm> – 20.08.2009

Ермаков С.Г. Проголошення держави Ізраїль. Хід бойових дій у Війні за незалежність в 1948-49 рр / С. Г. Ермаков // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Історія. – 2008. – Т. 21 (60), № 1. – С. 140-148.

В статті розглядаються подробиці проголошення держави Ізраїль та хід бойових дій у Війні за незалежність. Дипломатична діяльність стран що приймали участь у війні. Приведена кількість втрат серед держав приймавших участь у війні, а також втрати серед мирного населення.

Ключові слова: Ізраїль, Війні за незалежність.

Ermakov S.G. The Proclamation Of The State Of Israel. A Course Of The Fighting In The Independence War In 1948-49/ S.G. Ermakov // Scientific Notes of Taurida V.Vernadsky National University. – Series: History. - 2008. – Vol. 21(60), No. 1. – P. 140-148.

An article researches the details of the proclamation of the state of Israel and a course of the fighting in the Independence War in 1948-49. Diplomatic activity of the countries of participants of the conflict. The data about losses of the countries taking part in operations, and also losses among the peace population.

Key words: Israel, The Independence War.

Стаття поступила в редакцію 18.12.2008 з.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безбражная Елена Андреевна, аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им. В.И. Вернадского; 95007, Симферополь, проспект Акад. Вернадского 4, ТНУ, тел. 608-000, моб. (095)4727475, e-mail: applle@mail.ru

Бойко Володимир Володимирович, канд. історичних наук, завідувач кафедри історії, філософії і права Таврійського гуманітарно-екологічного інституту (м.Сімферополь). Сфера наукових інтересів: економічна історія Півдня України другої половини XIX – початку XX століття.

Громенко Сергей Викторович, ТНУ им. В.И. Вернадского, аспирант кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин, e-mail: gromserg@meta.ua

Ермаков Станислав Глебович, аспирант кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Таврического национального университета, проспект Вернадского 4; Симферополь 95007 Украина, г. Симферополь, тел. 22-34-06, e-mail: panzerkrieg84@mail.ru

Задерейчук Алла Анатольевна, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, кафедра истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин, ассистент, кандидат исторических наук, г. Севастополь, ул. Шелкунова, 4, кв. 3, e-mail: zadereychukA@yandex.ru

Задерейчук Иван Панасович, Крымский юридический институт Одесского государственного университета, зам. нач. кафедры теории и истории гос. и права, кандидат исторических наук, 95007, г. Симферополь, ул. Лескова, д. 43, кв. 3, e-mail: zadereychuk@rambler.ru

Каушлиев Г.С., соискатель кафедры истории Украины, тел.: 050 5833274, e-mail: genasimf@mail.ru

Клапчук Володимир Михайлович, Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника, кафедра екології та рекреації, кандидат географічних наук, доцент. Сфера інтересів: історія традиційного господарства Гуцульщини другої половини XIX – першої третини XX ст. 78442, Івано-Франківська область, смт. Делятин, вул. Б.Хмельницького, 9, тел.дом.: 8(03475) 4-31-84; тел.моб.: 0509669229. e-mail: volodymyr_klapchuk@ukr.net

Латишева О. В., к.і.н. доцент кафедри історії України та допоміжних історичних дисциплін, Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського

Назарчук Татьяна Борисовна, Крымский университет культуры искусств и туризма, кафедра «Книговедение и музейное дело», преподаватель, г. Симферополь, ул. Киевская, 39, тел.: 066-05-77-284

Непомнящий Андрей Анатольевич, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, профессор кафедры истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Крымского института бизнеса, e-mail: popalex79@mail.ru

Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сот рудник, Крымское отделение Института Востоковедения им. А. Крымского НАН Украины, г. Симферополь, тел.: 8-050-230-44-96, e-mail: prohorov1da@yandex.ru

Прохорова Татьяна Александровна, Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, кафедра истории древнего мира и средних веков, аспирантка 1-ого года обучения; г. Севастополь, ул. Т. Шевченко, 29/211, e-mail: grejfruit@mail.ru

Севастьянов Александр Валериевич, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, кафедра истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин, аспирант, 95026, г. Симферополь, ул. Киевская, д. 92-А, кв. 25, e-mail: sru_crimea@mail.ru

Сейтмететова Сельвина Алиевна, кафедра истории Украины и вспомогательных исторических дисциплин Таврического национального университета им.В.И. Вернадского; аспирант, 95049, Симферопольский район, с. Трудовое, ж/к Акрополис, ул. Ешиллик, д. 5, тел. 607-882

Филимонов Сергей Борисович, Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, заведующий кафедрой российской истории, доктор исторических наук, профессор

Хапаев В.В., Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, Севастополь, Украина, e-mail: khaev007@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Хапаев В.В. Письменные источники по истории крымских землетрясений античного и средневекового периодов	3
Каушлеев Г.С. Путешествие в Крым академика В.Ф.Зуева в контексте деятельности Академии наук по изучению новых территорий.....	16
Прохорова Т.А. Фредерик Ле–Пле. Опыт французского социолога из «Путешествия в Южную Россию и Крым».....	21
Бойко В.В. Эмиграционные движения крымских татар в Турцию в середине XIX – начале XX века: причины и влияние на социально-экономическое развитие Крыма.....	27
Громенко С.В. Антоний Марцинковский: к вопросу о становлении крымоведческого направления в польской историографии.....	35
Сеитмететова С.А. Жанры и типы публикаций в газете «Терджиман».....	43
Клапчук В.М. Медицина та санаторне лікування на Гуцульщині у XIX-XX ст.....	52
Задерейчук А.А. Деятельность Владимира Эдуардовича Фальц-Фейна в Государственной Думе Российской Империи III созыва	63
Прохоров Д.А. Элементы музыкального воспитания в учебном процессе русско-караимских школ и училищ Таврической губернии (1870-1917 гг.)	75
Филимонов С.Б. Об историографии и источниковедении истории Таврического университета (1918 – 2008).....	81
Непомнящий А. А. По поводу замечания г-на Филимонова о «Методики соавторства»	86
Безбражная Е. А. Роль крымских ученых в восстановлении заповедно-исследовательского комплекса Аскания-Нова (1918 – 1930 гг.).....	88
Латишева О. В. Історія становлення радянської системи державного страхування. Висвітлення в історіографічних джерелах та літературі 20-х років	97
Задерейчук І.П. Клубні заклади в системі просвіти німців Криму 20-30-х рр. XX ст.....	106
Назарчук Т. Б. Справочная работа библиотек Крыма в 20-30-е годы XX века	113

Севастьянов О. В.	
Питання вивчення середньовічної історії Криму у науковій спадщині Російського товариства з вивчення Криму (1922-1932 рр.).....	124
Попов А.Д.	
Крымская детская экскурсионно-туристическая станция в послевоенный период (1940-1950-е гг.).....	133
Ермаков С. Г.	
Провозглашение государства Израиль. Ход боевых действий в Войне за независимость 1948-49 гг.....	140
Сведения об авторах.....	149
Содержание.....	151